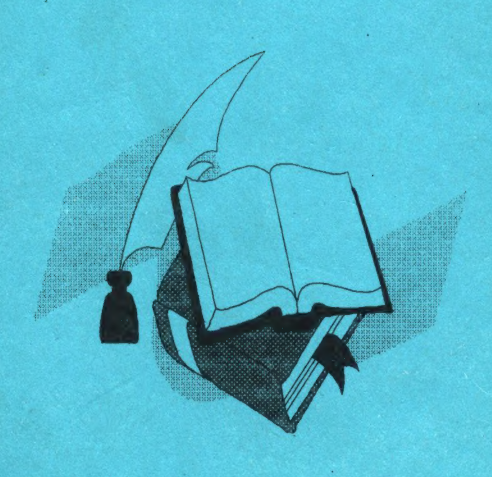
Владимир Голдин

ПО РЕКЕ ЛУЗЕ

ЕКАТЕРИНБУРГ
1999

Владимир Голдин

Афанасию Семеновичу К[redacted] на добрую память с пожеланием творческих успехов, с уважением автор
4.10.99

ПО РЕКЕ ЛУЗЕ

Повести и рассказы

P.S. Спасибо за Ваши книги.

ЕКАТЕРИНБУРГ
1999

ББК 84
Г 60

Г 60 Голдин В.Н.

По реке Лузе: Повести и рассказы. - Екатеринбург, 1999.
209с

ISBN 5-8056 - 0018- 8

МЕТЕЛЬ

Дом Дмитрия Чеканова, учителя литературы местной школы, стоял на другом берегу реки. Отдельно от всех. Только два дома еще притулились в этом особячестве. Летом здесь был чистый рай: ни пыли, ни машин, которые по осени, правда, когда вывозили сено, разбивали проезжую часть перед домом Чеканова в жидкую грязь. Зимой первозданно чистый, не изгаженный машинами и отходами кочегарок, лежал снег. Чеканову нравилась эта отдаленность или особячество, как он говорил сам. В стороне от людей, пьяных ссор, каких-то мелких соседских придирок, перерастающих нередко в глубокую вражду.

Прямо с крыльца его дома, через огороды и сенокосы, виднелся крутой скалистый берег реки, весь поросший елями и пихтами. «Как они там живут», - всегда думал о них Чеканов. И однажды, летом, пошел он убедиться лично: пощупать корни, кору, соприкоснуться со стволами этих смелых и выносливых деревьев, устроившихся на краю пропасти, чтобы потом, зимой, рассматривая их издалека, в другом наряде, знать, как своих близких друзей.

Он пошел не тропой, хорошо протоптанной на крутом голом спуске коровьими и человеческими ногами, не с тыла, как хитрый победитель, чтобы потом прокричать во все горло с высоты отвесной скалы: «Смотрите, вот он я, вместе с вами, стою и радуюсь жизни». Нет. Чеканов пошел, скорее полез, прямо от берега реки сразу в гору, хватаясь за корни и стволы знакомых ему деревьев, за выступы скал и заросли кустарника, по свежему пахучему мху, через колючий шиповник и высокую малину. Несладко приходится деревьям на этом крутом спуске:

то вдруг пихта в одночасье покраснеет вся снизу доверху, опалит ее пожар внутренней болезни, то буйный ветер с хрустом, как борец на ковре, уложит ствол дерева на лопатки скалистого покатого ковра.

Чеканов преодолевал все эти завалы молча, сочувствуя живым растениям, радовался микроклимату. Здесь всегда солнце. Снег стекает под теплыми лучами уже в конце марта - начале апреля, когда еще на северных склонах и равнине он лежит нетронутый. И цветет здесь все раньше, чем в других местах, кусты земляники белыми звездочками мигают на фоне сочной весенней травы уже в конце апреля, и малина в завалах и скальных выемках раскрывает свои скромные фонарики раньше времени.

Но сейчас зима. Стоят деревья в зеленом вечном убранстве и белеют среди них только скалы. Второй день пурга. Чеканов вышел на крыльцо, его любимый пейзаж пересекали струи несущегося снега. Снежинки, которые еще вчера мирно блестели, сегодня на тридцатиградусном морозе превратились в коварные иголки. Ветер гнал их бессистемно, как разгулявшийся султан прислугу, то вздымая ввысь, закрывая горизонт снежным туманом, то ударяя в стены дома, забивая все щели и образуя новые сугробы, то развернувшись в полный оборот и уже по утрамбованному старому сугробу пускал струю снега с высокого обрыва в овраг горной речушки и заполнил его в считанные минуты двухметровую глубину.

- О-хо-хо, - пробурчал Чеканов, - красиво, когда теплый дом за спиной, а каково тому кто в дороге.

Он еще постоял некоторое время, послушал плач снежинок, ревнивые упреки ветра в их адрес за кокетливое подмигивание солнцу. «Что-то нынче слухопарк не работает, - отметил про себя Чеканов, - в это время всегда сова ухала. Хорошо, птицу не видно, а послушать вечером всегда приятно. Наверно улетела в другое место, или подстрелил какой-нибудь ухарь, народ-то нынче обозлен на всю эту финансовую разруху». Чеканов вздрогнул плечами на морозе с ветром и ушел в уютный дом.

Чеканов был в доме один, его жена что-то приболела и лежала в районной больнице. Вернувшись с мороза, хозяин сбросил телогрейку, заменил валенки на тапочки, прошел к русской печи, радуясь теплу, положил руки на ее разогретые бока, погладил, зябко подергивая плечами, привалился к печке

спиной и задом. Благостное тепло растопило гнев ветра проникшего, кажется, в саму душу.

- Это тебе не городская батарея, - согреваясь, разговаривал сам с собой Чеканов, - там и валенки негде пристроить.

Время было не позднее, но метель перемешала сумерки с ночью и в доме потемнело раньше времени. Чеканов включил свет в своей комнате. Книги от пола до потолка стояли ровными рядами на книжных полках, как солдаты в строю. «По порядку рассчитаись», - шутливо скомандовал Чеканов. «Буря мглою, небо кроет, вихри снежные крутя, то как зверь она завоет, то заплачет как дитя». «Молодец юбиляр, Александр Сергеевич, первым откликнулся, но тебя все знают». «Прекрасны вы, поля земли родной, еще прекрасней ваши непогоды».

- Кто это? - насторожился Дмитрий Иванович Чеканов, разыскивая глазами автора. А, это Вы, Михаил Юрьевич, какая прекрасная и глубоко философская мысль, что бы было с Россией, если бы Вы так рано не ушли из жизни?

- Я всю жизнь мирно прожил, любил не меньше Пушкина, писал для себя легкие возвышенные стихи, но в России ничего не изменилось, послушайте: «Чародейкою зимой околдован лес стоит - и под снежной бахромою, неподвижною, немою, чудной жизнью он блестит». Обратите сюда внимание, господин Чеканов, это я, Федор Иванович Тютчев. Вам еще что-нибудь почитать про зиму или другие времена года?

- Достаточно, - перебил Тютчева хорошо поставленный барский голос - подумаешь, Тютчев, мы не хуже его, послушай господин хозяин, это прямо для тебя, в точку, не перебивай.

Как все вокруг сурово, снежно,
Как этот вечер сиз и хмур!
В морозной мгле краснеют окна нежно
Из деревенских нищенских конур.

Ночь северная медленно и грозно
Возносит косное величие свое.
Как сладко мне во мгле морозной
Мое звериное жилье!

- Спасибо, Иван Алексеевич, мне приятно «мое зверинное жилье».

- Какой Иван? у нас много Иванов в литературе, - зашелестел шепот в переполненной книгами комнате.

- Да Бунин это, Бунин - успокойтесь, - сказал громко Чеканов.

Метель разыгралась не на шутку, снег хлестал по стенам дома, в окна снежинки не могли проникнуть, но ветер упрямо их гнал и в своем упорстве находил в окнах щели и хотя ослабленный, но проникал в дом. Дмитрий Иванович пошел топить печку.

- И это все? Все общение с поэзии, о зиме? Да я сам из города Зима, и поэма у меня есть «Зима», - шумел редко читаемый Евтушенко.

- Откуда ты? Что тебя, зимним ветром из Мексики занесло? - поинтересовался Чеканов.

- С какой Мексики, с твоей книжной полки. Все Пушкин, Пушкин - диктатор, 97 процентов читателей под себя подмял, как будто других нет, - ворчал Евтушенко.

Чеканов растопил печь. Слабый запах дыма наполнил помещение. Потрескивали охваченные огнем поленья. Хозяин разогрел ужин - поел, и с горячим стаканом чая в руках зашлепал в домашнюю библиотеку. Длинный зимний вечер продолжался, и интерес у Дмитрия Ивановича был один: пурга, метель, мороз, зима.

Он взял «Капитанскую дочку» Пушкина, перечитал, перелистал его же «Метель», вспомнил Свиридова - и эти два русских имени слились в его сознании в единое целое. Затем долго перечитывал «Сон о белых горах» В. Астафьева, «Ваньку Хлюста» В. Шишкова. Потянулся , хрустнув застоявшимися суставами, стал собираться спать. «Завтра рано вставать», - подумал Чеканов. Но вновь недовольный голос остановил хозяина: «Я все же первый русский Нобелевский лауреат в области литературы, а меня не вспомнил...» Как же, Иван Алексеевич, без вашего рассказа «В поле» разве может быть полный литературный пейзаж о русской зиме. Нет, конечно. Чеканов перечитал и этот рассказ.

- С вами не соскучишься, дорогие мои, ни в зной, ни в холод. Все. Достаточно. Иду спать, - заключил хозяин дома.

* * *

Но сон не шел. Чеканов ворочался с боку на бок, все уговаривал себя: «Спи, завтра рано вставать», но мысли будоражили сознание, отгоняли сон.

Чеканов вспомнил свои университетские годы, товарищей, с которыми они решили идти в поход на Денежкин Камень. Была осень, октябрь. Оделись они соответственно времени года, только обувь подобрали покрепче - все-таки в горы собрались. Уже в Североуральске Денежкин Камень показал свою мощь и красоту, покрытую снегом. Они успешно преодолели автобусную и пешую часть маршрута. У подножия горы стояла избушка, собачий лай потревожил отдых одинокого человека, жившего здесь в то время сторожем, охранявшим заповедное место. И он, мужчина лет сорока, стоял на невысоком крыльце, спокойно наблюдая, как чертят по снегу трое мужиков след от последнего населенного пункта до его жилья.

Не успели трое парней устроиться на ночлег, как собака вновь тревожно залаяла, и в избу уже из полной ночной тишины стали входить люди. Огонек свечи неспокойно метался на своей слабой основе, то куда-то устремляясь почти параллельно столешнице к окну, то порываясь вверх, в испуге цепляясь за стеариновый шнурок.

А люди все входили, входили. Первые уже дошли до стола, другие остановились у ровно гудевшей небольшой печурки - и огонь, сверкавший через неплотно закрытую дверцу, освещал людские колени и тут же начал сушить их влажную одежду, от которой тонко заструился парок.

Вошло и встало восемнадцать человек - туристов.

Собака в испуге забилась под нары хозяина. А сам сторож, сидевший на нарах, готовый ко сну, в тельняшке, небритый, с отросшими волосами, дождавшись, когда в дверях установилось спокойствие и речь бойких туристов перешла на угасающий шепот, сказал спокойно, но в тишине прозвучало как торжественный доклад:

- Располагайтесь коль пришли. Куда деваться, больше некуда. Была еще избушка, да ваш же брат туристы порушили - сожгли.

И опять начались разговоры, возня. Рюкзаки вылетели на улицу и весь пол в избушке устлали спальными мешками, как коврами в Голубой мечети сказочного Стамбула.

Утром, чуть свет, собрались в гору. Радостные люди, выскочившие на свежий воздух из темной душной избушки, резвились, бросали рыхлый молодой снег друг в друга. По дороге в гору отряд растянулся не на одну сотню метров. Продолжали шутить, разговаривать, заигрывать, но никто не думал о предстоящем подъеме. Самые энергичные шли вперед прокладывая тропу. Миновали камни реки Сухой Шарп, вышли на перевал. Перекусили. Вершина была недалеко. Казалось, поднимись на скальный уступ, который круто поднимался перед глазами, а там уже траверс и... прямая дорога на вершину. Все радостно оживились предвкушая легкий подъем. Кто-то высказал мысль: «А что там дальше-то делать? И так все ясно. Считай, поднялись». Группа туристов раскололась. Одни решили вернуться назад, удовлетворенные виденным, другие идти до победы, но налегке. Рюкзаки с провиантом и инструментом положили под камень и оставили на перевале в расчете забрать на обратном пути. Студентам оставлять было нечего, все свое они несли на себе.

Группа начала движение, но одна ее часть с криками и шутками: «Умный в гору не пойдет...» по протоленной тропе устремилась вниз, а другая начала подъем. Видимый горный уступ преодолели легко и быстро, но за ним не было траверса. Новый горный уступ был однообразно сер, в расщелинах каменных глыб лежал снег и только бледно-зеленые лишайники на макушках камней ласкали взгляд. Кой-кто простонал с сожалением: «Надо было идти с теми». Горные уступы, как морские волны, накатывались один за другим. Преодолели третий, четвертый и пятый уступы. Начался легкий снегопад и ветер. Начался ропот: «Сколько их, этих уступов, еще? Сколько можно?» Ветер все крепчал, задувая в спину, как бы толкал людей в гору, и они молча шли, упрямо преодолевая скалы. На траверсе свирепствовала метель. Она легко продувала студенческие одежды, трепала штормовки и брезентовые брюки туристов. Уступать уже не хотелось. На вершине горы стояла невысокая деревянная вышка. В снегу раскопали тур, положили свои послания.

Ветер свистел. Снег колючими иголками впивался в лицо и таял, стекая каплями. В радиусе пяти метров ничего не было видно. Снежная пелена, как облака, неслась над вершиной горы. Все дружно, не сговариваясь, пошли вниз. Расчет был прост: по следу оставленному собственными ногами, выйти на

перевал. Но через какой-то десяток метров следы исчезли. Метель заровняла их, как слесарь-лекальщик. Люди проскочили место нужного спуска незаметно, как в городской толпе проходят лица незнакомых людей.

Началась паника. Руководитель группы туристов и врач ушли вниз с перевала. Жена врача была на траверсе Денежкиного Камня. Она первой забеспокоилась: «Как мы здесь? Без хлеба, без воды, а те внизу пойдут нас искать!». Ее поддержали еще две женщины, оказавшиеся в группе: «Куда вы нас завели?» Начались поиски виновного. Чеканов тогда еще не знал, что женщина в трудных условиях создает больше проблем, чем сама природа. Стихийно образовалась группа лидеров. Чеканов предложил сразу же спускаться вниз, к лесу, там не будет ветра, найти ручей и по нему выйти на любую квартальную и там сориентироваться. «К какому лесу, - возразил кто-то, - когда в двух метрах ничего не видно». Чеканов шагнул вниз, провалился в пургу, цепляясь за камни, скользя по утрамбованному снегу, прыгая с камня на камень, он быстро оставил позади себя первый горный уступ. Остановился. Туристы серой каплей сгрудились вверху, а затем, один за другим черной снежинкой в вихре серого тумана, спотыкаясь и падая, настигли Чеканова. Дождались последнего. И вновь Чеканов без лишних слов ушел вперед. Нужно было торопиться, в придачу к метели начали спускаться сумерки. В лес они вошли уже в темноте. Стало тихо. Только вершины хвойного леса качались в высоте. Вышли на ручей, а по нему на квартальную. Вновь несколько успокоившиеся люди, мокрые и голодные, заспорили, в какую сторону идти, но с Чекановым они уже не спорили. Он пошел вперед, громко распевая солдатские строевые песни. К дому сторожа подошли около трех часов ночи. Холодные тени елей от серой луны упирались в избушку. Сторож и все кто был с ним стояли в ожидании на улице. Радостно лаяла собака, встречая пришедших.

- Уж я стрелял, стрелял в воздух! Вы не слышали? - спрашивал сторож, - да где там услышишь, такая пурга взялась, это здесь, а в горах-то, я представляю.

* * *

Утром в шесть часов, еще затемно, Чеканов вышел на улицу. Метель не унималась, закрывая дом на замок, он почувст-

вовал, как быстро замерзли руки. «Хорош мороз», - отметил он про себя. За воротами его ждала полная неожиданность: дорожку, которую Чеканов пробил, как тоннель в снегу, замело вровень с сугробами. Он шагнул в снег, проваливаясь по пояс. Сумка с передачей для жены волочилась за ним по снегу, как санки. Он шел медленно и тяжело и все думал: «Как бы не опоздать на автобус», бестолково суетился, потел, ветер трепал клапана шапки, а шнурки то хлестали по лицу, то улетали куда-то за спину. «Как бы не промахнуться на мостик через горную речушку, а то провалишься с головой», - напряженно думал, всматриваясь в снежную пелену, Чеканов, окончательно сбив дыхание в снежной толчее. Вышел на висячий мост через большую реку, вытряхивая на ходу снег, набившийся в унты. Когда он выбрался на улицу поселка, которая вела к автобусной остановке, вдалеке увидел мерцание автомобильных огней. «Неужели опаздываю, вроде нет, - Чеканов посмотрел на часы, - наш шофер не мог приехать раньше времени, быстрей гнилой пень с места сдвинется, чем тот приедет на остановку, даже в такой мороз».

Чеканов опять засуетился, сбивая свое дыхание. «Куда ты летишь? - сдерживал он себя, - а с другой стороны - огни, кто знает».

Автобус пришел поздней назначенного времени, светили огни какой-то заезжей машины.

Дорогу перемело, и не доезжая километра два до станции, автобус остановился.

В больнице жена внимательно посмотрела на мужа, рассмеялась:

- Митя, да ты поморозился.

- Как это? - возразил Чеканов.

- Щеки, нос - красные, мочка уха. А еще бывалый.

- Ладно. К тебе торопился, - оправдывался Чеканов, - давай приезжай скорей, без тебя скучно.

Через неделю метель закончилась. Чеканов вышел на крыльцо посмотреть на любимый пейзаж. Издалека, с елей, пристроившихся на крутом спуске к реке, раздавался крик совы.

- У-ха, у-ха.

- Жива птичка, - отметил про себя Чеканов, - почесывая заживающую щеку, и вспомнил Константина Романова:

Когда листы, поблекнув, облетели,
И сном зимы забылось все в лесу,
Одни лишь вы, задумчивые ели,
Храните прежнюю красу.

1999 г.

САШКА

Ранним утром я шел по одноэтажной, деревянной улице за город к реке. С высокого косогора виднелся мост. Дорога за мостом круто поворачивала вправо по течению реки, прямой серой лентой терялась в прибрежных кустах и, взметнувшись серыми клубами пыли из-под колес проходящего транспорта, врезалась на горизонте в серо-зеленую массу леса. Августовское солнце тихо прогревало утренний воздух, меня постоянно обгоняли машины, обдавая синими клубами перегорелого бензина или копотью солярки, но чтобы не терять времени на лишние переговоры с шоферами я не голосовал. Дорога за мостом раздваивалась. Мост скрипел под тяжестью транспорта, выбрасывал фонтаны пыли с расшатанного перекрытия, как гейзер горячую воду из своих внутренних кладовых.

Километрах в двух от моста меня нагнал груженный лесовоз. Я поднял руку. Машина ударила струей горячего воздуха по песчаной дороге и остановилась.

- Садись, - прокричал мне шофер.

Я забросил рюкзак и устроился в кабине. Шофер не обратил на это никакого внимания. Открыв дверцу, он встал одной ногой на подножку, другой надавил на акселератор, правой рукой держался за баранку, левая напряженно висела в воздухе. Тело, шею и голову он повернул в сторону своего груза. Вся его фигура напоминала дискобола Мирона. Машина тронулась. Шофер еще с минуту не обращал никакого внимания на меня, он смотрел на хлысты леса и растяжки, наблюдал, как они переносят перегрузки, затем резко сел, хлопнул дверцей,

окинул профессионально перспективу дороги и обратился ко мне.

- Ты куда с такой котомкой собрался?

- В Макарьев.

- Ха. Я еду километра три не больше, до переезда, а там сворачиваю на биржу.

- Прекрасно. Мне хоть километр, лишь бы вперед.

- Ты, что путешествуешь?

- Да, так, - ответил я уклончиво, зная, как люди начинают удивляться, когда узнают, что путешествуешь один.

- Ну и дорожку ты себе выбрал.

- Наслышан. Если не будет транспорта, пойду пешком.

- С этим, считай, повезло. За мной идет такой же ЗИЛ-157. Из капиталки. Пойдет через Макарьев. Я ему говорю, - продолжал шофер, - езжай за мной, а он поехал прямо. Так ухлещет в Кологрив вместо Макарьева. Ничего дорога одна, куда он денется. Я сейчас встану так, что не объехать. - И засмеялся, довольный.

На повороте он остановил машину посредине дороги. Длинные хлысты перегородили все объезды. Я попрощался и прыгнул на землю.

Темно-зеленый ЗИЛ без кузова тускло блестел свежестью краски. Длинных разговоров не было, и как только я сел в кабину другой машины, лесовоз освободил дорогу.

Сразу же за переездом дорога размножилась, как устье реки, на многие разбитые колеи. ЗИЛ уверенно преодолел все выбоины, выдавливая мутную жижу по сторонам. В кабине бросало из стороны в сторону, как в бетономешалке. Казалось, все шесть колес идут в разных плоскостях. Шофер проклинал дорогу, выкручивая баранку до предела то вправо, то влево, чтобы выскочить из глубокой песчаной колеи, заполненной водой и не обещающей ничего хорошего. На более ровном участке, сглаженном водой и утрамбованном колесами машин, он спросил:

- Что, в отпуск едешь?

- В отпуск.

- К родственникам?

- Нет, к знакомым.

Разговор не получался, снова начинало трясти. В кабине было жарко. Машина грелась от солнца, двигателя и еще каких-то неисправностей. Ноги стояли на полу кабины, как на раскаленной

плите. Тепло поднималось снизу из щелей тормозов и коробки передач. Через раструбы штанин ударяло в пах. Лобовое стекло не открывалось. На нем бестолково бились пауты. И только иногда через боковые открытые стекла залетал ветер, остужал на мгновение легкие - и снова горячий воздух наполнял всю одежду.

Шофер остановил машину. Неотрегулированный воздушный тормоз с шумом выбрасывал через открытый краник воздух. Создавалось впечатление, что стоишь не у машины, а у кипящего самовара. Шофер ходил вокруг машины, ворчал, искал причину перегрева. Откинул крышку капота, проверил свечи, пощупал контакты. Все было исправно. Короткий, глухой удар раздался в знойной тайге, когда он захлопнул крышку капота. Неисправность он нашел неожиданно. Муфта сцепления нагрелась так, что мгновенно вскипела слюна, сплюнутая в сердцах водителем. Он пошарил по карманам пиджака, достал два ключа и все с тем же ворчанием начал скручивать жестко затянутый ручной тормоз. Контргайка прокручивалась. Он настойчиво и зло старался отсоединить ее. Я предложил свою помощь.

Вдвоем мы быстро справились с работой. Он закурил, вдохнул глубоко свежий воздух вместе с табаком и сказал: «Ни хрена, без ручника доедем, тормозить-то негде». Шофер молча обошел машину, убедился еще раз в надежности сделанной работы, докурил папиросу и мы тронулись. Дальше дорогу зажал лес. Не стало многоколесного разгула. Ветки берез хлестали по лобовому стеклу. В кабине стало прохладней. Водитель вел машину по старой разбитой лежневке. Бревна лежали вдоль и поперек дороги, скрытые грязно-серой, как лесной песок, водой, или с поднятыми почти до радиатора торцами.

Машина шла то проваливаясь колесами в очередную яму, то взбираясь на лежащую поперек дороги плаху. Руки водителя, испещренные морщинами с проникшей глубоко грязью, напряженно вращали баранку. Прищуренные глаза не отрывались от дороги. По загорелой и пыльной щеке от уха спускались две глубокие морщины, волновались на крепко сжатой скуле и терялись в небритом подбородке.

Частые ямы и выбоины требовали переключения скоростей. Шофер старался выскочить из ям на второй скорости. Но она никак не включалась, при этом он выбивал рычаг жалюзи радиатора. Это его еще больше раздражало. После очередной

встряски, когда мы поддели головами потолок кабины и ударились друг о друга, шофер остановил машину и принялся продувать всю систему подачи горючего. Он открутил забрызганные грязью гайки, отсоединил все трубки от бачка с горючим до карбюратора. Кричал мне: «Эй, смотри. Как там, продувает?» «Нормально», - кричал я ему. Он продул все трубки. Старательно собрал разобранную систему, закрутил гайки. Протер руки цветной ветошью. Пробурчал куда-то в пространство: «Ну, сейчас должно быть лучше». Похлопал себя по карманам, заглянул в бардачок и не нашел курить.

Несколько часов мы добирались до асфальтированного шоссе. Он вспоминал только о табаке. В деревне, в первом же работающем магазине, мы купили сигарет. Качество табака его не устраивало. «Разве это табак, - ворчал он, - да еще с фильтром». И тут же успокаивал себя: «Ладно, лишь бы дым шел, раз ничего нет».

С шоссе свернули на обочину, чтобы пообедать. Разместились на небольшом бугре. Кудрявая березка, шелестя на ветру листьями, прикрывала от солнца пестрой тенью. Высокая трава, цветы поповника украшали наш скромный стол.

- Ну и дорожка, - сказал я.

- А что дорожка, обычная, русская, уж тридцать лет езжу. Насмотрелся. И переворачивался, и горел. Все было. Всяко бывало.

- Это твоя машина?

- Нет. Товарищ свадьбу поехал справлять дочери, попросил меня пригнать. Вот и вожусь. С капремонта, а хуже, чем была.

- Хлопотная работа у тебя.

- Да. Жена все время ворчит на меня: «Бросай, бросай». У меня другая специальность есть. Могу плотником и столяром. Как-то работал полгода, когда права отбирали. А как брошу баранку - не могу: назад тянет. На машине всегда люди новые и места. А там что? Срубил ряд - горизонт поднялся, но все равно выше стропил ничего не увидишь. Скучно. Да не в этом дело, характер, видимо, такой: мне нужна машина, другому нужен топор, в этом и жизнь.

Это сейчас много машин, а в наше мальчишеское послевоенное время появление новой машины в поселке было событием. Помню, зимой в метель, у нашего маленького, почти всегда

пустого, пакгауза поставили платформу с машиной. Все парни сбежали из школы. Сгружали вечером. Темно. Метель треплет распущенные шнурки на шапках, продувает пальтишки. Да не до мороза было. Промерзшая машина никак не заводилась. Мужики ходят сердитые. Ругаются: «Чего под ногами путаетесь, без вас тошно. А ну пошли отседова». Отбежишь немного, стоишь с ребятами шушукаешься: «Смотри кабина-то деревянная, зеленая». «Это чо, мне папа говорил, - шепчет другой, - у американцев кабина железная, круглая». «Много ты понимаешь, - перебивают его, - наша лучше, она и в грязь и в снег, везде может». Так спорим, а сами бочком, бочком норовим все ближе к машине. Все ново, все в диковинку... Интересно. Весь перемерзнешь, а не уходишь. Хорохоришься, как воробей. Ну, а когда машина пошла - всей ватагой за ней. Дороги еще не чистили, колеи наезженной не было, машина буксует в рыхлом снегу. Все бросаются толкать. И мы тоже, вместе со взрослыми. И тут нас гонят. Понятно. Опасаются: в такой снежной карусели и толчее немудрено под колесо попасть, а потом отвечай за нас.

Летом дело другое, - продолжал шофер, - летом каждый старался познакомиться с шофером-добряком, который мог прокатить в кабине и даже дать порулить. Соглашались на все шоферские ухищрения: там погрузить что-то или крутить ручку стартера, или еще что. Заберешься в кабину и просишь, - дядя Леша, - был у нас в поселке такой мужик, наберет в кабину человека два-три и возит, мы же худенькие были. Просишь, - дядя Леша, дай я поведу машину. Откажет. «Сейчас день, как я тебе дам - ведь не умеешь. Вечером поеду в соседний поселок - тогда можно». Терпеливо ждали вечера, караулили своего кумира. А вечером, понятно, дядя Леша спешит домой, да и устал. Но слово надо держать. И тогда он устраивал экзамен. «Садись, - командовал кому-нибудь из нас, уступал место за баранкой, предупреждал - учти, мотор работает, если заглохнет - все. Вылезай из-за руля». Садишься гордый, улыбка от радости во все лицо, а толку мало. Сцепление выжмешь, скорость воткнешь, а тормоз спустить забудешь, машина чихнет пару раз и заглохнет. Тут улыбка с лица долой, неудобно перед ребятами, а что делать - уступаешь место другому. А тот уже учел твою ошибку: машина тронулась - и блеск в глазах, и торжество, и победа над товарищем. Но и у него ненадолго.

После пробега - нужно переключение скоростей. И все - машина встала. Дальше ее ведет дядя Леша, мы обсуждаем теоретически, как и что надо делать, чтобы научиться. Вот так по крупицам и собирали знания, прежде чем попасть на шоферские курсы. Не то что сейчас. У меня сын как подрос, я ему - велосипед, еще подрос - мопед, а сейчас дома мотоцикл «Урал» с коляской.

Вот как зарождалась любовь к шоферскому делу, разве сменишь так просто свою профессию.

Он молча докурил сигарету. Вздохнул, вспоминая еще что-то недосказанное, но пережитое и сказал:

- Ладно. Давай собираться. Пора ехать.

Солнце клонилось к закату. Подул северный ветер. Стало прохладно. В разговорах мы не представились друг другу, хотя были вместе уже полсуток. Сразу - как встретились - знакомиться было некогда, в дороге мы молчаливо узнавали друг друга, сели за походный стол как знакомые. И как часто бывает, люди многое знают друг о друге, но не знают имени, а когда узнают его - теряют нить разговора. Поэтому спросить его об имени за обедом значило испортить разговор. Когда мы выехали на шоссе и колеса с однообразным шелестом стали подбирать под себя километры дороги - я спросил его:

- Как звать тебя?

Он посмотрел на меня с удивлением. И ответил:

- Сашка. Буфетчиков.

1977 г.

И ТАК ЛЕТАЮТ НА САМОЛЕТЕ

Троллейбус юзом подкатил к остановке. Хлопнула четырехстворчатая дверь и пассажиры, как выпущенные на свободу животные, натыкаясь друг на друга, ринулись в разные стороны. Через считанные секунды на остановке никого не было. Заснеженные кусты акации серой лентой тянулись к зданию аэропорта. Маленькая площадь перед вокзалом заполнена легковыми машинами. Внутри вокзала круглое фойе заставлено стульями и креслами. Народ терпеливо ждет объявлений на посадку и, дождавшись своего времени - улетает.

Наш рейс по расписанию последний. И хотя мы должны были быть уже десять минут в воздухе, посадку еще не объявляли. Пассажиры ходили по цементному полу перрона, постукивали нога об ногу, ежились от мороза и смотрели через холодное стекло на взлетное поле.

К перрону, по чистому снегу, шел человек в тяжелых унтах и засаленной куртке. Ветер трепал его меховую шапку. Почему он идет от самолета, который стоит на краю поля? Почему самолет не подогнали на посадочную площадку? На это никто не обратил внимания. Не доходя до дежурной по аэропорту, человек махнул рукой и - девушка пригласила пассажиров с рейса четыреста... на посадку.

Подставляя встречному ветру плечо, люди пошли к самолету. Молча произвели посадку, молча выполнили команду: «Пристегнуться». Никто не задавал вопросов, почему им пришлось идти через все поле на ветру, по рыхлому снегу с вещами и детьми. Все уже устали ждать, замерзли и хотели быстрей улететь.

Летчик закрыл дверь, дал последние указания и прошел в кабину. Раздался писк рации, а затем машина мелко задрожала от увеличивающихся оборотов мотора. И затихла. Один из

пилотов, хлопая унтами, выпрыгнул на землю, вытащил деревянную кувалду и стал отбивать примерзшие к земле лыжи самолета.

В салоне начались шутки:

- Может, вас подтолкнуть? Как раз и сами согреемся, - сказал один из пассажиров.

- Давай я постучу, - предложил другой, сидящий у дверей.

Летчики молча сносили насмешки. Снова потребовали пристегнуться. Задраили дверь. Но усилий мотора не хватило сдернуть машину с места. В наступившей тишине маленькая девочка спросила маму:

- Приехали?

Замерзшие пассажиры ответили настороженным смехом. Но девочка оказалась права. Пилот без всяких объяснений отказался лететь даже после того, как самолет вытащили трактором на взлетную полосу.

В обратный путь я решил все-таки лететь с первым рейсом.

В голубоватом рассвете кружился снег. Снежинки, блестя в лучах неоновых ламп, как парашютики, то поднимались, то опускались - тихо падали. От легкого мороза и тяжести тела снег скрипел под ногами. От этого было как-то спокойно и радостно. Я купил последний билет на рейс. Строго по расписанию в аэропорт пошел автобус. Все шло по плану.

Но вдруг снег повалил крупными хлопьями. От резкого северного ветра упала температура воздуха. В аэропорту, маленьком деревянном доме, началась интенсивная работа. Начальник порта, человек среднего роста, в валенках, форменном костюме с двумя галочками на погонах, и радист, сугубо гражданский человек, с длинными светлыми волосами, заспанный, в давно не глаженных брюках и в рубашке в красную клетку, попеременно записывали сводку погоды. Из рации монотонно и быстро вырывались слова, иногда голос далекого человека пропадал и трудно было понять, что хотят передать в этот заваленный снегом порт. Но эти два человека на специально приготовленных желтых бумажках спешно писали цифры и коротко отвечали:

- Понял вас. Понял.

В определенное время они давали свою сводку погоды, и далекие радисты записывали их размеренную речь.

Атлатида - атлатида - атлатида. Срочно, - пел начальник, пытаясь установить связь с соседним аэропортом.

Но на этот, сам по себе уже загадочный, рабочий позывной «Атлантида», сотни раз повторенный уже в начале дежурства, превратившийся в ничего не значащее кругленькое, как снежный ком, слово и понятный для людей, занятых одним делом, - никто не откликнулся.

Начальник аэропорта покрутил ручку передатчика, выждал несколько секунд и опять припал к микрофону.

- Атлатида - атлатида - атлатида. Срочно.

Но еще с десяток раз он пропел свой позывной, прежде чем в маленькой комнатке, заставленной рациями, столами, прокуренной и запыленной, из приемника, включенного до предела, раздался ответный голос, прерываемый метелью.

- Слу-у-шаю, вас. Слу-у-шаю.

- Давайте.

Атлатида, на семь ноль-ноль. Видимость менее двух, давление семьсот тридцать шесть, семьсот тридцать шесть, ветер сто пятнадцать градусов, два ноля два. Как поняли? Прием?

- По-о-няли, по-о-няли вас.

- Как соседи?

-Северные соседи дают видимость полтора, снег. Аэропорта закрыты. Готовьтесь, машины будут садиться у вас.

- Понял, понял.

Начальник порта передал связь радисту. Спокойно сказал дежурному по аэропорту:

- Готовься, Толя. Летят девять машин. Они, как горох, сейчас посыплются.

Посмотрел в вопрошающие глаза пассажиров и сказал:

- Ну и денек.

В этих словах прозвучало и объяснение ситуации, и как бы извинение за взыгравшую погоду.

Многие пассажиры сразу же сдали билеты и заспешили на поезд. Деловая женщина требовала дополнительных объяснений от начальника порта.

- Я вам ничего не могу обещать. Самолет, который шел сюда, не мог пробиться и вернулся. На маршруте наблюдается оледенение, - пояснил он.

- Так что, заказывать мне машину, чтобы увезли меня из вашего порта, или нет? - настаивала и одновременно гордилась возможностями деловая женщина.

- Это уж ваше дело.

Начальник положил руку на плечо радиста и попросил: «Дай-ка я поработаю».

Пять самолетов один за другим, поднимая с земли только что выпавший снег, произвели посадку.

Командир одной из машин весело ввалился в здание аэропорта. Толстая куртка делала мужественной его мальчишескую фигуру.

- Здравствуйте! Я, кажется, уже второй раз у вас за эту зиму. Ну что тут сообщают? - Он улыбался. Глаза искрились, как у спортсмена, выигравшего схватку. Когда он узнал, что две машины все-таки пробились на север, вздохнул и посмотрел с упреком на начальника порта.

Домик аэропорта быстро заполнялся пассажирами. Замерзшие люди тянулись к теплу. Черную, круглую, обитую железом печку обступили рядами. Курсант в морской шинели прижался к печи затылком. Лицо его посерело от холода, по сжатым скулам пробегала рябь, как по потревоженной ветром воде. Народ молчал и все еще вздрагивал от холода в теплом помещении.

Командиры машин обсуждали варианты действий на случай изменения погоды. Вторые пилоты обивали наледь с крыльев самолетов. Дежурный по аэропорту заправлял машины горючим. Падал снег. Ветер то стихал - и снежинки кружились в вальсе, то подхватывал их и бросал с силой в лица людей, налеплял в пазы придавленного метелью дома, то, развернувшись на сто восемьдесят градусов, хлестал по спине и затылку и уносил эту зимнюю красоту в серую полосатую неведомость, как уносят в сказке злые духи прекрасную царевну.

В помещении, наполненном до отказа, люди постепенно отходили от мороза, расстегивали пальто и шубы, раскрепощались. Комната наполнилась разговорами, люди возвращались к своим ненадолго забытым потребностям и заботам. Вокруг курсанта образовался кружок. Молодые парни смотрели с интересом на его шапку с крабами, на черную рубашку со стоячим воротничком, видневшуюся через небрежно расстег-

нутую шинель. Курсант оправился от холода, порозовел, улыбался. Он летел на каникулы домой. Отвечал на вопросы, рассказывал о море, о своих походах в загранку. Бывалые мужики вместе с ним вспоминали свою молодость, свою службу.

Незаметно шло время. Мужчины выходили на крыльцо покурить, подышать свежим воздухом. Разговоры их больше не устраивали, каждый стремился быстрей добраться до своего дома. Ожидание превратилось в тягость. Пассажиры стали внимательней прислушиваться к разговорам летчиков, скрипучему голосу, доносившемуся из приемника.

Природа уступала. Ветер стих, увеличилась видимость. Через окно было видно, как на востоке образовывается розовая полоска, пробиваемая солнцем. Чернота тяжелых низких туч разбрасывалась ветром, сквозь разорванные облака виднелось холодное голубое небо. Это обнадеживало.

Молодые парни, чувствуя скорый отлет, начали шутить с кассиршей. Она сидела в современной из стекла и пластика кассе, которая занимала треть всего помещения. Девушка чувствовала себя в этой кассе, как рыцарь в доспехах, уверенно шутила.

- Полетели с нами, девушка?! - Вопрос и приглашение звучали в словах, курсанта.

- Конечно, полечу, - отвечала кассирша, - но только в следующий раз.

Молодые шутили, а машины уже были готовы к вылету. Соседние аэропорты сообщали о готовности принять самолеты. Пилоты приглашали пассажиров занять свои места в салонах. Разговоры стихли. Каждый углубился в себя: собирали вещи, застегивали пуговицы и через считанные минуты все были готовы лететь в разные города. Эта вынужденная остановка, этот аэропорт, разговоры и симпатичная кассирша многими будут забыты сразу же, как самолет взлетит.

Помещение аэропорта опустело, остались те, за которыми все еще не прилетел самолет из областного центра, да и из них многие вышли на улицу посмотреть, как взлетают самолеты. Машины по очереди выруливали на взлетную полосу, которая начиналась сразу у дома аэропорта, замирали на минуту перед разбегом, как перед светофором. От увеличивающихся оборотов винта снег поднимался с земли, накрывал все постройки

аэропорта и людей, оставшихся на земле. Из этой серой мглы самолеты исчезали незаметно и появлялись в небе в форме больших букв «Т», которые постепенно уменьшались и исчезали за горизонтом в разных направлениях.

Опустился снег, взъерошенный самолетами, исчез вместе с ними шум. Аэропорт накрыла зимняя тишина. В свете большого холодного солнца блестели в снежном инее деревья, на уровне глаз сверкали снежные иголочки, а выше над лесом, у солнца с правой и левой стороны его, образовалась зимняя радуга, короткая и блеклая, всего двух цветов: светло-желтая с солнечной стороны и алая с наружной. День потихоньку разгуливался.

Густо скрипя унтами, усталый и потный, шел к дому дежурный по аэродрому. Он прошел в кабинет начальника, радиста и его собственное рабочее место, которые разместились в одной комнате. Повесил на гвоздь форменную меховую куртку, опустился устало на табуретку, провел ладонью по лицу, смахивая пот и растаявший снег, сказал:

- Фу, ну и погода. Уже солнце. Дайте закурить.

Начальник порта подал ему пачку папирос, спички.

- Что, вымотался? - спросил он.

- Заправил все пять машин, да еще этот лед, а сейчас смотри - солнце. Вот и летели бы сейчас.

Начальник порта улыбнулся: «Ты, Толя, вроде родился и живешь на Урале, а все заметить не можешь: погода у нас с утра солнечная, а через полчаса буран, или наоборот. Ничего, размялся - это полезно. Пока отдыхай. Дальше, может, и не понадобишься». Они закурили.

Начальник установил связь с областным центром и стал запрашивать время вылета самолета. Там не торопились. Уже два рейса должны быть здесь, но их все еще не было. Снова наполнился пассажирами домик аэропорта.

Самолет прибыл далеко за полдень. Взял двенадцать пассажиров и не задерживаясь взмыл в небо. Хотя светило солнце, но дул сильный ветер и было холодно. Легкую машину то поднимало вверх, то резко опускало, как на качелях, пассажиров то трясло, как в сите, бросая от стенки к стенке, и только крепежные ремни удерживали людей в холодных металлических креслах.

...Самолет прилетел в областной город с большим опозданием. Даже надежда догнать пассажирский поезд в пути не оправдалась. Замерзшие выскочили из самолета пассажиры, многие бегом, греясь на ходу, бросились к вокзалу. У меня не было чувства досады на опоздание, холод и тряску. Я знал, что полечу еще много раз.

Уже на троллейбусной остановке наблюдал я с интересом, как оторвавшиеся от земли самолеты набирали высоту и уходили все дальше и дальше в небо.

1976 г.

ЛЕКЦИЯ

Углов смотрел через квадратное давно не мытое окно гостиницы на полуопавшие кусты акации, большую мутную лужу, через которую часто пробирались машины, вздымая жидкую глину до радиатора, на железную дорогу, на серо-коричневые товарные вагоны, которые еще с детства и, по-видимому, навсегда вызывали у него чувство глубокого уважения, как большие труженики и путешественники.

До него доходил голос диспетчера: «С пятого пути убирайте паровоз, убирайте. В двадцать минут проходит поезд».

За неделю командировки он уже привык к этой луже, голосу диспетчеров, которые работали посменно, он узнавал это по изменяющемуся тембру голоса, но любой из них требовал немедленного исполнения команды, которые повторялись изо в день, по давно составленному расписанию. Он привык ко всему этому, как привыкают в доме к звонкому стуку будильника.

Командировка заканчивалась. Углов уже мысленно собирался домой, но ему неожиданно позвонили и предложили прочитать лекцию перед заключенными особого режима. Углов стал собираться туда с каким-то внутренним - трепетом, не страха, а чрезмерного любопытства человека никогда грубо не нарушавшего общественного порядка.

Автобус к колонии шел из центра города. Углов вышел заранее. Вдруг что-то случится? Он боялся опоздать и приехал раньше времени. Солдаты в мятой пыльной форме, сапогах в гармошку, с блестящими автоматами на шее играли в футбол, пиная банку из-под консервов. Пыль от разбитой дороги поднималась выше их голов. Солдаты, увлеченные игрой, не

обращали на Углова никакого внимания. Окрик молодого лейтенанта в такой же мятой и запыленной форме остановил солдат.

Углов стоял в стороне, наблюдал и улыбался.

По команде командира солдаты разбежались по своим местам. Эти мальчишки вмиг стали мужчинами. Один встал у проходной, двое с обеих сторон ворот.

Дощатые, пыльные, в два человеческих роста ворота медленно распахивались вовнутрь. Колонна заключенных, шагая вразнобой, прошла мимо.

- Вам чего здесь надо? - окликнул Углова лейтенант.

- Да вот, - Углов протянул офицеру путевку.

- А, лектор. Ждем, вас, ждем. Паспорт есть?

Углов достал документ.

- Так чего здесь-то доставать, - сказал лейтенант, - пошли, в проходной и предъявите.

- Этот со мной, - сказал он притихшему солдату у входа.

Углов ходил в разные проходные: и в заводские, и в свои солдатские, когда служил в армии, и в разные общественные организации, где положена охрана.

Но здесь.

Солдат за толстым стеклом проверил его документ. Выписал пропуск. Другой солдат проверил пропуск и паспорт у следующей двери, и только после этого перед ним вовнутрь - влево и со скрипом ушла тяжелая, из стальных прутьев в клетку, дверь. Затем открылась еще одна обычная - деревянная. Они прошли по коридору из колючей проволоки, которая отделяла их от охраняемых заборов.

- Не отставайте, лектор, - окрикнул Углова лейтенант. Что, первый раз в этих местах?

- Да.

- То-то и видно.

Углов шел по территории, как по большому городу. Путался в новой информации. Хотя все здесь было ограничено в пространстве. Но эта новизна: плакаты с их новым содержанием смысла жизни, казармы, люди. Все новое. Углов смотрел по сторонам и постоянно останавливался.

- Пришли! - сказал офицер командирским голосом. Пройдемте в библиотеку.

Заведующий библиотекой - в рабочем темном хебе, тапочках на босу ногу, с раскрытой волосатой грудью, с остриженной наголо головой - засуетился вокруг лейтенанта.

В открытые окна небольшого читального зала врывался свежий ветер, надувая парусом голубые шторы. Эта свежесть воздуха как-то совпадала с яркостью красок. Все простенки окон были разрисованы портретами классиков русской литературы. На противоположной от окон стене, васнецовский витязь на перепутье, задумавшийся в выборе пути. Во всех картинах были передержки и преобладали теплые тона. Слева от входа - выставка новых книг. Справа - перегородка, на ней список тех, кто получает сегодня заказанную литературу. «Прямо как в областной библиотеке», - подумал Углов.

Лейтенант познакомил лектора с воспитателем и ушел по делам службы.

Перед открытой верандой, где Углов должен был читать лекцию, ходили люди. Все были одеты в посеревшие от стирки и пыли хлопчатобумажные костюмы, главное внешнее отличие у них было в обуви: одни ходили в кирзовых сапогах, другие в тапочках. Люди ходили парами и в одиночку. По кругу, как во время антракта в фойе концертного зала. Люди бывалые, опытные. У каждого по две и более судимости.

На лекцию никого не приглашали. Углов поднялся на сцену и начал говорить. Услужливый человек в сером хебе и сапогах взметнулся на сцену, поставил графин с водой и пустой граненый стакан на трибуну перед Угловым, загадочно хихикнул и исчез. Углов продолжал говорить, хождение постепенно закончилось, скамейки заполнились, и опоздавшие садились прямо на землю.

Углов уже многие годы читал лекции и привык к любой аудитории. По выражению лиц он определял впечатление, которое производил на слушателей, перестраивался, если требовали обстоятельства, вспоминал какую-нибудь шутку, чтобы вызвать улыбку, или, наоборот, приводил серьезный пример, чтобы вызвать размышления. Он говорил и наблюдал за этими новыми для него слушателями: «Вон тот, слева, ему за пятьдесят, седая клинышком борода, кто ты? - взяточник или вор в законе? А этот, молодой? Года двадцать три, не больше, а уже вторая судимость. Ага, вот к нему подсел, видимо, дружок. Неспокоен, постоянно оглядывается. Да, это неурав-

новешенные люди, - мысленно оценил Углов, - попали, наверняка, по пьянке. Хотя кто знает. Чужая душа - потемки. Но вот этот, в пятом ряду, молодой, симпатичный, неподдельный интерес к лекции, и сидит один, особняком, гордый, за себя явно может постоять. По его виду никак не скажешь, что он здесь второй, если не больше, раз».

Углов продолжал говорить, по привычке у него часто вылетало слово «товарищи». Его предупредили, что здесь нет товарищей, здесь только граждане. Углов старался обходить это слово, постоянно сдерживал себя, но увлекался, несколько раз произнес это слово. На некоторых слушателей это произвело впечатление - улыбались.

Люди все подходили, пересаживались друг к другу, чтобы перехватить окурок, пыхтели махоркой - слушали.

Вдруг один худой мужчина, на бугорке, закрутился, быстро начал ковырять в земле, разбрасывая засиженные комья и он что-то бормоча, достал червяка и бросил дрозду. Птица спокойно склевала предложенную пищу. Возня и шум не понравилась кому-то из слушателей. Над головами пронесся стальной окрик: «Кончай базарить!». Опять установилась тишина, и только дрозд перелетал с одной скамейки на другую, садился на колени к людям, ему молча доставали крошки из карманов.

В конце лекции Углова забросали вопросами. Окружили со всех сторон. Спрашивали, что нового в жизни, но главное - о мелочах, на которые обычно человек мало обращает внимания. Так разговаривая, Углов шел в сопровождении своих слушателей к проходной. Он говорил, говорил и внезапно понял, что он один. Углов обернулся. Люди стояли шеренгой вдоль какой-то невидимой линии. Углов в недоумении поднял брови. Заключенные: кто молча, с грустью, другие загадочно улыбаясь - смотрели на него.

- Им дальше нельзя, - пояснил воспитатель, - пограничная полоса.

«Пограничная полоса в центре своей земли», - подумал Углов. Он махнул им рукой на прощание «из своего далека». Стальные двери-решетки, ряды заборов и колючей проволоки выпустили его беспрепятственно.

Углов остановился за пределами колонии опустошенный и потрясенный до слез.

В многоместной комнате гостиницы Углов поделился своими впечатлениями. Реакция жильцов была не однозначной и никак его не успокоила, а наоборот, еще больше заставила думать.

- Что это за жизнь, когда лучшие годы по тюрьмам и колониям - без путешествий, любви и работы? Ради чего? - спрашивал Углов.

Молодой парень, валявшийся в постели в верхней одежде и обуви, возразил:

- Путешествия? Да что ты понимаешь под путешествиями? Тяжелый рюкзак, потный костюм, ночевки у костра?.. А те хапнули несколько десятков кусков... и на «жигулях» или в каюте первого класса в белом наглаженном костюмчике - это я понимаю.

- Так разве это путешествие, это времяпровождение, поверхностный взгляд на окружающий мир, - возразил мужчина средних лет.

- Тебе что? - напирал молодой человек, - джеклондонские путешествия нравятся: «Мясо», «Запах мяса», «На берегах Сакраменто»? Старо! Сейчас можно и без этого прожить. Пусть робот возит, а я им буду управлять.

- Прожить можно без многого, но жить надо на свободе, - вступил в разговор мужчина с обветренным лицом. - Я тракторист: пашу и сею каждый год. Отпуск только зимой. Ни в какие походы не хожу. Никогда. Но одно не пойму. Много их сейчас пересажали: ворюг, взяточников и лихоимцев всяких. У кого воруют? У меня, у вас - ведь у всех своим горбом заработано. Ну, допустим, своровал, а дальше что? Дрожит человек - поймают не поймают? прячется, как гнида. Сейчас милиция ленивая, пятьдесят процентов не отлавливает. Допустим - повезло. Жрет ворюга, бандит, взяточник по ресторанам изысканные блюда, а я традиционную курицу. Но ведь больше желудка, сколько он примет, все равно не съешь и не выпьешь. Это одно. А дальше опять же что? Пожрал, покуражился какое-то время и сел на баланду. Позади приятные воспоминания, впереди неясные перспективы, а посредине сама жизнь, лучшие годы - пустота. Вот мы и выровнялись. И дальше! Без этих... без баб, без семьи, без детей. Не понимаю...

- Без купринских ям и опять же «Мяса», - вставил молодой человек из своего угла.

- Начитан! Ты бы больше думал, - огрызнулся тракторист.

Молодой человек раскачался на железной сетке кровати и выпрыгнул из нее, как с батута. «Философствуйте, а я пошел», - сказал он на ходу - и выскочил в коридор, не закрыв за собой дверь.

- Молодо-зелено, - начал тракторист. Но его перебил средних лет мужчина.

- Я где-то читал, - начал он, - наш брат мужики родятся с агрессивными задатками от природы, а женщины становятся преступницами в основном после тридцати.

- Ерунда, от безделья все это, от человеческой жадности, от лени и зависти, - заявил тракторист, - работать не хотят, живут одним днем.

В комнате все громко заспорили.

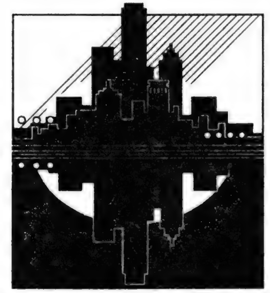
Углов вышел в коридор к окну покурить. «Многие пытались объяснить действия человека, - думал он, - Фрейд, Макаренко, Сухомлинский... Здесь каждая прожитая жизнь может быть примером и своей философией». Углов вспомнил Даниила Гранина, его повесть «Эта странная жизнь» и дальше Любищева, этого «бухгалтера времени». Это тоже пример, как можно прожить жизнь ради дела, довольствуясь самым малым.

В гостинице кто-то включил радио, громко до самого предела. Вальс Свиридова к пушкинской «Метели» заполнил все здание. Углов вслушивался в то, как появлялась мелодия и от духовых инструментов переходила к альтам и скрипкам. Мелодия оборвалась так же неожиданно, как и появилась. Радио выключили. Но мысли в голове Углова метались, как снежный вихрь. Он не находил ответа на взбудоражившее его событие. «До чего же многолики и непредсказуемы проявления деятельности человека», - думал Углов.

А за окном все так же шли машины, вздымая жидкую глину до радиатора, да диспетчер требовал выполнения своих команд...

1986 г.

ВЗОР

Ранним сумеречным утром Большаков шел быстрым уверенным шагом, не обращая ни на кого внимания. Ему всегда доставляла удовольствие быстрая ходьба по переполненным людьми улицам. Большаков представлял себя участником соревнования и всегда стремился обойти тех, кто впереди. Обгоняя выбранный объект в шляпе или шапке, Большаков выигрывал не официальные, не афишируемые состязания. Он наслаждался успехом и сопричастностью с жизнью толпы. Большаков тренировал свою плоть и радовался, когда один легкий поворот плеча позволял ему обойти многих, при этом никого не задеть и никого не толкнуть. Тренированное тело его приближалось к станции метро. По пути он обошел группу молодых людей, благо они стояли. Одна из модно одетых девиц била ногой, обутой в светло-серый сапожок с тонкой шпилькой-каблучком, и силилась обрызгать парня из асфальтового корытца, заполненного ледовой апрельской кашицей.

«Заигрывает», - отметил Большаков.

Еще одна девица громко смеялась, держась за рукав другого парня. Большаков скользнул взглядом по лицу, раскрашенному по современным нормам: веки темно-голубые с коричневым оттенком выглядели, как старые синяки, румяна, нанесенные вдоль скул к вискам и ушам, не уступали сиянию радуги. Длинное черное пальто с широкими полями, светлый длинный шарф на шее качался в ритме смеха и движений игры.

«Эффектна, - подумал Большаков, - но и неприятна: сколько краски и какие пустые глаза. Стареешь, брат, стареешь. Придираешься. Это уже не для тебя. Как не для тебя? - возмутилась другая мысль в его голове, - договориться можно».

Большаков рассмеялся вослед этой дерзкой утренней идее. Обошел игривую компанию и вновь вышел на дистанцию своих соревнований. Не до баб. Устремился к таксофону, чтобы решить кой-какие проблемы еще до того, как появится в присутственном месте. Поиски двушки в многочисленных карманах затянулись. При этом пришлось ему расстегнуть плащ, простучать себя всего, как при обыске, держать портфель-дипломат между коленами, придерживать сползавшие очки и продолжать спорить с собой.

«Ну, чем тебе не понравились эти большие пустые глаза на красивом лице. Черт, и двушки нет. Пустые глаза, глаза пустые. От молодости. Повзрослеет, поумнеет. Ага, вот она двушка».

Большаков забыл о глазах.

На «Приморской» длинный эскалатор подхватывал людей и увозил в глубину подземелья, и как только Большаков утвердил себя на движущейся лестнице, осмотрелся - увидел. Ниже его, на той же скорости, на той же лестнице, спускались «знакомые» молодые люди. Их можно было обойти. Они не торопились. Облокотясь на движущие перила, девицы продолжали игру. Но и Большаков уже тоже не торопился. «Эти глаза напротив, калейдоскоп огней...», - вспомнил Большаков песенку своей юности. В полумраке движущегося эскалатора девица не скрывала своих отношений с парнем: висла на шее, ложилась на грудь. Парень молчал, стыдливо отстранялся: поворотом головы, движением тела, отводил ее руки, показывал взглядом на встречный, поднимающийся поток людей. Это на девицу не действовало. Другой парень стоял на пару ступеней выше своей пустоглазой подружки.

Равнодушный эскалатор выбрасывал всех прибывших со своего гибкого железного тела, прячась от людей под пол.

Многометровое подземелье объединяло и разъединяло людей, меняло их движение соответственно указателям. Прибывающие поезда вынуждали отдельные частицы людей шевелиться быстрей, увлекали за собой других, подвергая медлительных коммуникабельному заражению, на неугасающей скорости внося в вагоны электропоездов.

Большаков попал в первую дверь вагона. Молодых людей поток внес в этот же вагон. Девицы вплыли в среднюю дверь и тут же остановились, как часовые, накрыв своими задницами оградители сидений. Парни попали в дальнюю дверь. «Решили

расстаться, - подумал Большаков, - дело сделано, зачем еще». Девицы, вытягивая шеи, завлекали парней знаками и мимикой, воздействуя на совестливость компаньонов. Один не выдержал, пробился сквозь толщу людей. Его сразу схватили цепкие руки случайной подружки. Другой качнулся в их сторону по образовавшемуся тесному коридору и тут же товарка подсекла его за рукав, как опытный рыболов зазевавшегося окунька...

Большаков враз вспотел всем телом. «Вот бабы достали», - пробурчал он себе под нос. Память подняла из дальних кладовых видеозапись его молодости. Видеоклип длился доли секунды, но на эти мгновения исчезло все: шум электропоезда, переполненный вагон, провалились разговоры окружающих людей.

...Вечеринка. Большаков с товарищем в какой-то пьяной незнакомой кампании. Ухаживания новых подруг, пьяные подначки: «Что ты за мужик», связь с рыхлой крашенной женщиной. И утро... утро... Похмелье... Приставания... И тупое желание быстрей уйти. Принять горячий душ, и большая тоска, и большой вопрос: «Зачем все это?»

В этот день Большаков не пришел на работу. Нет, не физически, он даже не опоздал. Его память, его сознание были далеко в молодости. Большаков был там. Работа текущего дня выполнялась затверженным стереотипом. Его «отсутствие» на работе иногда обнаруживалось вопросами соседа: «Что с тобой, заболел? Я второй раз к тебе обращаюсь, а ты молчишь!»

«Вот молодость, - думал Большаков, - было всего много и хорошего, но всплыл этот... факт».

1989 г.

ТИХАЯ ОХОТА

Петр Иванович умер в мае, после праздников. Умер тихо и внезапно, не причинив своей старостью никому никаких хлопот. Он был мастер по железу, по часовым и другим делам. В его руках приобретало все восстановленную форму. Но особенно ценили в поселке его умение класть печки. Русскую печь на улице не увидишь, она скрыта от людского взгляда стенами дома, но каждая печь имеет трубу. Чтобы в печную трубу не попадал дождь или снег, Петр Иванович делал из железа своеобразные козырьки. Вот по этим козырькам - где с профилем птицы, где в виде ажурно вырезанного домика, где волнисто круглой тарелки с наконечником в виде пропеллера от ветряной мельницы - можно точно сказать: здесь оставил часть своего труда сельский мастер.

Когда у меня задымила русская печь и ремонт ее было уже невозможно откладывать, мне указали адрес Петра Ивановича. От людей я узнал, что у него в настоящее время нет работы. Но при встрече единственный печник в деревне долго рассказывал, как у него болят ноги, как много просьб от других жителей поселка и грозился уйти выполнять работы по другим адресам. Еще много что говорил Петр Иванович, подражая Егору Яковлевичу из рассказа А. Твардовского. Да еще прошлым летом центральное телевидение показало экранизированный вариант этой истории. Он в своих поступках копировал приглянувшегося героя. Но наша встреча, когда я уже было начал сомневаться в ее результате, закончилась мирно и по-деловому.

- Разбери всю печь до основания да замеси глину. Я подойду, - резюмировал печник.

Неделю я выполнял это задание. Ломал старую дымливую и холодную печь, начиная с трубы. Очищал снятые кирпичи от

старой замазки, складывал в стопу. Сухая глина крошилась и разлеталась по дому желтой пылью, хотя я и соскребал ее в ведра.

В установленный день утром Петр Иванович пришел без опозданий: с тросточкой, в валенках среди лета, со старой женской сумкой, где примостились лишь печной молоток, лопатка для глиняного раствора да рогожная тряпка для рук и затирки швов.

И началось. Я готовлю раствор: перемешиваю в корыте глину с водой, выбрасываю оттуда попавшие камушки, корни травы, добавляю воды или глины соответственно требованиям мастера, приношу это все в ведрах. Подыскиваю и подаю кирпичи по размеру - то целые, то половинки, то с каким-нибудь косым сломом, чтобы заполнить в ряду образовавшееся нестандартное пространство. В общем шестерю. А старик все время молчит, посасывает мундштук погасшей папиросы и молчит. Даже скучно стало. За обедом, после второй рюмки водки, которую он принял, забыв о всех своих болячках, после того как выяснилось, что мы земляки-вятичи - Петр Иванович разговорился. Он красиво говорил о своем ремесле, но лучше слов были руки, которые мастерски выполняли свое дело. Многому я тогда научился, часть опыта, накопленного Петром Ивановичем годами, как электрический ток, наполнила мой опыт жизни.

Я все так же помогал мастеру: таскал раствор, подавал кирпичи, работа с разговорами пошла быстрей и интересней. Но во всех рассказах о своей жизни Петр Иванович говорил как-то с небольшой обидой, с оглядкой, с неуверенностью, создавалось впечатление, что он все ждет, что ему не поверят, поправят сказанное, отмахнутся от его слов.

- Там у себя в деревне, под Белой Халуницей, я был председателем сельсовета, а здесь даже депутатом ни разу не избрали.

- Что же так? - уточнял я.

- Что-что, - не свой я здесь, приезжий - чужой.

- Сколько лет вы здесь живете?

- Так тридцать скоро, а все не прижился, все не признают. Вон бабы в магазине, только попробуй папирос пачку без очереди взять, так сразу заорут: «Вставай в очередь», а сами

друг дружку пропускают. Скажи им, так ответят: «Она наша, а ты приезжий».

- Не обращал бы внимания на них, Петр Иванович.

- Так оно, но обидно. В городе - там не заметно, а здесь все друг друга знают. Ведь уж, кажется, все у меня перебывали: кому печь поправил, кому часы восстановил, кому валенки подшил, сапоги резиновые заклеил, телевизор наладил. Все людям, а они все возвышаются. Вроде бы и нечем задаваться, а нашли - чужак. Слово-то оно много значит, кому на него наплевать, а кому и душу ранит.

- В свою деревню вы ездили за эти годы?

- А как же? - обиделся Петр Иванович, - позапрошлым летом был. Да никого там не осталось. Кто уехал, кто умер, кто забыл. Одни родительские могилы, да душа моя постоянно туда рвется. Здесь дом, здесь дети выросли - разъехались. Жена на погосте. Вот так и живу раздвоенный. Помирать уж точно здесь буду, а душа туда отлетит - под Халуницу Белую.

В тот год мы с сыном только начинали осваивать окрестности нового для нас поселения, искали и подмечали грибные места, бродили по речкам и ручьям, на болото за клюквой. Петр Иванович с равнодушным видом, потягивая свою промусленную папиросу, слушал наши восторженные разговоры и спокойным, но с оглядкой, как-то неуверенным голосом сказал: «Это что. Тут все бывают. Вы вот шоссе пересеките, там есть своротка, по ней до болота, дале по болоту, через него на сосновые боры, там мало кто ходит». Закончил фразу он, как тайну выдал, и как бы с намеком: найдете - ваше будет, не найдете - не поверите, как местные, чужаком меня считать будете. При этом Петр Иванович взял кирпич, ловко разбил его по размеру и закончил очередной ряд печки.

Славная получилась печка.

Прошло, пожалуй, два-три летних сезона, мы все еще не сходили на указанное Петром Ивановичем место: то мешала работа, то по дому хлопоты, да и грибов хватало поблизости. Но вот мы «созрели», что называется, с сыном и до этого похода, вспомнили короткий совет ушедшего из жизни человека.

Поплутав в многодорожии, мы вышли на хорошую торную тропу. Тропа вела нас по еловому темному лесу, затем разделилась: одна влево свернула по косогору, другая повела

прямо в воду, в высокие камыши, в низкие березки и осинки. Деревья скоро отстали, камыши с качающими метелками, темная вода по колено, да зыбкая почва под ногами окружала нас. Кончилось болото как-то неожиданно, минут через сорок неспешной ходьбы. Водянистая кочкарная тропа в камышах вынырнула на возвышенность - и вновь появились березки. Глубокая тишина окружала зеленую поляну. Солнце сверкало на затухающей зелени лета, мы прошли вглубь этого то ли острова, то ли противоположного берега болота. Тропинка заставила нас перепрыгнуть через ручей, обогнуть большой куст ивы, подвела к зарослям калины с еще не спелыми, но побуревшими ягодами. И...

- Обана, - вскричал сын, выражая этим звуком крайнюю степень восторга. Впервые в жизни... папа, смотри!

Под кустом, в низкой траве, разместилось светло-коричневое семейство подберезовиков. Нынешнее сухое жаркое лето не баловало нас грибами. А здесь россыпи. Отведя глаза от первой находки, мы обнаружили целую цепочку грибов, вытянувшуюся по полянке. Сын начал проверять эти выгоревшие на солнце обабки. Они были все крепкие. Когда ребенок с большой радостью, подпрыгивая и кувыркаясь, смеясь и хохоча, закончил сбор грибов, наша полиэтиленовая сумка с ярким рисунком, была полна. Но стоило нам пройти десяток метров, как поляна раздвинула свои грибные возможности. Одни обабки белого и темно-коричневого цвета, маленькие и большие, на длинных ножках, крепкие и здоровые, росли повсюду. Сын замолк пораженный. Он собирал и собирал грибы, вставляя их ножки между пальцами рук, накладывая поверх вновь собранных и приносил к куче, к переполненной сетке. Грибам, кажется, не было конца. Выбрав самые молодые и здоровые, мы открыли новые грибные семьи. Наконец все ранее собранное было пересортировано и подвергнуто оценке. В карманах пиджака нашлось еще три полиэтиленовых мешка, но и они быстро заполнились. Интерес к грибам пропал, но их количество на загадочной поляне не уменьшилось.

- Прав был Петр Иванович, здесь мало кто ходит, - сказал сын.

Я промолчал и был уже далек от этих мест. Произнесенное сыном имя Петра Ивановича вдруг восстановило в моей памяти далекую Маньчжурию, куда меня судьба забрасывала

неоднократно. В Маньчжурии многие русские туристы ходили обедать в кафе «У Тимофеевны». Китайское название было другое, но все туристы звали кафе по отчеству русской переводчицы. Пожилая женщина всегда была внимательна, предлагала, что лучше выбрать, защищала от обсчета местных официантов. А когда было мало посетителей, она подсаживалась к круглому столу на десять человек и разговаривала не торопясь с русскими людьми, устремляя свой грустный взгляд куда-то в угол на север. От нее я узнал, что живет она в Китае с малых лет. Ее отец в начале тридцатых бежал от раскулачивания в Китай. Как он это сделал, она сказать не могла, из-за малости лет не понимала, но прошли границу в Казахстане. В Китае выросла, вышла за китайца замуж, выросли дети. Но всегда тянуло домой в Россию, которую она практически не знала. «Вот она - ностальгия, - думал я, - слушая эту женщину, - не книжная, настоящая. По России и еще глубже по какому-то конкретному местечку огромной страны».

- Пап, послушай, здесь постоянно что-то шумит, - дергал меня за рукав сынишка, потеряв интерес к грибам, и, возвращая меня из далекого далека.

- Вода это, сын.

Мы поднялись на небольшую возвышенность, дружно поросшую низкорослым березняком. Густые заросли лабазника вперемежку с незнакомой травой надежно прикрывали бушевавший в торфяном каньоне ручей. На каждые пять шагов ручей имел: поворот, где вода журчала; свой невысокий водопадик, где она бурлила и пенилась, делая свои несложные водовороты; на прямике ручей раскачивал склонившийся над водой камыш, наталкивался на какие-то корни и жизнерадостно пел свою песню, соревнуясь с ветром, шорохом трав и редких деревьев.

«Ой как трудно я привыкала, - вспомнилась мне Тимофеевна, - как тесно они живут и бедны. У нас в России простор, какие у отца поля были, какой дом, здесь в землянке поначалу жили, и сейчас в глинобитных домах живут. А как относились? Всегда с недоверием. Насмешкой. Тяжело на чужбине хоть и долго здесь живу. И сейчас вас всех русских называют лохматиками, - сказала Тимофеевна, понизив голос и оглядываясь. - Все русские на одно лицо». При этом все сидевшие за столом рассмеялись и возразили: «это они все на одно лицо». Все здесь

не так, как дома, привыкнуть можно, но душой принять не могу».

- Пап, пошли дальше, интересно, - увлекал меня сын.

Мы пошли вверх по ручью. На одном из поворотов ручей потерял силу, разлился по камышам и затих. Мы осмотрелись. Перед нами болото, сплошь поросшее осокой, две-три карликовые сосенки, и на недалеком горизонте - густой хвойный лес. Будоража тишину всплесками воды и приминая низкорослый камыш, мы вышли к центру болота. Здесь обозначился водораздел. Часть воды стекала к лесному горизонту, другая плыла к ручью, по которому мы пришли.

«Тимофеевна, в России вы были за эти годы хоть раз?» - спросил кто-то из туристов. «Что ты, раньше было нельзя, а сейчас дорого. Да и кому я там нужна. Все небось поразъехались, поумирали, позабыли. Умирать мне здесь. Тело в Китае, а душа в России».

«Вот она - судьба Петра Ивановича, - думал я, - он жил в своей стране, как в эмиграции, тосковал по малой родине, не прижился».

По ручью мы вернулись назад, но он вновь нас удивил. С шумом он уходил под землю. Вода провалилась в круглое, как труба, отверстие. В десяти шагах от ручья стояла тишина. А еще чуть дальше в глубокой расщелине мы обнаружили голубой прозрачный омут. Из него степенно вытекала тихая речка. Вода в омуте зарябила от наших шагов, а со дна его оторвались коричневые хлопья и вместе с воздушными шарами устремились к поверхности. Солнце глубоко просвечивало это мгновение покоя.

Мы уходили домой, нагруженные грибами, и когда вышли на твердую тропу, молчавший длительное время сын сказал:

- Папа, а ведь Петр Иванович открыл нам своеобразную землю Санникова.

- Да сын, ты прав, - ответил я ему, - но он открыл нам больше. Петр Иванович открыл нам свою душу, свое понимание родины, о которой он при жизни молчал.

Мы подходили к поселку. Из печных труб, струился дым, обволакивая железные козырьки, дым вырывался ввысь, исчезая в бескрайности голубого неба.

1989-1999 гг.

КАНЮК

Перед окнами моего дома, на уровне второго этажа, спокойно планировала птица. Ее серое оперение сливалось с вершинами елей и только при поворотах мелькала ее белая грудка, словно звезда меж темными тучами. Птица кружила выискивая добычу - мышковала. Я не впервой наблюдаю этот неспешный, ровно тихий, то поднимающийся вверх, то плавно опускающийся вниз, как планер, полет - то из окна дома, то на реке среди паберег и крутых скалистых, поросших хвойными деревьями берегов. Там птицы парами летают высоко, где-то у самого солнца и мелькают только черными точками. Наблюдаю иногда, как этого хищника преследуют неугомонные ласточки, налетая на него с веселым криком.

Большая птица уклоняется от этих наскоков, сбивается с плавного полета, машет крыльями, меняет направления, но не ввязывается в потасовку. Уступает. Крикнет что-то на своем языке, что трудно воспроизвести славянскими буквами, и улетит прочь. Но не всегда птица такая добрая, часто в лесу, да и на огороде у дома, нахожу я кучки перьев - особенно весной. Одинокую, больную или зазевавшуюся птицу убивает этот хищник со скоростью молнии.

При всей красоте ястреба, величественности его полета хищник кричит невыразительно и резко, все как-то стонет, жалуется, как бы выпрашивает что-то, поэтому у нас на Урале его зовут - «канюк». При всем при этом птица гордая, в чем я мог убедиться еще в детстве.

Было мне лет десять-двенадцать. Точно не помню. Но точно помню: лето того года было мокрым и пасмурным. Игры веселые детские в такую погоду тоже не складывались. Приходилось в основном сидеть дома и только в просветах между

дождями выходить на улицу. Как я оказался на конном дворе среди лошадей и мужиков - неведомо. Ноги сами несут человека к сборищу людей.

Лошадей тогда в поселке было много. Вся лесная промышленность после войны начиналась с этой тягловой силы. Да и лес валили двуручной пилой - шир-шир, трелевали лошадями на волокушах, срубленные сучки складывали в кучи и сжигали. В делянках был порядок. Это потом, поздней, появились бензопилы и трактора с машинами, испоганили весь русский лес.

Много было народу на конном дворе. А в это время над поселком кружил этот канюк. Кружил, кружил, да и сел на столб высоковольтной линии. Откуда взялось ружье в руках мужиков - не знаю, но один из них саданул метров со ста пятидесяти и попал. Убить он не мог с такого расстояния, но ранил. Канюк комом упал в огород в картофельную ботву. Ему некуда было спрятаться: кругом были заборы. Мужики толпой бросились на поиски и нашли, притащили канюка на конный двор. Уж как они с ним обращались крутили и вертели: куда попала дробь? - в крыло! В рабочих грязных рукавицах хватали за острые когти и клюв. Птица молча отбивалась.

Но страшен русский вербованный мужик, лишенный от природы духовной силы: у него нет дома, болтается по казармам и общежитиям, у него нет законченных результатов его личного труда, ему нечем гордиться, но у него есть хайло, которым он добивается больше, чем своим трудом. Вот один из таких мужиков притащил молоток и гвозди и распял птицу на большой колоде. Распял спиной вниз, развернул крылья во всю ширь, так что они торчали за пределами колоды и, приколотил живую раненую птицу во всей её мощи и красе.

Среди мужиков раздался хохот.

Канюк беспомощно двигал лапами, стараясь кого-нибудь резко стегануть острыми когтями, дергал приколоченными крыльями, мотал головой. В глазах его не было боли и мольбы, была гордость за свою соколиную удаль и силу, было презрение к этим людям, истязавшим его. Презрение к их трусости: они боялись его, канюк и в этом безвыходном положении готов был вырвать глаз любому, кто посмел бы наклониться к нему. Тот из мужиков, что приколотил канюка, почувствовав свою мелкоту перед гордой птицей, рубанул

топором и отвалил одно из широко раскрытых крыльев. Птица дернулась и повисла на колоде, выступила кровь, но не было слышно птичьего стона. Мужик, почувствовав силу топора в своих грязных руках, изрубил птицу на куски.

Я поднял голову казненной птицы: глаза еще не были затянуты смертельной поволокой, и еще раз я увидел в них гордость и презрение к палачам. Этот взгляд гордой птицы остался во мне на всю жизнь.

Я не понимал тогда людей, для меня они все были одинаковы, но этот случай с канюком был первым моим уроком жизни, после которого я стал смотреть на людей внимательней и видеть в них разное.

1998 г.

ДЕД ФЕДОР

Дед Федор уезжал из дома. Слабая кляча, взятая по случаю с колхозной конюшни, терпеливо стояла, ожидая очередного понукания. Лошадь чувствовала что-то неладное, она привыкла таскать большие тяжелые грузы, а здесь бросили какой-то дырявый мешок и успокоились. Лошадка фыркала, ей не терпелось уйти от этого дома. Да и дед Федор, который принял твердое решение уйти, что-то шишлял по двору, молчал, думал: «Забрать или не забрать с собой бензопилу». И никак не мог решиться. Заглянул в последний раз в свою мастерскую, прикрыл дверь и тихо сошел со двора. Правая рука его машинально подхватила пилу и понесла на телегу. И в этот же момент из избы на крыльцо с диким криком выскочила жена.

- Куды, куды поволок? - визжала женщина от полного бессилия удержать мужа и переполнившей ее злобы, жажды досадить , уколоть его словами, пока он еще здесь и слышит ее. Взлохмаченная старуха, потерявшая с головы платок, вылетела на улицу. Натуральная в своем буйстве, она сорвала бензопилу с телеги и с легкостью былинки переметнула ее во двор.

Дед Федор тронул лошадь. Но не успела колхозная кляча сделать еще и десятка задумчивых шагов, как жена настигла его вновь. В руках ее была метла. Лицо искажено местью, а рот забит словами, как кашей. Дед Федор не мог разобрать слов, да и не до этого ему было. Он понимал, что там, во рту, клокотал вулкан оскорблений и пожеланий пакости в его адрес. Лошадка медленно тянула телегу, невеликую поклажу в ней и седока, разрывавшего ненавистные узы семейной жизни. Жена продолжала буйствовать. Заметала следы телеги, лошадиных

копыт, поднимала пыль и кричала. Так целый деревенский квартал.

Когда лошадь завернула за угол соседней улицы, дед Федор ощутил глухую тишину да взгляды любопытных из-за зашторенных деревенских окон.

- Но, но! - понукал вялым голосом лошаденку дед Федор. Он делал это не из желания гнать животное, а своим голосом стремился сбросить нервный накал, придавивший плечи, эти взгляды любопытства и осуждения, при-бавляющие усталости и без того изработанному телу. Дед Федор бережно положил вожжи на колени. Достал круглую плоскую, из-под леденцов, банку, дрожащими пальцами машинально загреб самосад и завернул цигарку. Закурил. Табачный дым согрел его грудь. Дед Федор думал и крепко судил себя в этих думах: «Вот ведь, лешак, что натворил - ушел из семьи. Пятерых детей народили, на ноги поставили. Седьмой десяток к середине вскарабкался. И вот...»

Дед Федор курил, смотрел отсутствующим взглядом на улицу поселка. Все здесь было знакомо до последнего поворота. Он был коренным жителем. Здесь жили и померли его родители и деды, вся их многочисленная родня.

Табачный дым обволакивал голову деда, а мысли возвращали в прошлое: «Лешак меня возьми, откуда и взялось. Росли вместе, в школу ходили. И она была не какая-нибудь роспазня (несобранная женщина, у которой все валится из рук) а пальмо-бойкая. Такая маленькая бабенка.

Сошлись. Зажили. Че еще... дети пошли. А потом эта - проклятая война. Забрали, как любого мужика, да и кто волен в такое время. Ведь я тоже не базляка какой-то прятаться и убегать. Ну и задержали меня там чересчур долго. В деревне-то, пожалуй, последним пришел. Дак если бы мое дело, дак...»

Лошадь шла мимо клуба. Хотя до сеанса кино еще было время, народ теснился подле общественного здания. Куда деваться молодым да бесхозяйственным? Деда Федора окликнул мужик средних лет, у которого, как говорится, ни кола ни двора. Начинал когда-то этот мужик держать кроликов да шить шапки-ушанки. Занялся делом. Но наша дурная власть дала мужику по рукам и пригрозила сослать куда-нибудь подальше. Бросил мужик все дела, дом запустил и корову пропил. Так спокойней.

- Дай, дед, закурить, у меня совсем ничего не осталось.

Дед Федор достал молча банку с самосадом, спички и сложенную газету. Ждал, когда знакомый свернет цигарку и вернет добро.

- Что, дед, решился, наконец-то, бросить свою стерву? Давно пора! - начал разговор подвыпивший мужик.

Деду было не до разговоров. Он понукнул лошадь. Та уныло потянула телегу, обходя глубокую непросыхающую лыву. Телега наклонилась. Дед непроизвольно схватился за нее и выругался.

«Вот ведь уже все знают, вам только судить», - ворчал дед. И постоянно возвращался к своим невеселым мыслям: «Да, задержали меня в армии долго. А кому домой поскорей не хочется? Дак иди докажи начальству. Сразу пришьют статью. Жена встретила с подозрением и с ревностью: « Небось другу бабу завел? То-то и не торопился». По молодости-то, сразу после войны, как схватишь ее за мягкие-то места. Так сразу все забывала. Да и дети. После войны еще трое появились. Когда и заворчит, уйдешь - мало дела. Работа, дом построил, скотина, покос, дрова, шабашки. Без дела не сидел, и без копейки не сидели. Не как другие. Но баба все продолжала мыргать, все недовольна. Да и бабы вдовые подначивали. Мужики советовали: « Дай ей хорошенько - образумится» . Как дать-то ей, ведь она мне детей нарожала. Или еще смешней: грозилась в суд подать. И судьи-то, почитай, одни бабы. Ладно ли это - мужику, на котором все в доме держится, оправдываться перед какими-то судьями. Позор».

Дед Федор плюнул с досады, поддернул вожжи. Синяя тучка заслонила солнце. Стало еще тише в деревне. Набежавший ветерок накрыл лошадку и седока придорожной пылью.

Дед ехал по улице.

«Глупая бабенка, - продолжал обдумывать свою жизнь дед Федор, - ничего не ценила: мантулишь, мантулишь, а все мало, все в дом волокешь, а она все мыргает. Одно спасение - мастерская. Уйдешь от нее - и стругай себе дерево, делай рамы, табуретки... да хоть че, если не пахорукий. А тут еще одно чудо привалило от наших правителей. Вконец развалили государственное хозяйство. В магазинах пусто, как в пустыне. Магазинерам и делать нечего стало: ни соли тебе, ни сахару, ни манной крупы. Во как дела-то обернулись, коллективным-

то хозяйством. Ввели талончики да списочки, кому дать товару, кому не дать. Нам-то старикам че - накинул гуню на себя да в работы, а молодым моду подавай - а не положено. Что получше - участникам войны. Раскололи людей - обозлили. Блат развели. Ну молодежь ясно - недоросли. А я старик. Прослужил всю войну с гаком в строительных войсках. Строил дороги, мосты, дома - все, что прикажут. На передовой не был. Моя ль вина. Военкомат бумажку не дал - не положено, не воевал, не участвовал. Вот где баба взбеленилась: «Аника-воин, семь лет воевал, ... , а справочки не получил». Все это при детях. Да...»

* * *

Лошадь остановилась у домика на два окна. Чистая, прибранная хозяйка выскочила навстречу.

- Федя?! Приехал! Проходи, проходи в дом. Ставь лошадку-то во двор. Потом угонишь на конюшню. Проходи, - раскрыла ворота, пропустила повозку.

Дед Федор вошел в дом, где бывал уже не раз. Большая русская печь определяла все убранство дома. Вокруг ее строилась жизнь. Ведра с водой у стенки на лавке. Кухонный стол и две табуретки - все убранство кухни. Дальше горенка, где стояла кровать с матрасами да подушками. На стене фотографии, в красном углу телевизор. На полу домотканые половики.

- Садись, садись, Феденька, я сейчас, - загремела хозяйка своим деревенским инструментом. И вмиг на столе, покрытом протертой до белизны клеенкой, появилась еда, маленькие граненые стаканы и вытянутая бутылка «Столичной».

Женщина ни о чем не спрашивала. Да и дед Федор молчал, он переживал внутри себя происшедшее и входил сознанием в новую жизнь. Дед Федор прошел к столу. Сел. Женщина, радостная, что он прошел к столу, и озабоченная его переживаниями, молча ловила его взгляд, его жесты, тихо радовалась, но не суетилась. Они оба молчали и не сразу женщина нарушила тишину.

- Федя, может, выпьешь? - тихо сказала она, когда почувствовала, что молчание затянулось и к ней пришел испуг: «А вдруг уйдет?»

Дед Федор, выходя из молчаливого транса, только и сказал:

- Давай выпьем.

Женщина встрепенулась, подала ему влажную бутылку. Молча села. Дед Федор расковырял алюминиевую пробку. Налил две стопки и поднял без слов. Они грустно соединили свои стаканы, выпили... и заплакали...

Наутро дед Федор встал рано. Он не мог жить без дела. Да кто жил в своем доме, тот поймет, что дел в нем всегда больше, чем времени. Дед Федор поправил забор вокруг огорода, приколотил все хлопающие доски, покрасил окна... Да не все сразу - постепенно. Все материальное умеет радоваться. Ожил дом под теплыми, умелыми руками. И хозяйка зарумянилась - старалась. Пекла да жарила.

Зажили старики друг для друга мирно да дружно. Во дворе появилась скотина, а на столе достаток. По вечерам после телевизора бабка шептала деду Федору непривычные для него слова: «Федя, а я ведь тебя люблю». И засыпала уставшая.

Дед Федор не спал. Он лежал с открытыми глазами, прежняя жизнь не выходила из памяти: «Что же это такое? Здесь я лежу в чистой постели, а там - в чем попало в мастерской, здесь нет детей». Он повернул голову в сторону своей подруги, заботливо поправил опавшую седую прядь. Дома, там пятеро: «Что за жизнь, - спрашивал себя дед Федор, - как это?..»

Утром вставали, хлопотали по дому, хозяйству. Работали без лишних слов и радовались маленьким успехам. Чего они достигли в своих скромных трудах, было видно по дому и их внешнему виду.

После обеда дед Федор выходил на улицу покурить. Смотрел, как пацаны играют в футбол, а когда мяч подлетал к его ногам, он с удовольствием, неумело пинал его и смеялся: « Дак, я ведь еще ничего. И старуху свою могу...» И бабка среди своих товарок, плюя подсолнечную шелуху, гордо молчала. Все соседские бабы, хотя и осуждали ее за глаза, понимали: такое спокойствие спроста не приходит.

* * *

Но счастье не вечно. Дед Федор всегда думал, что он первым должен уйти из жизни. Он старше. Но жизнь не спрашивает. Проснулся дед Федор однажды в холодной постели. С вечера она еще была уютная...

Обстругал дед доски, сделал последний длинный дом для своей подруги. Проводил...

Зажил тяжело и одиноко.

Однажды, сидя у окна за столом с потускневшей клеенкой, увидел дед Федор на улице людей. Да много. « Кто это ? - думал дед Федор. - Ко мне никто не ходит». Стал всматриваться.

- Да господи, не может быть? Это же мои дети. Да, смотри, старшая Танька, фу ты, она же здесь не живет. Дальше - Петька, Ванька, мать твою так, Симка и последний, Санька, - у деда Федора потекли слезы.

Дети стояли на улице, через стекло дед не слышал, о чем они говорят, но видел, как размахивают руками. Первой пошла Танька, за ней все остальные. Дом наполнился, стал тесен. Дед Федор засуетился, не зная, куда посадить взрослых своих детей. Он был потрясен. Почитай, ни разу не видал их вот так, всех вместе. После школы незаметно, по одному, уезжали в город на заработки, в свою жизнь, а потом наведывались то один, то другой.

Когда дети сели, успокоились, замолчали, первыми начали дочери.

- Папа, ты должен вернуться домой, - и обе наперебой, не слушая друг друга, стали что-то говорить часто и громко. Что? Дед Федор уже не мог сразу понять. Итог подвел старший из сыновей - Петр:

- Отец, поехали к любому из нас жить, или возвращайся к маме, мы ей объяснили - она не против.

Дети выпили чаю, съели все, что было у отца запасено на неделю, и стали собираться. Дед Федор вышел с ними на улицу. Ему хотелось каждого из этих больших людей похлопать по плечу, пошутить. Но... взрослые дети вышли, не подав руки, они сделали свое дело... пригласили.

Дед Федор провел все лето в трудах и заботах косил, собирал сено, метал зароды. А потом сник. Затосковал один. Пошел он осенью по дороге, мимо клуба, где когда-то, лет пять назад, ехал на колхозной кляче. Вошел в построенный собственными руками дом. Жена его шишляла у печи.

- Здравствуй, - сказал дед.

В ответ было молчание.

- Вот, дети сказали, - продолжал он.

- Входи! Я тебя не гнала, - ответила жена, не отрываясь от печки.

Дед Федор сел на лавку. Закурил. Как всегда, в этом доме была напряженная тишина. Жена молчала. Дед Федор ушел в свою мастерскую, которая стояла нетронутой.

Дед Федор переезжал молча. Колхозная кляча раз пять тянула телегу с того двора, таща то сундук с добром, нажитым дедом за последние пять лет, то телевизор, то телку на привязи...

Жена молчала и не выходила.

Все перевез дед Федор, кроме своей души.

Жена больше ему не пеняла и не оскорбляла. Он не мог воспринять ее заботу. Ушел в свою мастерскую, молча топил железную печь, курил, смотрел на огонь и думал...

Весной он тихо уснул.

На его похороны дети не собрались. Жена его прожила зим девяносто, все хлопотала по дому, круто судила своих соседей. За что? Да так. Просто за то, что они жили рядом. И все приговаривала: «Мне не страшно умирать. Боюсь, что после меня порядка в доме не будет».

1995 г.

ПОЛОВИКИ

Мы заканчивали свой скромный дачный обед, когда в дверь постучали.

- Можно? - проскрипел усталый голос вслед за открывшейся дверью.

- Да, конечно, - встрепенулась хозяйка, - добрый гость всегда к столу.

- И я не с пустыми руками. Вот, - Антонина Николаевна выложила на стол свою стряпню. Гляжу - вы с огорода в избу, думаю - обедать пошли. Вот и пришла. У меня сегодня годовщина, двадцать годов как самого-то нет. Напекла, нажарила - помянуть надо. Всех угостила и вас тоже.

Мы попили чаю с принесенными пирожками с луком и яйцом, похвалили действительно вкусную стряпню соседки.

Пожалуй, с этой встречи у нас установились близкие и доверительные отношения с Антониной Николаевной, а до этого мы как-то здоровались издалека и только.

И еще один случай сблизил нас окончательно. В тот год у нас родился сын. И мы - молодые отчаянные родители - приехали с грудным ребенком осенью на дачу. Затопили печь, а она после долгого неупотребления задымила на весь дом. У нас, взрослых, закружились головы, а ребенок зашелся слезами. Вот тут жена завернула его во все пеленки, набросила на себя какую попало одежду и чуть не босиком умчалась к соседке.

Когда я вошел в низкий, почти вросший в землю дом Антонины Николаевны, сына моего уже отпоили молоком и проводили над ним проверку на выживаемость. Соседка поднимала мальчонку всего голенького вверх на руках над головой, как воздушный шар, и смотрела, поднял он ножки или

нет. Да так несколько раз. Сынишка подтягивал коленки прямо к животику и верещал.

- Будет жить, - радостно заключила Антонина Николаевна, - видишь ноги-то к пупку жмет, а не выпрямляет, не вытягивает в струнку. Будет жить - такая вятская примета.

Женщины еще что-то гукали, лепетали возле сынишки на большой высокой кровати, а я уставился взглядом на ткацкий станок, стоявший в углу комнаты.

- Антонина Николаевна, - обратился я к соседке, - это что у вас тут стоит?

- Ткацкий станок.

- Вижу, что ткацкий. А чего-то он не заправлен.

- Дак, милой, управилась уже с половиками, а дальше ниток нет. Основу надо делать.

- Научила бы меня уму-разуму.

- А зачем тебе это? - поинтересовалась соседка.

- Хочу все знать, - ответил я шутя. Хотя в доме, как на складе, накопилось дополна всяких тряпок, которые нужно было выбрасывать, да все жалко, в каждой из них свой труд, жизнь, память.

- Вот кончу свою работу - приходи, сделаем основу и работай. - Антонина Николаевна улыбнулась. Она всегда ровна в отношениях с нами, всегда с улыбкой, по-видимому, это спокойствие и улыбчивая уравновешенность помогали Антонине Николаевне заканчивать свой семьдесят седьмой год жизни.

Где-то уже поздней осенью, в ноябре, когда снег покрыл всю уральскую землю небольшим, но уверенным снегом, я приехал на дачу. Затопил печь, и на этот дымок явилась Антонина Николаевна.

- Жив, милой? - застучала валенками и улыбнулась на пороге соседка. - Как твой сын, жена?

- Здоровы, слава Богу, - отвечал я ей тоже с улыбкой, подавая табуретку.

- Учиться-то хотел - так давай, настраивайся, забирай станок, тащи к себе в дом, вон у тебя какая большая комната,

ставь его сюда, - Антонина Николаевна махнула рукой в угол - и работай. Смотри как светло от окна, а с потолка свет лампочки.

-Пошли,- наставница развернулась и вышла из дома. К вечеру я перетащил ткацкий станок к себе домой. Установил и прибил к полу некрашенные и почерневшие от времени кросна, навесил круг, на который навиваются нити, первое вердо, ниченки, вложил набелки, приспособил завенки для прохода челнока, второе вердо, подножки и круг для готовых половиков. Все наладил под руководством Антонины Николаевны. Комната преобразилась и приобрела какой-то ремесленно-производственный вид. Осталось начать работать.

В следующий раз на дачу мы приехали всей семьей. Жена накупила черных и белых ниток десятого номера, нарвала тряпок. Я ей помогал, делал клубки разных цветов, некоторые получались большие, как футбольный мяч, другие маленькие: какой объем и цвет тряпки, такой и клубок.

Пришла наставница.

- Ну что, работать будем?! - с улыбкой предложила Антонина Николаевна. Давай, хозяин, неси пару досок подлинней, гвоздей длинных да молоток, основу делать будем.

Я исполнил. Принес доски, наклонил к стене, набил гвоздей через ровное расстояние и, уступил место женщинам.

Антонина Николаевна прошла с нитками по гвоздям первый ряд и сказала: «Ну давай, молодуха, сейчас ты». Отошла к столу. Жена робко и неумело потянула нитку, а соседка ей подсказывает: «Ты смелей руку-то веди и нитку натягивай, не бойся - не порвешь, а порвешь - так свяжешь».

Так в долгий зимний вечер мы все вместе сделали основу. Антонина Николаевна осторожно, чтобы не перепутать нити, перенесла основу на круг, на ткацкий станок. Потом скрюченными временем и работой пальцами стала пропускать - по местному, вдавливать - каждую отдельную нитку через отверстия в вердо. А сколько отверстий в этом вердо, пожалуй, никто и не считал, кроме того мастера, который собрал его терпеливо. Все из дерева, из лучины. Прикреплены эти коротенькие дощечки обычным бельевым шнуром к другим длинным лучинам, (по моим подсчетам их более трехсот). Дальше

сложней и интересней. Нитки нужно вводить через ниченки. Это тоже отверстия, но из суровых ниток, сплетенных на обычных палках, на верхней соткана нитка до половины расстояния другой, нижней палки, от которой суровая нитка пропущена до средины верхней палки, соединены эти нитки петлей друг с другом, проще сказать, пропущены одна через другую. В этом запутанном сплетении ниток руки Антонины Николаевны творили чудеса. Она вводила одну нитку за другой легко и просто, а я все не мог понять, как же так все просто, когда для меня совсем не ясно. И вспоминал лесковского дьякона Ахиллу, который говорил: « ...что же за стыд, когда я ей обучался (логике), да не мог понять». Так и я без стыда признаюсь, что не понял логики действия мудрых рук Антонины Николаевны.

Дальше просто. Пропустила наставница все нитки через вердо и ниченки, настроила челнок и подножки. Играючи начала работу. Протолкнет челнок с тряпичной ниткой, хлопнет вердо, вернет челнок в обратную сторону и опять хлопнет и - пошла работа. Из разрозненных тряпок и ниток стали появляться новые половики.

После такого урока я начал действовать челноком да вердо, ноги при этом хлопали на подножках. Потянулся половик то с темной полосой, то с желто-голубой, то со светло-зеленой, то - синей, а меж их тоненько так ненавязчиво белая, красная да опять белая полоска. Пестрые, яркие половики получались. Но ведь я говорил, что не усвоил урока, как вводить нитку через ниченки, и как только рвалась какая-нибудь нитка, так вся моя работа начинала путаться и останавливаться.

Бегу по снежной тропе, под звездно-холодным небом, на ветру, в легкой одежде, стучусь в ворота, прошу о помощи.

Приходит Антонина Николаевна, снимает синюю рабочую телогрейку, поправляет на голове платок и сует холодные руки в ниченки, и каждый раз приговаривает: «Поболело, поболело и померло». Находит обрыв, соединяет нитки - и вновь работа пошла.

- Где вы, Антонина Николаевна, научились так талантливо руки свои прилагать? - спросил как-то я в один из ее поучительных приходов.

- Ха, давно, до войны, на вятской земле еще, в девках. Тогда ж ничего не было. Бабушка дорогая, царство ей небесное, научила, а жизнь заставила. Мы ведь народ вятский-хватский - семеро одного не боимся - выжили.

Пошутила она и опять ушла к себе в дом.

* * *

Вот так всю зиму я ездил один раз в неделю на дачу, потихоньку ткал половики и слушал Антонину Николаевну.

На Урал я попала еще до войны, а во время войны у-у сколько нашего вятского народа сюда понавезли. Всех разбросали по заводам, организациям да почтовым ящикам. Сейчас в городе спроси у старшего поколения: «Где работал?». «Что ответят?». Не завод назовут, а номер: на полтиннике, трех тройках, семьдесят девятом, и пошло - поехало - конца цифрам-то нет.

В девках-то я у какая бойкуща была, откуда что бралось и куда девалось, - с улыбкой говорила Антонина Николаевна, - а познакомилась с молодым вдовцом, да еще с ребенком - как будто других не было. Что поделаешь: судьба видать такая. Ну, а дальше? - задавала сама себе вопрос соседка и сама же отвечала. - Дальше познакомились и жить стали без всякой регистрации. Чем он меня взял? Ума не приложу. Ростом невелик, как я сама, может улыбкой, задором. И молодых-то годах разве на другие способности смотрят. Это потом начинают ногти грызть.

И вдруг война. Все репродукторы заревели: «Вставай страна огромная...». Толечка мой тоже засобирался. Да государство помогло - повестку прислало. Взял он котомочку и отчалил. А уж какие были слезы на проводах, да тоска ожидания при карточной системе, все это сейчас никому не интересно, да и забыли все. Вот поверь мне: уйдут из жизни последние люди, которые воевали да пережили все эти ужасы, тогда и начнут снова выяснять: кто сильней? да у кого чего больше?

- А история, историки для чего? - перебил я ее.

- Что история, что историки? История пишется в теплом сухом помещении по архивам, а не душам людей. Историки повернут тебе историю туда, куда хошь, как государство скажет. Посмотри, до нас сколько их было - войн. А что толку. Я одна пережила две мировых, да гражданскую, не считая малых...

- Мировых пятьдесят лет нет, - встрял я в разговор, но Антонина Николаевна лишила меня слова своей решимостью.

- Мировых нет? Да потому и нет, что слишком большую память человеческую всколыхнули. Считай, миллионов шестьдесят по миру-то угрохали, а у каждого родственник, да не один, а пережитые вши и голод в тылу! Это же миллиардная людская память, ее никакой пропагандой не затрешь. Вот я и говорю... - Антонина Николаевна сбила свою мысль и закончила: - «Да плешь ей на голову, этой войне, все равно свое сделают президенты да передовые люди своего времени. Мы тут болтать только можем.

- А мой-то, Анатолий Афанасьевич, что сделал? - вернулась к теме разговора соседка. - Вот уж где я поревела да пометалась. Война к концу уже шла, в сорок четвертом это случилось. Отписал мне: так-то и так, писем больше не жди, не вернусь я к тебе и аттестат продовольственный на сынишку снял. Нашел там другую, вояка заметный - капитаном стал, война кончается, ну и взметнулся мыслями высоко. Бабы ревут в таких ситуациях, бумагами парткомы да воинских комиссаров забрасывают - отдайте мое добро, самой нужно. И я выла - в подушку, и я страдала от обиды да злости, все письма его с фронта в печку выкинула - сейчас жалею, - а тогда держаться надо было, к сынишке его привыкла и полюбила крепче родного. Но не сберегла, - Антонина Николаевна заплакала. Умер он после войны, взрослым парнем, клещ его укусил.

Анатолия Афанасиевича выбросила из башки своей вон - все - нет его. Но как нет, как же нет, когда был, разве забудешь. Я тогда телефонисткой работала тут на одном объекте, говорить-то нельзя: подписку давала (в начале девяностых годов московские газеты на весь мир оповестили, что здесь был объект по обогащению урана), звонит мне подруга: «Тонька, а твой-то на станции объявился - с костылем идет, хромает». Вот тут я обомлела. Прямо враз почувствовала, как вся сила из

меня в зад опустилась, а оттуда в табуретку. Сижу, руки-ноги дрожат. Звонки идут, я штекером в гнездо попасть не могу. Мысли веером: «Пошел он к дьяволу, не пущу». И другая мысль тут же: «С костылем, хромает, куда он пойдет?». Через час прямо на работе в дверях объявился.

- Тоня, я пришел - прости.

Стоит в дверях в военной форме, в кителе, при погонах, вся грудь в орденах, с палкой. Вот тут вся моя бабья истерика наружу вышла: «А-а, что, хромой-то не нужен стал?! - вопила я на всю контору, много что кричала - не помню. Помню, что тишина в конторе гробовая была, только я одна выступала. Выгнала, дверь захлопнула, закрыла на крючок. Это сейчас смешно, а тогда слезы душили.

- Разве такое в нашей национальной по форме и социалистической по содержанию литературе найдешь? Платонова помнишь как шугнули только за один рассказ, где он сказал, что фронтовик вернулся домой, а там его встретила гульнувшая жена. Не может быть такого в социалистическом обществе. Но все было, куда деваться.

- Вы много читаете, Антонина Николаевна? - спросил я.

- Читала. Я говорю: бойкая была, в парткоме состояла, депутатом райсовета была. Тут много народа грамотного да с образованием было. Надо было читать.

Во время моего очередного приезда на дачу, когда я очередной раз запутался в ниченках, Антонина Николаевна рассказывала:

- Недели две он мне надоедал, а раз пришла с работы, смотрю, сидит в моей комнате в общежитии с сыном играет. Заявил мне так откровенно по-солдатски: «Никуда я от сюда непойду. Че хочешь, то и делай». Пошумела для приличия, да опять зажили. Он, Анатолий-то мой, на баяне, на гармошке играл, после войны голодно, но весело жили, сплоченный народ был общим горем да проблемами. Ему плясать нельзя, рана на ноге все не заживала. Я в эти годы, пока он жив был, натанцевалась, а он мне все говорил: «Танцуй, Тонька, танцуй, для тебя только и играю». Медицинская комиссия его на

инвалидность отправляла. Отказался: Что, говорит, инвалидом себя чувствовать буду. Пошел работать. После войны, в пятидесятые годы, военные друзья к нему приезжали. Вот посмотри, - Антонина Николаевна подала фотографию, - он в середке. - Анатолий Афанасиевич стоял в кителе без погон, а друзья по войне, с которыми он хлебал вместе и щи, и грязь из одного котелка, при погонах. Подполковники.

Ох долго он переживал эту встречу. Все сидел у окна кряхтел, гладил ногу и - ни слова. Он понимал - это последняя встреча. И правда, они больше не приезжали. Память и пережитое вместе их объединяло, делало их друзьями. А настоящее, когда он, Ольков Анатолий Афанасиевич, признанный всеми, кроме самого себя, инвалид не у дел. Они подполковники - и это для них не предел - остались в той среде, где были. У них настоящая жизнь с ее проблемами здоровых людей. Они уходили от него по жизни. Он оставался тем, кем был. О чем он думал? Может, о том, кем бы он стал, если бы не было раны, в той же армии. Не знаю. Но я видела, как произошел перелом в его жизни. После этого он отпустил бороду, смеялся и улыбался все так же, но не с тем размахом и удалью. О войне больше не вспоминал. Да как о ней было не вспоминать, когда изо дня в день двадцать пять годов я перевязывала его мокрую рану, а она так и не зажила. Тряпок не хватало, каких там бинтов, на них денег не было: стирала, сушила, гладила и так по кругу. Устала. А сейчас верни мне его - и я безропотно буду делать то же самое.

Зима закончилась. Вытканы половики, их получилось метров тридцать. Бурная весна затопила подвалы и огороды и схлынула. Дикая яблоня кустодиевской купчихой цвела под окном. Антонина Николаевна сидела на скамейке подле своего дома в платочке на голове и легких одеждах. Я копал землю на огороде, готовился садить картофель. Мы помахали друг другу рукой - поздоровались.

Вечером я иду к соседке помочь покрасить пол да рамы.

- Чего, не ухайдакался за день-то? - улыбается Антонина Николаевна. Посмотри, чего я нашла в чулане.

Она подала мне журналы: «Художник», «Приуса-дебный сад», вырезки картин русских и иностранных художников из

журналов «Огонек», «Работница», «Крестьянка» - все начиная с конца пятидесятых лет.

- Возьми, если надо, - я смотрю, ты человек читающий, а женщина, которая мне помогает, - ей это не надо, не тот интерес. Антонина Николаевна подала мне отдельно еще одну папку бумаг. Анатолий последнее время работал в школе, - уточнила она, - черчение и рисование преподавал. Посмотри.

В папке лежали детские рисунки с натуры, поздравления учителю со всеми советскими праздниками. Серьезные и не очень, с пятерками и двойками. Но главное - карандашные наброски Олькова. Автор много времени проводил у окна, отражены его зимние наблюдения замершего человека, зарисовки домашнего интерьера. На большинстве рисунков были изображены ноги, физическая и духовная боль автора. Ноги сложены одна на другую, верхняя левая перевязана, отретуширированы все тени и полутени. Эта фронтовая незажившая рана изменила всю его офицерскую и послевоенную жизнь.

Антонина Николаевна, заметив мой взгляд на этом рисунке сказала: Он часто рисовал ноги, как будто хотел карандашом облегчить свою боль. Уже в конце, когда силы его кончались он признался мне: «Тоня, ведь я ехал суда умирать, а ты мне продлила эту жизнь на четверть века. Спасибо».

Антонина Николаевна оставила мне добрую память и половики, по которым я хожу босиком, как по летнему лугу.

1988 г.

ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ

Солнце пекло весь июнь. Казалось, к нам на Урал пришло долгожданное устойчивое тепло, какое бывает только на юге. Местная ребятня досрочно открыла купальный сезон, использовав для этого неглубокую протоку реки. В этом лягушатнике они толклись целыми днями. Смех и крики, девичий визг и ссоры доносились с реки, а то вдруг тишина. Это значит все замерзли, выскочили из свежей воды и замолкли у костра, стуча зубами, слабо перебирая синими губами и дрыгая полусогнутыми коленками. Взрослый люд вечерами работал на огородах, спасая урожай: кто носил воду ведрами на коромыслах, кто, побогаче, качал воду из реки насосами, поливая не только морковку, лук и редиску, но саму кормилицу - картошку. В этой июньской жаре природа как-то незаметно ночью ударила сильным инеем по деревенским огородам, да дважды, и взошедшая ботва картошки почернела и теперь изнывала на жаре под пристальным вниманием хозяев.

Но... с первых дней июля все небо обложили синие низкие тучи. Начались дожди, а вместе с ними, как это часто бывает на Урале, пришли холодные дни.

Средина лета. Праздник. День Петра и Павла. Самое начало сенокоса. Ранним утром над лесом завис туман, но не густой, а так - пятнами, первые лучи солнца быстро втянули его вверх и на голубом небе образовалась небольшая серая тучка. Но уже через час солнца не было видно. Началась капель, тихая такая, без ветра, оросила траву, дороги, крыши домов - и успокоилась. По переходам через реку Койву потянулись косари. Кто в одиночку, кто вдвоем, в белых рубахах, в косынках от комаров, повязанных на голове и широко разбросанных по плечам. Но вот на висячем мосту появилась целая артель - человек десять, больше женщины, а среди них выделялся мужчина, не из местных, с косой на плече и с такими же округлостями тела, как у баб. Он все резвился, подпрыгивал на мосту вверх, широко расставлял ноги, пытался

раскачать мост и привлечь внимание молодых женщин, но это ему удавалось плохо.

Только прошла эта артель, как над поселком зависло принесенное ветром черное облако.

И началось...

Сильный косой ливень полосами ложился на реку, переувлажненную землю, сразу образуя лужи, на которых капли дождя подпрыгивали фонтанчиками, образовывали пузыри, и после короткого свободного падения веселыми ручьями устремлялись вниз к большой воде, чтобы объединившись плыть дальше между лесов и лугов, скалистых берегов и нив, больших и малых городов, и где-то в пути вновь порадовать людей туманами и новыми дождями.

По дороге в магазин меня настигла эта стихия. Прыжками, как заяц, накрыв голову хозяйственной сумкой, спасаясь от потоков воды, я впрыгнул в общественный дом.

В магазине только и разговоров, что о погоде.

- Гли-ко чо нонче делается. Жара, когда не надо, и дождь, когда сушь нужна, - говорил дед лет семидесяти, опираясь на палку поддерживая сетку с тремя буханками хлеба. С ним в беседу вступила товарка такого же возраста.

- Да еще эти заморозки. Картошку совсем пришибло. В июне только взошла ее - бац и приморозило. Сейчас только оклемалась, в ночь на седьмое июля, среди дождей - опять иней. Да это что?

- Не будет нонче картошки, - подхватила другая женщина, - смотри чо делается. Или будет мелкая.

- Да ладно говорить-то, - возразила дородная продавщица. - У меня вовсю цветет.

- Да уж чо хвастать. Тебя не задело, так молчи. У других-то посмотри - черно в огороде, когда она, родимая, оправится.

Женщины заспорили, пережидая дождь. У каждого вновь входящего спрашивали: «Кончился ли он, окаянный?» «Да идет, капает», - был ответ.

Люди пообщавшись, посетовав на погоду, расходились под слабую капель.

Я решил в такое ненастье истопить баньку. Зачерпнув воду в реке, я поднимался по скользкому косогору. Разросшаяся крапива цеплялась за одежду, стараясь обжечь человека. Капли дождя пополняли выплеснувшуюся из ведер влагу. Баня по-черному до крыши заросла травой. Это простое по архитектуре, но сказочное

по содержанию строение было черно внутри, и только полог да лавки, на которых мылись люди, серели подле небольшого окна. Чтобы прогреть такую баню, нужно топить не менее двух часов. Едкий дым от вспыхнувшей лучины поднимается медленно над печкой, устремляется синими нитями к продухам под потолком, а затем заполняет все помещение, потрескивают на огне поления, искры вылетают и, мелькнув мимолетно мотыльком, гаснут в клубах дыма. Помещение бани по-черному в этот момент можно сравнить со стаканом красивого коктейля: слой синего дыма качается, заняв верхнюю половину бани, порывы ветра через продухи смешивают чистый воздух с дымом, так они и играют в ляпки-догонялки - прогревают баню. Сидишь согнувшись в еще холодной бане и слушаешь, как шуршит дождь по деревянной крыше. Дым - огонь - дождь. Выходишь из бани глубоко согнувшись - и первые минуты не думаешь ни о дожде, ни о солнце, а просто ловишь воздух, чтобы передохнуть, глаза слезятся и весь мир расплывчат.

Но зато потом... Какое блаженство: аромат свежего березового веника, в бане сухо и жарко, на улице мокро и прохладно.

Вечером по переходам через реку возвращалась обратно та артель работников, что прошли утром. Дождь для косьбы не помеха. Они наверняка свалили целый покос свежей травы. Возвращались мокрые и усталые. Полный мужчина с бабьими формами шел последним и уже не пытался раскачивать висячий мост.

1997 г.

ОНА

Одинокая женщина преклонных лет сидела осенним вечером за столом. Репродуктор наполнял ее большую городскую квартиру какой-то музыкой, но эта музыка задевала ее сознание не больше, чем стук часов. Она сдвинула остатки пиши, грязную посуду в угол стола. На освободившееся место положила альбом с фотографиями. Это была добротная книга, старая, как она сама, каких уже нынче не делают, с цветами лилий на обложке с орнаментом по краям. «Этот альбом переживет не одно поколение, - думала она, - хотя и сделан из картона, а не из полиэтиленовой пленки, какими завалены сейчас все прилавки магазинов «Коник».

Это был альбом истории ее жизни.

Она листала страницы, перекладывала просто вложенные в альбом фотографии. Это были любительские черно-белые снимки, плохо пропечатанные и на плохой фотобумаге, выполненные парнями школьного фотокружка. С матовых серых листов смотрели улыбающиеся детские мордашки. Дальше пошли студенческие годы. Качество фотографий улучшилось, преобладали глянцевые снимки, но все такие же черно-белые, стандартные. Вот она в группе студентов на первомайской демонстрации, кто-то из озорства сзади, прямо над ее головой, выставил транспарант с лысой и круглой, как тыква, головой Хрущева, в сквере с однокашниками возле университета, в колхозе, на фоне бескрайнего поля с почерневшей картофельной ботвой. Все снимки были сделаны случайными фотографами. В фотомастерские она ходила редко - в крайних случаях, когда требовались фотографии на документы. Из всей массы снимков она выбрала три: детскую, средних лет и последнюю, незадолго брошенную вместе со всеми. И поплыли ее память,

ее сознание в прошлое, и ничего уже не могло оторвать ее от пережитых лет...

Девочка-школьница с большими светлыми бантами, с чуть поджатой нижней губой смотрела в жизнь наивно и весело. Что такое жизнь? Такой вопрос не возникал тогда в голове. Жила и радовалась. Радовалась и капризничала, потому как мама брала на себя все проблемы жизни. Только какие-то намеки взрослых настораживали: «Вырастешь - натрешь соплей на кулак». Да. Надо прожить десятки лет, чтобы понять эту несложную житейскую формулу. У каждого она индивидуальна. Нет готовых рецептов. Тогда ее занимала учеба, общественная работа в школе, спорт. Бралась за все. Уставала, но все получалось.

Где-то в двенадцать лет появилась новая проблема жизни - мальчики. Старшие девочки рассказывали о поцелуях. Это было что-то загадочное, тайное и недоступное, как высокая снежная кавказская гора, увиденная из окна мчавшегося на юг поезда вместе с родителями. Такие девочки казались героинями, недосягаемо взрослыми и интересными. «А, я, - думала женщина, - гоняла тогда футбол, ходила в походы, спала в одной палатке с мальчишками, ничего меня в этом плане не интересовало. Продолжала бегать на соревнованиях за школу: на лыжах, прыгала в длину и высоту, плавала, гребла на лодке».

Но однажды тренер отозвал ее и сделал замечание: «Наташа, ты ведешь себя очень вольно с мальчиками». Ничего не поняла. Обиделась. Замкнулась. Но в тот же весенний день пригласил прокатиться на велосипеде симпатичный ей парень. Она беззаботно села на раму. Поехали. Что он говорил, память уже не сохранила. Но, когда он устал и начал дышать ей сильно и часто в шею, то это дыхание пронизало все ее внутреннее существо. Появилось новое, неведомое, сильное желание. Она спрыгнула с велосипеда. Раскрасневшаяся, шла рядом с парнем и позже не противилась его неумелым поцелуям. Вот здесь она поняла замечание тренера - надо менять отношения с мальчиками. В это же время проснулась в ней ревность, зависть к другим девочкам, желание быть на виду у парней.

...Женщина улыбнулась. Она вспомнила свою пятилетнюю внучку. Однажды в гостях у сына собрались друзья с детьми. Был среди них мальчик Сережка, лет четырех, ровесник

внучки Светки. Светка все кружилась возле мальчишки: то подавала ему игрушки, то отбирала обратно, капризничала. И вдруг пошла в туалет. Сережка остался в большой комнате среди гостей. Светка-паршивка, не дойдя до туалета закричала: «Баба Наташа, а чего Сережка подсматривает!». Она тогда сердито ответила Светке: «Иди-иди, никто на тебя не смотрит». А про себя отметила: «Вот растет провокаторша...» «А была ли я провокаторшей?» - спросила себя женщина. Она вспомнила свою школьную соперницу, которая, как ей казалось, испортила всю ее жизнь. Как она интриговала против ненавистной соперницы среди парней, привлекая внимание к себе...

В восемнадцать лет она приехала в большой шумный областной город. Не сказав никому, что она спортсменка - разрядница, успешно выдержала конкурсный экзамен и была зачислена в местный университет. Косички и бантики с ее головы исчезли. Появилась красивая высокая, с начесом, прическа. Школьное форменное одеяние спало с ее плеч. Появилось новое, облегающее полную высокую грудь, короткое, выше колен платье. Появились студенты-поклонники, приглашали в театр, кино, в парк культуры и отдыха. Новые подружки в студенческом общежитии не скрывали зависть, глядя на ее фигуру. «Ах, Наташка, какая ты сексуальная баба», - говорили они. Все это ей нравилось, кружило голову. Подумать о жизни? А кто этому учил? Да и зачем? Когда она так прекрасна...

На тренировках по лыжным гонкам, где ее успехи были более заметны - среди юниоров она выступала на первенстве России и даже однажды ей удалось войти в первую пятерку победительниц - ее выделял тренер. Авторитет тренера для нее всегда был высок, но это был уже не тренер-наставник для Наташи-школьницы, а университетский преподаватель, которого волновали не только ее спортивные результаты, но и она сама как женщина. Тренер стал выделять ее среди других девушек. Он был старше ее на десять лет и более опытный по жизни, он уже был женат и овдовел. Внимание педагога, его необычная судьба, ее желание нравиться и внутренняя потребность общения с мужчиной, которую все больше усилий требовалось сдерживать, породили влечение к этому человеку.

Она стала его женой к концу первого курса. Девчонки, которые попроще, и главная цель которых была выйти замуж,

ахали в общежитии и радостно ее поздравляли, а другие, как она понимала сейчас, став взрослой женщиной, более серьезные, чем она, только и сказали: «Ну ты, мать, даешь!?» Обдумывая эту фразу в осенний вечер, женщина поняла, как много смысла в этих простых словах. Здесь и одобрение ее поступка, а больше предостережения: «Что ж ты делаешь? Куда ж ты влипла?» Она же тогда не понимала себя, не знала своих способностей. Привязалась к нему, первому открывшему ей новый мир ощущений. Появился сын. Она упорно занималась в университете. Закончила вместе со всеми. Новая работа и новый круг знакомых требовали новых знаний и способствовали их пополнению. Она, Наташа, стала Натальей Ивановной. Чем быстрей она постигала жизнь, тем шире становилась трещина непонимания в отношениях с мужем.

Он оказался интеллигентом первого поколения. Тогда, в шестидесятые, когда наши областные города со скоростью заквашенного теста превращались в полумиллионики, а затем широко отмечали рождение миллионного жителя, он появился в областном центре, как впрочем и она - Наташа. Но он остался на уровне знаний старшего преподавателя кафедры физвоспитания. Она пыталась вывести его из этого состояния. Заставила заочно учиться. Он получил высшее образование. Но работа на воздухе, всегда с молодыми людьми, вселяла в него самоуверенность здорового человека. Он как был педагогом со средним образованием, в момент их знакомства, так и остался на этом уровне. Вузовский диплом не пробудил в нем интереса к знаниям, он ничего нового не читал и ни к чему не стремился, не смог преодолеть родительское наследие: страсть к выпивке, ремесленничеству и бахвальству. Он не умом, а какой-то глубиной своего сознания понимал, что отстает в развитии от той девчонки, которую покорил когда-то, но сил преодолеть эту разницу в знаниях, опыте жизни он не находил. Наоборот, он отступал - ушел с кафедры в техникум, а затем в техническое училище.

Она шла вперед, получила диплом кандидата наук сразу после окончания аспирантуры. Много работала, но и уступила в свое время горячим взглядам своего научного руководителя. Семья распалась. Наталья Ивановна не препятствовала этому. «Что там было хранить? Что там было беречь? - думала она, - одно пьянство да ссоры».

Мужчин в этот период жизни у нее было много. Встречалась она с ними не в результате каких-то донжуанских приключений, легко, не придавая большого значения, на квартирах работающих знакомых. Сейчас с вершины своих лет, рассматривая свою вторую фотографию, с которой смотрела на нее женщина бальзаковского возраста, такая уверенная в себе, волевая и опытная, она задала себе вопрос: «Почему мужчины уходили с ее пути?» Она не возражала, но все больше задумывалась: «Почему?»

Хотелось нравиться, все кругом говорило о любви: книги, кино, подруги. А у нее не было этого чувства, если не считать то порывистое дыхание мальчика на велосипеде. Поэтому на очередную связь с мужчиной она пошла сознательно, предложив себя первой. Скорей преследуя цель снять с себя внутреннее давление, чем получить что-то большее. Но через пару недель он повел себя не так, как другие. Он назначил свидание в музее - на выставке, а она к своему стыду мало что знала в живописи. Он понял это и уходил от нее по залам вперед, внимательно рассматривая то, что привлекало его внимание. Он остановился у портрета пожилой женщины, дождался ее. «Наталья Ивановна, смотрите, - вспомнила она их разговор, - какой редкий портрет». Она наклонилась - прочла: «Мазер. Мария Николаевна Волконская. 1848г.». «Вы помните ту, молодую Волконскую, перед ссылкой в Сибирь, акварель Бестужева, которая есть почти во всех книгах касающихся декабристов. Посмотрите, а здесь, женщина в годах, похудевшее, осунувшееся лицо, верхняя губа нависает над нижней, резко обозначен прямой нос и складки от него вверх по лбу. Веки темные, глаза ввалившиеся, и в них вся жизнь - ссылка, муж, дети. Только локоны черные, как раньше, но и они поредели, как и кресло в котором она сидит - потертое. Лучшие годы жизни прошли. Смотрите, она усталая, но не сломленная ни ссылкой, ни лишениями, ни переживаниями. Она прожила жизнь в согласии со своими решениями.»

Такое общение с ним открывало для Натальи Ивановны новые стороны жизни, увлекало ее. Она становилась такой, какой он хотел: сильной и красивой. На работе отмечали, что она светится какой-то внутренней силой, стала приветливой и нарядной. Мужчины смотрели на нее в то время чаще и внимательней, но с опаской, понимая, что она не одна. Эти отноше-

ния продлились несколько лет. В сорок лет она узнала то, чего не было с ней ни в двадцать, ни в тридцать. Он любил ее. Он знал ее некоторые прежние связи. Иногда беззлобно подшучивал: «Что это - твои маленькие победы? Или желтые листья в твоей жизни?» Она молчала или лукаво говорила: «Какие желтые листья, если у меня есть ты». Они понимали друг друга. Он мог, как психолог, рассказать ей и рассказывал все, что она делала в течение дня, когда его не было рядом. Ей казалось, что эти спокойные семейные отношения навсегда и он как верный раб никуда не денется. Она капризничала выпирая свое я: «Я устала! Я сегодня так много сделала! Я прилягу отдохнуть!» Он молчал или, изредка, говорил: «Ну, Наталья Ивановна, создается впечатление, что вы у нас одна в доме работаете». Брал книгу и уходил на кухню.

Но любила ли она его? И кто может предсказать действия женщины? На одной из научных конференций, после банкета, когда были пропеты все дифирамбы лучшим докладчикам и женщинам, в ее гостиничном номере не без ее согласия остался такой же, как и она, командировочный. Утром она оправдывала себя: «Это для дела, для дела - нужно... нужно...». При встрече первые слова его были: «Что же случилось, Наташа?» Нет, он не стал слушать ее оправданий. Ему все стало ясно. Он не упрекал и не задавал больше вопросов. Он просто ушел. «Вот если бы он закатил скандал, - думала женщина, - вот тогда бы я...» А он ушел. Как у Асадова: «Не взял ни рубля, ни рубахи и молча шагнул назад». «Как же так? - думала она, - мы все ищем рыцарей, а они рядом, мы смотрим, но не видим. Я буду бороться». Она пошла в райком партии. Ее направили к секретарю по идеологии - женщине. Но все эти комсомольско-партийные секретари женщины-одиночки, как Кармен, прошли огонь и воду жизненного опыта, у каждой из них были в жизни и свои Хозе, и свои солдаты. Вызвали его в райком, он внимательно выслушал речь секретаря райкома, посмотрел на нее, как на секретаршу, и вышел. На него срочно завели личное дело. Партийные секретари любили копаться в чужой личной жизни, но вскоре все партийные комитеты были закрыты. Наталья Ивановна осталась одна.

Однажды, возвращаясь с работы, она шла пешком по улицам города, мимо ярких киосков и магазинов, любовалась архитектурой вновь появившихся домов и так преобразивших

город, потеснив прежние девяти-шестнадцатиэтажные однообразные бараки. Сверкала реклама, зазывая купить, поехать, полететь в другой мир, зайти в бар. «Да, все поменялось, - думала она, - и правильно, к лучшему». Она остановилась возле театральной афиши. Выбрала театр эстрады, там давали какой-то современный арт-концерт. Вошла в зал в чем была: в осенних сапогах, в сером шерстяном уютном костюме и с сумкой в руках . Зал был на три четверти пуст. Она выбрала место повыше по центру, чтобы видеть все. Осмотрела зал, сцену, которая не была прикрыта занавесом, и окунулась в другой мир.

На сцене было тесно. Рядом с фортепьяно стоял муляж старого кабриолета и тут же - настоящее колесо от грузовой машины, опрокинутый бампер, чуть влево - контрабас со стиральной доской, лыжи, капот от легковой машины, висел на подставке мундир солдата девятнадцатого века, и рядом - прислоненный к стене большой портрет женщины с глубоко обнаженными плечами, с поднятым и оголенным коленом, в шляпке. С потолка свисали кларнет и труба, два пейзажа, подвешенных за угол, создавали вид перевернутой природы, где-то скрипели двери, раздавались человеческие голоса, с улицы доходили гудки клаксонов, детские голоса, античная скульптура - обнаженный торс женщины, головы и головки на изящных подставках, колонны дорического и коринфского стилей... Она не успела досмотреть всего, что было представлено на сцене с музеев художественного, этнографии и машиностроения. Начался концерт.

На сцену выскочили крепкие мужики в кожаных одеяниях, ладно облегающих их фигуры и пробитых заклепками от плечей до пят, как старые паровозы, чтоб не развалиться от напряжения, и пустой зал стал полон железной музыкой. «Металлисты», - отметила она. Затем скромные и бледные юноша и девушка пели сонеты, их заменил мим, балетная пара исполнила сцену любви с элементами секса, она смотрела на болеро и все опасалась, как бы не лопнуло трико в определенном месте, но все обошлось. Гвоздем программы был бард с гитарой и прекрасным голосом, которому было тесно в зале. И все это менялось, чередовалось без всякого ведущего. Вся эта художественная солянка, винегрет, окрошка постоянно и круто перемешивалась кругами-ложками зеленого, оранжевого,

алого, сиреневого, синего света. Два часа концерта прошли незаметно, как жизнь. Как жизнь! Именно этот концерт заставил Наталью Ивановну вспомнить прошедшую жизнь и его, который ушел без претензий. «Почему он ушел? - размышляла она. - Гордый? Да. Но живут же другие... Любил ли он меня? Да. Как приятно осознавать, что хоть кто-то тебя любил. Любил! А любила ли я его? - продолжала она копаться в себе. - Да? Нет? Скорей всего - нет. Я любила себя, себя, но через него. Он мне был нужен, как та накрутка на сцене виденного концерта, как фон, это он понял и ушел». «Так что же это - маленькие победы или желтые листья ее жизни?» - сказала она его слова вслух. Крупная горькая слеза упала на третью фотографию, с которой смотрела на нее умудренная жизненным опытом женщина. Она поняла все, но изменить что-то в этой жизни было уже невозможно.

1996 г.

ДОМАШНИЙ ТИМУРОВЕЦ

Я засиделся допоздна, часов до двух. Потом трудно засыпал, вставал, несколько раз поправлял сползшее одеяло с крепко спавшего сына. Уснул незаметно для себя, да так, что не слышал когда проснулся он. Сын встал, оделся и неслышно вышел во двор. Ему давно хотелось отличиться перед взрослыми, сделать то, что они выполняют каждый день.

Вовка встал и крадучись, как лисенок, стараясь не скрипеть половицами, взял бидон и вышел на улицу, но дверь-то все равно скрипнула. Я проснулся. Посмотрел - нет сына. Я не пошел его искать, а решил ему подыграть. Вовка увлекся работой, наносил бидоном воды, взялся носить в дом дрова. И тоже хитрит, принесет два полена, положит у печки и идет через весь дом в спальню. Подсматривает, как там отец - спит? Я лежу тихо. Руки выкинул из-под одеяла, а лицо закрыл до носа, чтобы не видно было, что я улыбаюсь. Потому как меня смех разбирает, а рассмеешься - испортишь парню настроение. Он же хочет все сделать так, чтобы никто не видел.

Лежу под одеялом - терплю. Вовка принесет очередную партию поленьев, положит подле печки. И опять тихо крадётся, как Пинкертон, посмотреть на отца - спит ли? Я через щелки глаз наблюдаю за этим тимуровцем.

Наносил Вовка дров, сложил в печку поленья, а затопить не может, до вьюшки даже с табуретки достать не может, мал еще, всего восемь лет.

Подходит он ко мне, я открываю глаза.

- Проснулся?! - радостно восклицает Вовка, - вставай.

Я поднимаюсь и обнявшись мы идем на кухню.

- Кто же тут дров-то наносил? - притворно удивляюсь я.

Блестят у Вовки глаза. Доволен. Он сделал доброе дело, а папка и не знает об этом.

- Ну вот, в доме мужик появился, - говорю я загадочно. Вовка прильнул мне к бедру, я потрепал его по вихрам.

Оба довольны. Счастливы.

1998 г.

РЕАБИЛИТАЦИЯ

Старый приемник, всеми забытый, стоял под кроватью, покрывался пылью и ржавчиной, и никто на него не обращал внимания до тех пор, пока в доме не начали делать генеральную уборку. Когда я извлек его на свет и поставил на пол среди комнаты, то он вызвал всеобщее удивление в семье, как будто бы в дом вернулось живое существо, о жизни которого уже начали забывать.

- Ах, какая старая развалина, - удивилась мама.

Сестра, привыкшая к современному транзистору, посмотрела на него с высоты своего роста, ощупала взглядом облезлые бока, и посмотрела на свой элегантный «Сокол». Мысленно сравнила их, усмехнулась и отошла.

- Да-а-а! - сказал отец, - апробировать бы его не мешало.

Я поднял его на стол, смахнул пыль. Сделал антенну, подключил в электросеть. Радиоприемник долго молчал, прогревая свое промерзшее тело, одноглазо освещая потрескавшуюся шкалу управления. Потом длинно трещал, свистел и шипел, как бы просыпаясь от глубокого сна - потягивался.

Рычаг настройки начал скользить по невидимым нитям, опоясавшим землю, под ним оживал то голос Москвы, то свист морзянки, то шум многих радиостанций на многих языках и диалектах. Мы остановили свой выбор на концерте мастеров искусств. Передавали Первый концерт для фортепьяно с оркестром Рахманинова.

Первые звуки концерта, исполненные оркестром, и полное силы вступление фортепьяно наполнили комнату. Музыка заставила всех притихнуть и сосредоточиться, она увлекла всех. Сестра отложила свой «Сокол», который не имел коротких волн и «ловил» только центральные и местные передачи. Все смотрели на светящуюся шкалу с видом Байкала и никто

уже не обращал внимания на облезлые бока, на пятна на «лице» радиоприемника, на непонятное название «Рекор». Все слушали. Каждый думал о своем, кто о концерте, а кто вспоминал события, связанные со «старой развалиной».

Когда концерт закончился, мама первая внесла предложение:

- А ведь он еще живой, можно прикрыть его скатеркой и поставить на тумбочку.

Все промолчали. Старый приемник снова взобрался на своеобразный пьедестал.

1965 г.

БАБЬЕ ЛЕТО

Ранним сентябрьским утром, еще до восхода солнца, вся видимая окрестность была покрыта инеем. Ночной заморозок упал на землю. Дети, спешившие в школу и детский сад, скользили по этому тонкому слою снега на покатых местах тротуара. Одни весело вскрикивали и разбежавшись, катились на прямых ногах, балансируя телом и взмахами рук: другие, стараясь удержаться на ногах, все же падали на заиндевевшую землю и обижались, надувая губки. От этого веселые ребята еще больше смеялись, подтрунивали над неумехами, а те от простой обиды, неизвестно откуда взявшейся, переходили в слезы. Заботливые мамы одергивали весельчаков, защищая своих капризных неловких детей. Вот так из ничего на покатом на заиндевевшем тротуаре возникла ссора.

Но взошло солнце, исчезла иллюзорность зимы, высохли тротуары, радостные дети, размахивая полами расстегнутых курток, дружно возвращались домой, не обращая внимания на то место, где еще утром весело катались на ногах и неумело падали. И только мамы тихо бурчали друг на друга, спорили без всяких доказательств и аргументов и все разбирали один вопрос: «А чего он?»

Во второй половине дня иду в лес. Солнце светит, как ночной уличный фонарь, желтовато-ярко, но стоит только войти в глухой еловый лес, сразу ощущаешь прохладу, сырой запах мха и земли. На чистых открытых местах тепло. Установилась какая-то удивительно глубокая тишина. Безветренно. Отмирающие желтые листья березы под собственным весом отделяются от своей родительницы и, как на качелях, но только свободно, приближаются к земле, соприкоснувшись с ней, издают последний в своей жизни легкий шорох. Идешь в этом удивительно чистом и прозрачном воздухе и ощущаешь многообразие запахов: то вдруг войдешь в какой-то теплый слой воздуха с запахами свежескошенной травы - и тебя окутают восприятия ушедшего лета, то холодный слой воздуха, куртки,

содрогнуться плечами и заглянуть в предстоящую зиму. Кругом разнообразие красок, которого не увидишь ни в одно другое время года. Где-то робко застучал дятел и утих, мелькнув тенью между цветных веток.

Иду в гору. Поднимаюсь все выше и выше, хочу насладиться горизонтом наших уральских гор. По пути срываю ягоды шиповника, которые среди побуревших листьев не сразу заметишь. Ягода сладкая перезрелая, но не на всех кустах одинаковая по вкусу, в этом ее ценность. Для разных людей с разными вкусам: разная ягода. Ищи - и ты найдешь свою.

И вот вершина горы. Оборачиваюсь. В такую солнечную сухую погоду горизонт великолепен. На ближайшем увале многообразие красок: большая красная осина, как рубин, огранена оранжевыми листьями березы, на дальних увалах краски теряют свои очертания и переходят в синюю плавную линию безымянных, а потому загадочных, манящих к себе уральских вершин. Любуясь синим горизонтом гор и светло-голубым небом, я не заметил, что стою в рябиновой пурпурной роще. На вершине горы листья с деревьев почти все опали, только гроздья спелых ягод отягощают ветки.

Спускаясь вниз к реке, я поскользнулся и нечаянно нажал кнопку транзистора. Голос диктора нарушил покой и красоту осени: «...инфляция, Черномырдин, Ельцин...». «Фу какая гадость», - пробурчал я и выключил приемник.

На берегу реки тишина и покой, природа отдыхает от жаркого лета, произведенного урожая, но на скошенных паберегах я нахожу - желтые купавки или, по-местному, колокольчики.

На столе у меня в вазе стоят весенние цветы, в окно светит по летнему солнце, а за окном - разноцветная осень да бабы, все никак не могущие закончить неизвестно откуда появившуюся ссору.

1998 г.

АИКА ЯКИВНА

Бывают ли счастливые дни в жизни? Не часто, но да!

Февральским, посветлевшим днем шел Авдеев по широким гулким коридорам института, в котором он служил. Весь его рабочий день был подчинен расписанию. Не доходя нескольких метров до дверей своей кафедры, он услышал знакомый голос.

- Виктор? Ты! Здравствуй!

- Ба, Римма, как ты здесь оказалась?

- А ты ?

- Я здесь работаю.

- А я на конференцию.

Бывшие университетские однокашники, разбросанные распределением по разным городам, встретились через много лет неожиданно. Радостно и искренне удивляясь случившейся встрече.

«Как ты? Как ты?» - сыпались взаимные вопросы, перебиваемые друг другом ответы. Неожиданность и радость встречи делала их разговор сумбурным и бестолковым. Они широко улыбались друг другу, прощупывая взглядом лица, фигуры: «А как ты выглядишь? Как изменился?» И в конце концов, не выяснив ничего друг о друге толком, вспомнили о времени. Пожалели о его ограниченности, но радостные и возбужденные разошлись на долгие годы.

Авдеев, как и его однокашница, спешил на научную конференцию. На доклад ему отвели десять минут. Он, возбужденный неожиданной встречей, аудиторией, в которой было много незнакомых лиц, прочитал свой доклад убежденно и как-то

ярко, не заняв лишнего времени, как это часто бывает на таких собраниях. Доклад хвалили и рекомендовали в печать.

После долгого, плохо организованного заключительного совещания Авдеев в группе из четырех человек вышел из института.

Здание с массивными колоннами дорического стиля, расположенное на возвышенности, с разбросанными, как руки, учебными корпусами охватило институтскую площадь. Здесь в любое время года толпился неунывающий молодой народ. Группа преподавателей, в которой был Авдеев, прошла шумную студенческую толпу, отделилась от возвышающегося, как горная вершина, главного учебного корпуса и, скользя и балагуря, стала спускаться вниз к остановке городского транспорта. Все четверо были довольны прошедшей конференцией, всем дали слово, и молодые люди, выйдя на Главный проспект, решили идти пешком. Они шли мимо кинотеатра, не соблазнившись его рекламой, мимо по-зимнему черных лип, через подземный переход и остановились у кафе. Прошедшее событие их больше подталкивало к застолью, чем к просмотру кинокартины.

В кафе было мало посетителей, и четверка парней быстро нашла себе место. После выпитой водки отношения в компании стали еще более шутливые. Они все были с одного института, работали в нем и уважали его. И, как бывает, над уважаемым всегда подтрунивают, подшучивают, подначивают. В институте было много разных вывесок-сокращений: «ЗХЗ», «УПЗ» - зал холодных закусок, учебно-производственное здание.

- На халяву здесь, - выкрикнул один из компании, расшифровывая одну из аббревиатур.

Но с ним не согласились: «На халяву» не подходит, здесь буква «З».

- Убей профессора знаниями, - вставил скороговоркой сосед справа.

Все согласились - правильно, но не смешно.

- Урви плод запретный, - расшифровал Авдеев.

Все дружно поддержали, плод запретный всем понравился. И этот «плод» породил новые шутки. Все из присутствующих работали на разных факультетах и начали вспоминать лозунг факультета. На радиофаке - «За связь без брака», у механиков -

«Была бы пара, момент найдется», у строителей - «Всякое сопротивление временно». Молодой, здоровый жаждущий общения смех обращал на себя внимание появившихся в кафе людей. Так в шутках и шумно вышла компания на улицу, попрощалась и разошлась.

Авдеев посмотрел на часы, было около пяти. Идти домой ему не хотелось, и он направился в областную библиотеку.

Вечером, в десятом часу, вышел он через сквер возле оперного театра на трамвайную остановку. Трамвай с примороженными стеклами тускло светил желающим ехать. Авдеев, рискуя попасть под проходящую машину, бросился бежать и впрыгнул в вагон одновременно с захлопнувшимися створками двери. Еще одним рывком он освободил свое зажатое тело, прошел в салон не оглядываясь. Сел. Проехал остановки три, задумчиво глядя в окно на обгонявшие трамвай машины, думал о прочитанной литературе, о теме своей диссертации. И вдруг...

- Виктор, ты?! - в голосе звучали вопрос и утверждение, удивление и неожиданность.

- Аида?

Авдеев подскочил с места.

- Что за день сегодня, - радостно, почти со слезой, вскричал он. Аида, здравствуй! Как ты здесь, в нашем городе?

- Приехала три дня назад, в институт повышения квалификации, - ответила женщина широко улыбаясь.

- Так, значит, здесь будешь целых пять месяцев. Здорово.

Память вернула Авдеева и женщину на целых десять лет назад.

* * *

Авдеев учился тогда на втором курсе. Осенью, как во всех вузах, их факультет был сослан в колхоз на уборку картофеля. Авдеев каким-то образом попал в грузчики. Хотя работа и была тяжелая, но давала возможность заработать и еще грузчики отвозили собранные овощи от всех курсов факультета, это дало возможность познакомиться со многими студентами. Высокий и стройный, в солдатской форме без погон, в туго перетянутой ремнем гимнастерке в талии, «как у осы», шутя говорили его молоденькие однокурсницы, пристраиваясь к

нему поближе на танцевальных вечеринках, Авдеев легко с напарником забрасывал мешки с картофелем в кузов или принимал кочаны капусты, которую рубили старшекурсники, стоя в кузове машины. Девчата бросали кочаны не по одному, а разом: старались сшибить молодого ухаря и тем смутить его, заставить смириться с их старшинством. Капуста летела сплошным потоком, и Авдеев только успевал подставлять ладонь, чтобы направить летящий кочан в тот или другой угол кузова. Гимнастерка после такой работы была влажной. Вечером, на студенческих танцах, познакомились Виктор с Аидой. Девушка училась на четвертом курсе, а Виктор, хотя и был старше по годам, - на втором. Он поступил в университет после трех лет службы в армии.

Авдееву нравилась эта невысокая ладно сложенная девушка с доброй улыбкой на немного широком скуластом лице, ее большие зеленые глаза, всегда прибранная, сдержанная тонкий запах чистого, ухоженного, здорового тела.

После танцев они гуляли по темным и грязным улицам деревни, хлопая сапогами по жидкому деревенскому «асфальту», под лай собак и тусклый свет из окон домов. Они говорили о литературе по проблемам изучаемой ими специальности, и Авдеев не уступал старшекурснице. Они гуляли каждый вечер по одной и той же улице и были взаимно увлечены.

Но на последнее колхозное свидание Аида не пришла. Авдеев курил, грустный, в группе ребят. К нему подошел один из парней и открыто сказал:

- Ты опоздал, солдат.

- Куда опоздал? - не понял Авдеев.

- Не куда, а к кому? - ответил тот с ухмылкой. У Аиды есть мужчина, он уже работает, а ты кто? - второкурсник! Бабы - народ практичный, глядишь, университет закончит не на стипендию, а на мужнины харчи.

Авдеев промолчал, но проглотил горькую слюну. Он только сейчас почувствовал, что в нем что-то зарождалось светлое и приятное, что украшает жизнь и поднимает силы - и это светлое покидало его в заплеванном и заваленном окурками закутке колхозного клуба, под тусклым отражением пыльной лампочки под потолком.

Авдеев относился к девушкам как-то возвышенно, он видел в них чистоту материнства, чистоту речи, не омраченную

матом, чистоту поступков, оберегающих закон. И когда он сталкивался с грубостью со стороны женщин, он отходил от них разочарованный. «Откуда у меня зародились эти понятия, эти требования, - спрашивал себя Авдеев, - из книг? гены наследства? - хотя здесь нечему было учиться». Он не мог ответить себе на этот вопрос. Он вспомнил первую школьную любовь, то первое детское томление души, жажду видеть юную девочку, и полнейшее разочарование, когда он, как бы случайно, зашел к ее брату домой и увидел свою девушку, спускающуюся задом с русской печи. Он увидел грязное нижнее белье. Любовь ушла враз и окончательно. И ее больше не было, если не считать случайных солдатских встреч.

Авдеев относился ко всем девушкам своего окружения ровно, не принуждая их к ненужным отношениям. Девчата чувствовали это и тянулись к нему, объясняясь каждая по-своему: кто хрустя надломленными пальцами, кто шаркая варежкой по батарее отопления, или письмами, или целыми тетрадями дневниковых записей, но он не понимал этого - не ценил.

Никто не тронул его глубоко. Аида была первой.

В открытом сердце образовалась пустота.

* * *

Аида вышла замуж и продолжала учиться в университете. Они встречались в коридорах в пятиминутные перерывы. Обменивались новостями и не более. В то время старшекурсники проходили в школе педагогическую практику. В какой-то далекой двухэтажной школе, расположенной за железной дорогой в частном секторе, ученица пятого класса назвала Аиду Аикой Якивной, и подмечавшие все умное и смешное студенты принесли эту новость на факультет. Авдеев в дальнейшем при встрече, улыбаясь, всегда ее так и называл. Она не обижалась, но только загадочно улыбалась новому имени.

Казалось, все ушло, все забыто. Авдеев увлекся другой женщиной с их факультета, и то ли возраст диктовал свои условия - Авдееву шел двадцать пятый год - то ли уж так заинтересовала новая женщина, но Авдеев женился. В день официального оформления принятого решения Авдеев долго

ходил по улицам города один и думал, думал. «Что же я делаю? - задавал он себе вопрос, идя среди обшарпанных домов, под грохот мчавшихся грузовых машин, среди толпы людей. - Учиться надо, а не жениться, Глубок ли твой интерес к ней? Интереса уже нет, интерес был раньше, но он уже познан. Вот потому и женишься. Не надо было лезть раньше времени за пазуху». Авдеев шел и шел по улицам и ничего с ним не случилось: он не попал под машину, не влез в драку, никто нигде не тонул и не горел. Ничего с ним не случилось такого чтобы опоздать на официальную церемонию. Он видел свою ошибку, но исправить ее за час не каждый решится, и если он отказывается от свадьбы сейчас, то еще через час ему пришлось бы уходить с факультета. Вот так, все понимая, Авдеев делал свою судьбу.

- Ты, где шатаешься, Витька? - встретили его друзья и подруги, заполнившие до отказа общежитскую комнату. Опаздываем, меньше часа осталось, а еще идти надо.

Загс был недалеко, на машину денег не было. Решили идти пешком.

Была свадьба. Обычная свадьба шестидесятых годов, в студенческой столовой, на студенческие доходы, слегка пополненная родительскими деньгами. Собралось человек пятьдесят молодых и шумливых, были и с других факультетов, Знакомились здесь, чтобы через месяц-другой завернуть такую же студенческую вечеринку. Но главное - на свадьбу пришла Аика Якивна.

Все шло своим чередом, подвыпившие студенты кричали «горько». Произносили тосты. Подруги со стороны невесты льстиво нахваливали Авдееву: «какой у тебя вкус, Виктор, ты не ошибся, женившись...» и дальше шли длинные шутливые речи с хохотом и прибаутками. Были танцы под аккордеон. Молодые вышли в круг и под аплодисменты друзей исполнили вальс. Жена Авдеева танцевала плохо, была тяжела на поворотах, запиналась и грузно ложилась на плечи супруга. Вечеринка была в разгаре, студенты шумели, пели, рассказывали анекдоты, шалили и танцевали. В сегодняшний вечер они были сыты и навеселе.

В этой суматохе разогретых тел и шума к Авдееву подошла Аика Якивна. Они закружились в вальсе.

Аида легко двигалась, слегка опираясь на плечо партнера, подняв свое скуластое лицо и устремив с улыбкой свои зеленые глаза в глаза Авдеева. Они молчали, им было все понятно: она замужняя женщина, он женатый человек. Они танцевали, как слитая воедино скульптура, меняющийся ритм, темп, повороты налево и направо Аида выполняла без сбоев. Она чувствовала музыку, она чувствовала партнера, было легко и радостно.

Закончился вальс и никто не обратил на них внимания: с женихом танцевали многие. Но Аида не отходила, Авдеев и не заметил, что держит крепко ее за руку. И как только раздались первые, резкие, призывные звуки аккордеона, они слились в танце и больше до конца вечера (свадьбы) не расставались. «Ну, Витька, ты танцор!» - шутили ребята и девчата, - давай с нами». Они кружились восьмеркой с другими парами, они кружились вокруг колонн, стоящих посредине столовой. Аккордеонист, видя как легко и свободно кружится эта пара, не признав невесту или увлекшись сам, кружился вместе с ними и со своим инструментом, а Аида все повторяла: «Еще, еще, еще», - не Авдееву, а исполнителю музыки.

Это уже был вызов.

Молодая жена, прихватив свадебные подарки, удалилась в общежитие, Авдеев остался до конца вечера. Они все молчали, и только на крыльце столовой, в накинутом плаще, она сказала ему: «Спасибо», а он спросил: «Как ты?» - «Не волнуйся, доберусь сама». Они пожали друг другу руки и не оглядываясь разошлись.

В общежитской комнате стоял кавардак. Столы были сдвинуты, стулья расставлены, выпивку и закуску ребята принесли из столовой.

- Ну, Витька, - встретили его ребята упреком, - даешь: на регистрацию чуть не опоздал и тут последним пришел. Давай вмажем: за тебя, за твою жену, за вашу жизнь - горько.

После этого «вечера танцев», как называл Авдеев случившееся на свадьбе, они не могли не встречаться. Они уходили на набережную или поднимались на высокий берег реки и наблюдали, как юрко проносились скоростные суда, как медлительны по сравнению с ними грузовые катера и пассажирские лайнеры. Они не говорили о своих половинах или своих чувствах, только однажды Авдеев упрекнул женщину: «Если бы ты

пришла на последнее свидание в колхозе, я бы не женился». «А если бы я пришла на то свидание, не вышла бы замуж», - парировала Аика Якивна. Они говорили о товарищах, о Солженицине, появившемся тогда со своим «одним днем», о литературе и космосе, и прикосновения их были нежны и осторожны. Неизвестно, чем бы все это закончилось, но Авдеев со следующего курса перевелся в университет соседнего города.

* * *

Трамвай заскрипел колесами на повороте, Авдеева качнуло - и он схватился рукой за плечо Аиды - прости, - вырвалось стереотипное извинение из его уст.

- Как ты живешь в замужестве? - спросил Виктор.
- Есть дочь - развелась.
- О господи!
- А ты?
- Я женат - второй раз.
- Давно?
- Да уж второй год.

На следующей остановке они вышли. Авдеев проводил женщину до общежития.

Встречались они не часто, раз в месяц, но однажды они ушли далеко в лесопарк. Была вторая половина весны, лиственничная аллея нежно зеленела народившимися иголками, свежая, не запыленная, трава радовала взгляд своей сочностью. Капал нежный дождь, они скрылись под крышей беседки, бросили на лавку свои сумки и впервые за все годы знакомства встали близко друг к другу... Авдеев привлек женщину и впервые поцеловал долго, запойно, радостно. Руки двух взрослых людей ласкали тела друг друга, когда женщина коснулась тела Авдеева, он ощутил страстное желание и прижал ее к себе так, что Аида упоенно вскрикнула и отвалилась с открытым ртом и замутневшими глазами. Но это прикосновение и остановило Авдеева от следующего движения. Он понял, что следующее движение не даст ему ничего нового, что начнутся обычные отношения мужчины и женщины: с претензиями и обидами, с поисками места и времени для встреч, но при этом из его памяти сотрется яркость юношеских колхозных прогулок, блаженство «вечера танцев», свидания на крутом берегу.

Он ослабил объятия. Удивленная женщина открыла глаза. Они оба молчали. Аида опустила руки, поправила одежду и прическу. «Обиделась, - подумал Авдеев, - не поняла или поняла по своему».

Аида взяла сумку и пошла не оглядываясь.

Авдеев не двинулся за ней и не окликнул.

Уходила Аика Якивна.

Ушла чистая возвышенная юность.

Осталась светлая память.

1999 г.

ПРЕСТУПНИК

Дом обокрали.

Уже на подходе к своему жилью Пестерев заметил то новое, что не видно постороннему человеку. Доски, которыми он забил входную дверь, были другие, да и гвозди, которые он выдирал, были ржавые. Жена, подошедшая чуть поздней, крикнула:

- Николай, соседка сказала, к нам залезали.

- Вижу, - огрызнулся Пестерев.

От порога входной двери, через сенки и открытую дверь - в дом: на веранде в кладовке, кухне и всех комнатах, лежали толстым слоем тряпки, книги, вывернутые из письменных, кухонных столов разные вещи. Все створки раскрыты, а через них зияла пустота.

- О, господи! - стонала жена, - кого только мы, бабы, не нарожаем. Сволочи. Чтоб руки ваши поганые отсохли. Смотри, что наделали!

Под ногами хрустели стекла раздавленных елочных игрушек, в большой комнате витал густой запах человеческого навоза.

- О, нелюди! - ревела жена, - скоты, что мы, человеческого говна не видели? Что они, своим навозом хотели показать к нам свое отношение? Скоты! И так все ясно. Животные! Где воруют, там и гадят. Духовные уроды. Пьяницы.

Пестерев брел по своему построенному собственными руками дому, смотрел по сторонам, замечал: телевизора нет, радиоприемника нет, шторы на окнах и дверях отсутствуют. Люстра? Хрустальная люстра, которую они с женой так тщательно подбирали для большой комнаты, насильственно ушла вместе с ворами.

Скоммуниздили, - пробурчал Пестерев. Злобные мысли теснились в его голове. Он чувствовал себя оскорбленным и

как мужик, и как хозяин дома. Хотелось действовать, бить, доказывать свою правоту. Бить! А кого бить? Не пойман - не вор. Внешне все люди, все человеки. Но какие разные человеки: честные и воры, бандиты и интеллигенты, совестливые и бесстыжие, трудяги и бездельники.

В дверь постучали. Пришли соседки. Вновь по дому пошли причитания жены, на время было смолкнувшие. Гости сочувственно кивали головами, охали вместе с хозяйкой, поддакивали. Но с разными намерениями ходят люди к соседям: кто искренне и - рассказом о приметах похитителей, кто из любопытства, что там украли? А кто из обычного злорадства: «Вот так тебе и надо!». Пестереву не хотелось показывать свой дом в таком истерзанном, обнаженном виде. Он прикрикнул на жену. Потребовал, чтобы она прекратила ныть и раскрываться перед всеми приходящими и вела себя спокойно в этой случившейся беде, закрыл входную дверь на засов.

Соседи назвали фамилии трех предполагаемых преступников, верней, преступниц.

Пестерев, как учитель, умел сопоставлять факты и делать из них выводы. Информация, которую он получил от соседей, мало чем помогла ему в беде, но дала пищу для размышления. «Кузнецова, - думал Пестерев, - это та, которую притащил в деревню тот Кузнецов, который сидит за убийство. Ну и семейка. Да у них уже трое детей из одной семьи сидят за убийство. Эво как? Да! Ладно, когда эти пьяницы друг друга убивают. Один-то из сыновей табуреткой грохнул такого же по пьяне, только что вышедшего из лагеря. Тут даже никто никого не осуждал и не жалел, окромя матерей, одного похоронили, другого посадили, деревня хоть немного успокоилась. Но большой выводок в этой змеиной семье. Другой подрос. На первое мая. Вечером. Ни с того ни с сего убили работного человека. Он сидел, курил, на крыльце рядом собака. Какое дело собачье? Лаять! Она и залаяла на проходящих молодцов. Те палками бить собаку и заодно хозяина - заступился. А последний из кузнечиков совсем современное убийство совершил. Нигде, никто из этих кузнечиков не рабатывал. В детстве ходили по домам - попрошайничали. Придут: «Дай, дядя Коля, хлеба кусок, мама послала». Дашь, как не дать. Вот она тебе - благодарность за добро-то... Убили - и кого? Ветерана войны - восемьдесят лет. Тот в свои годы, чтобы не голодать, скотину

держал. А эти выросшие на попрошайничестве и огородном воровстве - хоть бы один заболел! - пришли к старику овцу забирать. На шум вышел старик во двор и получил по голове. « У-у - мерзавцы, бандиты», - простонал Пестерев.

С потолка свисал провод электропроводки. Воры не снимали светильники, а рвали на себя со всей силы. Провода, выдранные «с мясом», торчали на уровне глаз. Пестерев пошел за инструментом, но ни одной отвертки, ни плоскогубцев он не нашел. «И это унесли, заразы», - выругался он молча, - и злобная волна окатила его сердце.

Он вернулся в дом. Жена подбирала с пола тряпки, сортировала их и уже не плакала, а только повторяла: «Дай Бог им здоровья. Дай Бог...», выпрямлялась над полом и неловко и широко крестилась.

К вечеру разобрали весь этот погром. Опустело, осиротело смотрели окна и комнаты дома.

- Что, все так и будешь оставлять? - заговорила жена. Посчитай тысяч на десять уперли, гады. Как сейчас все это восстанавливать с этой куцей, обворованной и задерживаемой государством зарплаты?

- Ты думаешь, это поможет?

- Поможет не поможет, но надо идти в милицию. Посмотри в поселке-то всех запугали, совсем верх взяли - эта мафия.

- Куда сейчас пойдешь? Суббота, - ответил Пестерев с раздражением. - Да и связи уже месяц нет у поселка со всем миром, кабель-то не то пробило - ищут, не то вытащили из-под земли на цветной металл, автобус сломался - на ремонте, участкового нет. Бей, круши, умирай - никто не услышит. Ладно, - сказал Пестерев примирительно, - в понедельник буду выбираться в район.

В одноэтажном, каком-то придавленно-непривлекательном доме размещалось районное отделение милиции. В помещении пахло табаком, грязным телом, хлоркой и еще чем-то - не разберешь. «Немудрено, - думал Пестерев, - многие людские беды стекаются сюда - не санаторий, прямо людская помойка».

- Вам что, гражданин? - окрикнул его милиционер с погонами старшины из отгороженной стальными прутьями комнаты, - проходите сюда.

- Что у вас?

- Обокрали, - ответил Пестерев смущенно.

- Адрес, время? - деловито и спокойно спрашивал старшина. - Подождите, сейчас придет следователь. Он куда-то звонил.

Пестерев сидел в этом душном помещении. Ждал. Входили и выходили в мышиной форме крепкие парни. Все какие-то хамски уверенные. Смотрели на Пестерева, как на залетевшую летнюю муху, с жалостью и презрением. «Да, идут сюда все кому не лень, работать-то негде, производство встало, - думал Пестерев. Он вспомнил одного из многочисленных своих учеников, никудышного троечника. Тройка тройке рознь, есть троечники, но начитанные ребята с кругозором, который потом они развернут так, что диву даешься. Ведь троечник был - а поди-ко! Но тот троечник был по жизни. Какой-то болезненный, даже в армию не взяли. Он страстно хотел в милицию, а без службы в армии в милицию не берут. Он обивал все медицинские комиссии, чтобы попасть в армию. Хотел парень в милицию только затем, чтобы отмстить обидчикам, показать им не свою силу, а милицейскую власть над ними. «Ух, я бы им показал», - говорил он Пестереву в личной беседе. Но бодливой корове Бог рогов не дал».

Откуда-то снизу раздался стук по кованным дверям: «Бум-бум». И пьяный голос: «Менты проклятые, дайте попить».

- Ого, - откликнулся старшина, - просыпается клиент. Спустись, посмотри, как он там, - приказал старшина стоящему рядом милиционеру. Снизу раздалась взаимная ругань и мат.

«Милиционер и преступник, ну, нарушитель, - грамотно поправил себя Пестерев, - как жидкость в сообщающемся сосуде, неразрывны, всегда соединены, всегда дополняют друг друга матом и хамством. У них уже стереотип речи выработался, да и в поселке, пожалуй, каждый пятый отсидел в лагерях. Вон целые энциклопедии лагерного фольклора выпустили. Молодежь тянется к этим «героям нашего времени». Разрушили власти русскую общину, природную стеснительность и уважение заменило хамство».

- Слушаю вас - лейтенант Макушин, - представился следователь. - Пройдемте в другой кабинет.

Лейтенант подробно расспросил о случившемся, переписал, что мог вспомнить Пестерев из пропавших вещей. Про-

павшее все сразу не увидишь, оно обнаруживается только тогда, когда возникает в этих вещах надобность. Лейтенант составил протокол. Пестерев подписал каждый листок документа. Милиционер извинился, что у них нет автотранспорта, чтобы доставить Пестерева обратно в поселок.

Милиция, уже другие ребята, приехала в дом пострадавшего раньше, чем хозяин, который на попутных машинах выбирался из райцентра. Сыщики переходили из комнаты в комнату, описывая случившееся, осмотрели выставленную раму, вновь составили протокол и уехали. На следующий день, с утра, милиционеры снова явились к пострадавшему. Следователь в легкой по-летнему гражданской одежде, не представившись, ходил по дому, уточнял, писал что-то на бумагу. Разговаривал с Пестеревым, то похваляясь, как он раскрыл кражу на заводе и украденное нашел аж в Удмуртии и ему за это дали премию - миллион, то скатывался на обыденную ноту всенародной российской тоски по деньгам. «Милицию всю перестроили, - говорил он, - уголовный розыск отдельно - им более-менее платят, федеральной милиции с небольшими задержками дают деньги, а нам, муниципальной милиции, вовсю задерживают на три-четыре месяца». «Ну, как учителям», - поддержал разговор хозяин дома. Еще так погуторив немного, следователь забрал Пестерева на обыск.

В машине пострадавшего посадили на переднее место. «Сзади у нас там девушка», - сказал следователь. УАЗик сорвался с места и запылил в другой конец поселка.

- Охота им было тащиться в такую даль, - сказал Пестерев как бы всем присутствующим в машине.

- А вот посмотрите одна из них, - ответил следователь.

Пестерев обернулся: на заднем сидении сидела «девушка» - бледное курносое лицо, безгрудая фигура, глаза затравленного щенка, загнанного в угол, готового лаять и скулить. Она сидела в лагерях неоднократно и хорошо знала, что воров на Руси всегда били, и ее били, это видно по ее изможденному телу, но Пестерев только и сказал:

- Ни стыда ни совести, - и отвернулся.

Обыск делали как-то поверхностно: выдвигали ящики комода, перебирали бедную рухлядь. Понятые тихо сидели в маленькой избушке. Милиционеры нашли тарелки, ложки,

стеклорез и положили все это в рюкзак. Прошли по огороду, в котором не было вскопано ни одной гряды, и вышли к машине. Увидев рюкзак в руках милиционера, «девушка» взвыла, как будто ее укололи шилом: «Рюкзак мой, положь его обратно, положь». Пестерев остановился от этого крика пораженный, но промолчал. «Какая мелочность, - думал он, - у меня эта сука стащила на несколько тысяч и где-то зарыла, а тут старый, грязный, дырявый мешок - и такая любовь к своей собственности». Милиционер ответил ей что-то матом. И тут же какая-то плюгавенькая женщина с мокрым окурком в зубах успокаивала «девушку»: «Надя, Надя, ты че, ты че в натуре, испужалась что ли? Да ниче не будет».

Сыщики бросили найденные трофеи в машину и уехали, предложив Пестереву идти домой пешком. «Да вот, оно - лицо людей, которые все в большей степени влияют на ход нашей жизни», - думал Пестерев. Он вспомнил свое детство. Во время войны он, мальчишка-дошкольник, притащил в дом пулеметную ленту: играли в войну с пацанами, а те, которые постарше, стащили ее с платформы проходящего поезда. Отец, как увидел это государственное добро в доме - позеленел от злобы. «Ты где взял? - закричал отец, - люди воюют, а ты воровать научился! Да я тебе всю задницу ремнем перешибу. Сейчас же унеси это, где взял». Пестерев вспомнил как тяжело он пережил тот момент и не раз вспоминал в жизни этот жесткий, суровый, но справедливый урок. А тут: «Ты че испужалась, да ниче не будет», - передразнил он плюгавенькую бабенку.

Прошла неделя. Приближался Петров день. По всему поселку раздавался стук: хозяева отбивали литовки, готовились к сенокосу.

- Поди, твои сыщики-то на покос подались, чего-то их не видать, - начал разговор сосед Пестерева, - чего ты в прошлый раз говорил, один из них все байки про зарплату рассказывал, так он тебе намек давал на гонорар.

- Да что ты говоришь, Иван Петрович, - возмутился Пестерев, - разве можно, ведь им государство зарплату дает, паевые, одежду, оружие - это же взятка, они ведь не рэкетиры какие-нибудь.

-Э-э, ты как был чистоплюй, так и остался, - прервал разговор сосед.

Милиция нагрянула еще через одну миновавшую неделю, на двух полностью загруженных УАЗиках.

- Люстру принесли? - с порога начал разговор следователь.

- Какую люстру? Кто принесет? Эти дармоеды? - ответил Пестерев.

- Сейчас будет. Поехали с нами на обыск, опознавать будете.

Но к какому бы дому ни подруливали милицейские машины, их везде встречал только один собачий лай. Искомых людей не было.

- Ну и жара, - говорил Пестереву следователь, когда остальные обходили закрытые дома со всех сторон, щупали слабые запоры, но в дом войти не имели права.

- Кто же так работает, - ответил Пестерев, - лето, все в лес подались, а эти, которых вы ищете, как только увидели ваши УАЗики и пыль на дороге, так и попрятались или в лес, или к соседям, и смотрят на вас из-за шторок и смеются. Тоже мне доктор Ватсон.

- Люстру принесли? - опять с порога, но уже часа через два, прокричал следователь.

- Приносили, но один металлический покореженный остов, ни одной хрусталинки на нем не было. Я их выгнал. Они просто смеются над вами и надо мной.

- Ладно, вот вам плитка, ваша?

- Моя, - Пестерев взял двуконфорочную электроплитку, - сейчас она рублей двести стоит, - уточнил он.

- Так. Эту кузнечиху - нет фамилия ее Фахрутдинова - мы забираем в КПЗ.

- А остальных? Ведь все фамилии известны, кто здесь был.

- Нельзя всех. Они в камере обо всем сговорятся.

- А на свободе не могут сговориться? - рассмеялся Пестерев.

Следователь ушел, пообещав через неделю совершить массовый наезд на предполагаемых преступников.

- Как его фамилия? - спросила жена.

- Кто его знает. Все зовут Виктор, Виктор, а иногда Виктор Николаевич. Не представился.

Прошел месяц и прошел другой, лето сменилось мокрой затяжной осенью. От милиции не было никаких известий.

Пестерев позвонил в это наполненное законом заведение. Дежурный ответил, что по данному факту возбуждено (он делал ударение на *у*) судебное дело. Можете обращаться в суд и прокуратуру.

Прокурор района сидел под флагом России, он не подал руки Пестереву при встрече, сидел, как бык перед красной тряпкой, но Пестерев не был тореадором, а был скромным учителем и потому совсем никому не опасен и не интересен.

- Да, я в курсе вашего дела, - пыхтел прокурор куда-то себе в живот, - там не только эти три женщины замешаны. Разбираемся.

«Что ж ты на человека-то не смотришь? - думал при этом Пестерев, - от беспомощности своей в этом потонувшем в преступлениях мире, или еще от чего...»

Пестерев как пришел к прокурору ни с чем, так и ушел ни с чем. «Ни успокоения тебе, ни надежды - разбираемся - вспомнил он слово прокурора. - Если бы хотели разобраться, так по свежим следам давно бы уже все добро собрали, а так упустили время. Следователь говорил, что если их и посадят, то пострадавшему все равно мало проку, ничего я с них не получу. А еще эти амнистии... Сколько раз пытались судить эту Фахрутдинову - и каждый раз выпускали. Ведь это поощрение насилия - поблажка для воров. Все эти амнистии против простых людей оборачиваются. Потеря нажитого добра на десять тысяч для труженника - разорение, а для тех, кто амнистирует - незаметная капля. Им-то что... воров содержать не на что. А нам жить...».

* * *

Электропоезд мчал Пестерева домой, за окнами мелькали радостные краски осени, согнувшиеся ветки рябины держали на концах гроздья ягод; еловые шишки, урожай которых бывает далеко не каждый год, уже призывали вспомнить о Новом годе. Пестерев отвлекся немного от своих мрачных мыслей, ему предстояло проехать всего три перегона до нужной станции, но за окном повсеместно наблюдалась разруха - и это опять вернуло Пестерева к мрачным мыслям.

«На станции Вижай березовый лес лежал штабелями уже много лет, там не десятки, а сотни кубометров, - думал Песте-

рев, - долго ли береза, в коре, может пролежать? Год! А дальше на дрова, а эта лежит лет пять, если не больше. Ее уже и трогать нельзя, переломится, внутри гниль, а сверху одно берестο. И никто ни за что не отвечает. Кризис власти, а не экономики. Создали разные АО, ТОО, да забыли, что руководители наши не приучены глобально мыслить, принимать самостоятельные решения, все ждут подсказок сверху, а их нет, и нет контроля, а без контроля русский народ вор от мала до велика». За окном мелькнул добротный кирпичный дом с выбитыми стеклами и развороченной шиферной крышей. «А в райцентре, - вспомнил Пестерев, - стоит пятиэтажный непокрытый дом, мокнет и разрушается, а здесь, наоборот, ломают, подставляют под дождь, воруют и разрушают - так никогда богатыми не будем».

Пестерев в мыслях вернулся к своей проблеме: «Зачем я связался с милицией, послушался бабу, вон они, воры, уже ходят в сыновей шапке и посмеиваются. Что же мне: срывать с них среди людей? Да и арестованная ходит на свободе!»

- А может, мне заняться самому?.. - пробурчал в отчаянии вслух Пестерев. - Раньше была община, сразу бы навели порядок в поселке, а сейчас... А что если я запалю дом этих проклятых кузнечиков. Давно пора. Ночью!..

Нет. Лучше в дождливую ночь, следов не будет. Но...

Пестерев встряхнул плечами, головой, как бы сбрасывая с себя тяжелую ношу, - вот додумался, - они же сами, власти наши, воспитывают в человеке преступника. Я, учитель, уже преступник, коль меня посещают такие мысли. Я пополню ряды уголовников? Нет. Никогда! Страшно, что у нас нет доверия друг к другу. Но никогда...

Электропоезд остановился. «Приехали, - подумал Пестерев, - надо бежать на автобус. Надо жить. Но как?..»

1998 г.

СОН

Я работал тогда вздымщиком в глухом закутке Кондинского района Тюменской области. И во вздымщики попал не случайно, давно меня привлекала эта непонятная и загадочная профессия - вздымщик. Корень в этом слове - дым. Что такое - дым всем понятно, но вот вздым - это уже что-то не дымить: вздыбить, поднять, а вздымщик? Это уже существительное: «Кто? Что?». Ты кто? - вздымщик. Значит, это человек определенной специальности, который что-то вздымляет, то есть поднимает. Но что поднимает? Куда? И как? Для меня это было загадочно, а значит интересно. Но интереса своего я удовлетворить все никак не мог, уж слишком далеко была моя профессия преподавателя в институте от работника леса. Но когда у тебя есть интерес, то обязательно судьба тебя наведет на нужных людей, случайностей здесь не бывает, или как говорят философы - материалисты: «Случайность - объективная закономерность».

Этот интерес, запрятанный в глубинах сознания, может быть востребован самым неожиданным образом и в самом неожиданном месте.

Летел я тогда из Хабаровска в Чегдомын на ИЛ-14 - самолете, который сейчас наверняка можно найти только в музее авиации. Глухой, забытый Богом городишко, построенный еще во времена первого этапа строительства БАМа, то есть в тридцатые годы ушедшего двадцатого века. Но в этом районе геологи нашли каменный уголь, и люди, живущие в том далеком Чегдомыне, спасали своим трудом во время войны жителей Хабаровска, да и сейчас делают то же самое.

Прилетел я в Чегдомын в короткий сырой и серый октябрьский день, но это был только короткий перевалочный пункт, нужно было выбираться на БАМ в новый город Ургал. Из Чегдомына в Ургал ходил тогда один раз в сутки пригородный поезд - «Подкидыш» - один тепловоз, один вагон для пассажиров. Набивалось в этот «Подкидыш» народу, как в трамвае в час пик, так что пришлось занимать место в единственном вагоне - с боем, толкаться локтями и получать по спине

тумаки с сопроводиловкой: «Куда ты лезешь, окаянный!». В тесном, неосвещенном вагоне я нащупал свободное место, у окна кто-то сидел и мирно посапывал.

Когда все угнездились по местам и устроились в проходе вагона, наговорились и накричались вдоволь: о безобразии начальства, которое не может решить простой вопрос - подцепить второй вагон, осудили тех, кто влез в вагон и занял место, и поезд тронулся со скоростью пьяного человека, покачиваясь и постукивая колесами на стыках рельс, а перегруженный вагон начал скрипеть и трещать всем своим телом, как старый дом на холодном ветру, - в глубине вагона появилась проводница.

О !!! - это было явление. В конце вагона запрыгал огонек свечи, как Пьеро в цирке. Женщина обилечивала пассажиров. Она несла свечу в эмалированной кружке, шла очень медленно, и немудрено: ей нужно было сохранить огонек в этой темени и тесноте, принять деньги, дать сдачу, оторвать билет. Она шла осторожно, обходя сумки и пассажирские тела в проходе, как камни на горной тропе. Она несла эмалированную кружку в одной руке, а другой прикрывала танцующего Пьеро. Огонек просвечивал ее пальцы, ее фаланги, и они светились рубиновым цветом: казалось, на тебя надвигается красавица фея в этом мчавшемся со скоростью пьяного человека вагоне на краю света, как на картине Брюллова «Первое свидание», хранящейся где-то в Иркутском художественном музее (нет, не Карла Брюллова, а другого), и ты получишь из рук этой феи Драже - счастливый билет...

- Докудова? - прозвучал над моей головой грубый прокуренный голос, и стеариновая капля хлопнулась на мое плечо. Надо мной возвышалась большая баба в каком-то грязном, неопределенного сорта, платке, ткань которого вряд ли бы определил сам Н. С. Лесков. С опухшим пропитым лицом и в неопределенной - то ли военной, то ли железнодорожной - форме.

Огонек качнулся и исчез с глаз. Впереди образовалась темнота, а позади, где-то под потолком, медленно удалялась полоса холодного света.

Пассажиры были все обилечены, огонек-Пьеро заскочил в кубрик проводников вместе со своей кондовой хозяйкой. В «Подкидыше» установился полный мрак и тишина. Я почти

задремал, но в этот момент мой сосед, по голосу мужского рода, поскольку лица его вовсе было не разобрать, спрашивает меня со всей непосредственностью, какая возможна на краю света:

- Ты куда едешь?

- До конца, - ответил я дипломатично.

- Зачем?

- Как зачем? Работать.

- Знаю, что работать, тут не Крым, без дела не шатаются. Зачем? Конкретно тебя спрашиваю, - настаивал он.

- Институт наш, в котором я работаю, курирует БАМ. Записали лекции на видеокассеты, помогаем высшее образование получать, - сказал я как можно короче этому представителю неизвестных органов.

- Значит начальник, - заключил он.

Я не стал вступать в дискуссию и перешел в атаку:

- А ты кем работаешь?

- Вздымщик я, работяга.

И тут в темноте, севернее БАМа, у меня возродилась мечта: «Боже мой, я не вижу, но сижу рядом с живым вздымщиком». И я ему высыпал полный короб вопросов. Что то он мне ответил, но подвел итог резко и однозначно.

- Зачем тебе это, начальник?

- Да не начальник я, не начальник, - начал оправдываться я.

- Да че базарить в темноте, - огрызнулся сосед мужского рода и замолчал.

Дальше мы ехали молча, сосед вышел раньше меня, по-английски не простившись, но по-русски наступив на ногу. Мне было все равно. Я мечтал: «Если нашим государством могут управлять кухарки, то неужели я не справлюсь с каким-то хаком?». И решил твердо: летом работаю вздымщиком.

Прошел учебный год. Принятое решение меня не покидало. Я регулярно читал газету «Лесная промышленность» и особенно объявления о работе вздымщиков. Выбрал Тюменскую область. «Тюмень - столица деревень», - пробурчал я старую присказку. Но Тюмень - нефть, Тюмень - газ, и еще лес с живицей, которую я собрался добывать.

В конторе леспромхоза, куда я явился предлагать свои услуги в качестве заготовителя живицы, невысокий, хрупкий

мужчина, выслушав меня и окинув оценивающим взглядом: мол что ты за работник - сказал:

- Ну что ж, можно, сейчас выясним.

Он одновременно разговаривал по телефону, перебрасывался короткими фразами с постоянно заходившими людьми, курил, разговаривал со мной и поставил точку в нашей беседе: «Идите сейчас в лесопункт, к Горбунову, с ним все и решите». Я понял, меня отфутболили, но отфутболили в нужном направлении, по линии власти я стал опускаться вниз, то есть в лес. Но чем ниже начальник, тем больше гонору.

Горбунов сидел на месте. Его серо-седые волосы торчали, как пакля в пазах слабо пробитого дома, широкий курносый нос отвлекал от всего, что можно было увидеть на его лице, глаза не смотрели на посетителя, а что-то искали на потолке, на столе и в окошке на улице. Ему позарез нужны были работники, но ему хотелось показать себя, его интонация голоса, поза, в которой он развалился на стуле, говорили посетителю: «Ходят тут всякие, а мы на местах тоже кой что значим».

- Как же ты будешь работать, если хака в руках не держал?

- Справлюсь, начальник, не боись! - принял я тон его игры.

Горбунов еще немного покуражился, поерничал и сдался.

- Поезжай на Белую гору. Там два прибалта плохо работают, займешь там дальний лес. Технику безопасности знаешь? - подвел итог Горбунов.

- Знаю! - утвердительно ответил я, хотя не ощущал ее ни в письменном, ни в реальном виде.

- Распишись.

Он записал мою фамилию в толстую книгу, а я дважды в ней приложил «палец».

- Давай собирайся, в два часа идет «Заря», вот на ней и поплывешь.

* * *

Через четыре часа быстроходный катер «Заря» доставил меня на Белую гору. Если кому-то представилась в воображении из белого сланца или гранита гора, то я сразу разочарую. На тюменской равнине любая возвышенность более трех метров над уровнем реки - уже гора. Я выскочил на песок,

который поразил меня своей белизной и мелкостью. Подошвы обуви погружались в теплую массу. Дождь, который нас застал в пути, кончился. Верней, здесь его и не было. Все, кто был на берегу, даже не колыхнулись. Я подошел к каждому, представился. Женщина за тридцать, с обветренным лицом, неприбранными волосами, в байковом, выгоревшем на солнце платье-халате, не стиранном с прошлого сезона, и с папиросой в зубах. Тракторист в минлеспромовской робе нараспашку показывал цветную исколотую грудь: на правой стороне изображена баба, на левой - распятый на кресте Христос. Два брата - таджика, как потом выяснилось - корейца. Сашка, с Ростова-на-Дону, в кепочке с маленьким козырьком на русой голове, был выпивши и потому болтлив.

Все ждали мастера.

- А новичок! - подал мне руку невысокий, но крепко сложенный мужчина. - Куда мы его направим? - как бы советовался мастер с другими присутствующими здесь людьми.

Все молчали.

- Давай-ко на дальний участок, где у нас Пашка утонул.

- Как утонул? - вступил я в разговор.

- Просто утонул. Как тонут? Выпил, поплыл на лодке, опрокинулся, утонул, - улыбаясь, равнодушно уточнил мастер. - Ты, брат, привыкай, здесь дерутся и пропадают. В прошлом году один пропал, так до сих пор и не нашли - «Закон - тайга, медведь - хозяин». Ты, пьешь? - уточнил мастер.

- Нынче только телеграфный столб не пьет, и то потому, что стаканы вверх дном прикручены, - трафаретно ответил я.

- Ну-ну!! А один сможешь в тайге жить? Вон, - мастер махнул рукой, - братья-корейцы, да с ними Саня, через два дня на третий из тайги выползают. Людей им подавай, разговаривать надо. Работать надо, а не разговаривать. Поехали.

С нами в моторную лодку забрались два брата-корейца. Лодка летела среди низких берегов, рассекая мутно-коричневую воду реки, наполняя шумом и выхлопными газами окрестный воздух, затем через протоку выскочила на поверхность озера и, преодолев его, уткнулась в мягко илистый бережок.

- Вот и приехали, - сказал мастер. - Это твой дом, это твое озеро - Щучье, дальше есть ручеек, по нему пойдешь завтра, пойдешь - один, это тебе будет сюрприз, выйдешь на озеро -

Карасье, там в истоках этого ручейка есть «морды», если покажется мало рыбы - поставишь. А это все, - на этих словах мастер сделал ударение и широко развел руки - твоя тайга. Соседей у тебя нет. Каждая сосна - твоя, и каждая принесет тебе доход, если будешь работать.

- Ну-ко, мужики, - обратился мастер к корейцам, - сварганьте уху. Человек с дороги ничего не ел горячего, да, наверно, и устал. Там сеть в устье ручья - видите: тычки. Давайте в лодку. Пусть они сегодня поработают, - обратился он ко мне, - а дальше уж сам.

Ребята быстро управились и достали из сети: щурят, окуней и карасей. Все взялись за ножи и начали чистить рыбу. Выпустив потроха, я взялся скрести чешую.

- Ты чего делаешь? - крикнул мастер.

- Чищу.

- Оставь чешую, ополосни внутренности и бросай в ведро, наваристей будет. Ты знаешь, местные чухонцы какой холодец из чешуи делают! Объедение. Да чего вы городские знаете. Мужики, варите уху, а мы пошли в школу - учиться.

Мастер взял инструмент и подошел к первой попавшейся сосне.

- Смотри. Это шест, на нем насадка - ножи, нож левый, нож правый, их надо точить каждый день. Вот тебе бруски личной и дрочевый. Вот гайки и пружины, которые держат ножи и шланги - держи гаечные ключи, а этот шланг соединен с бачком - где химраствор. Видишь на нем лямки: завтра оденешь, как рюкзак - и вперед. А сейчас смотри, - мастер подошел к сосне, - делаешь надрез коры влево, инструмент как бы крякнул: «хак», надрез направо. Вот и все. Чего, университет говоришь - кончил? - Окончил, - поправил я его. - Без разницы, все ровно тебе денег меньше плотят. - Платят, - заикнулся я, но мастер не обратил внимания. - Все, учеба закончена, держи инструмент - это называется хак. Засек время учебы? - Нет. -Жаль, но все равно меньше пяти лет.

Уха была готова. Ели с аппетитом, хотя она была без лука и перца. Всем хотелось выпить за нового вздымщика, но и этого товара тоже не оказалось.

Люди уехали. Тишина поглотила шум удаляющегося мотора. Я остался на берегу один. Шелестела береза. Дым угасающего костра нарушал естество природы.

* * *

Ранним утром, когда еще солнце не растопило туман, я доел вчерашнюю уху и отправился в тайгу. Надо было осмотреть «мое хозяйство», оценить свои силы и распределить их по времени. Целый день я бродил среди сосен, подминая ногами кусты черники и багульника. Весь отведенный мне участок был в топком увлажненном месте и только в одном районе, одним единственным мысом выходил на высокий берег озера. Деревья стояли здесь - широко друг от друга, их золотистая кора, подсвеченная солнцем, создавала праздничное настроение. Хотелось петь и шалить - и никто тебя не увидит, и никто не осудит. После такой ревизии я разделил мысленно свое хозяйство на семь делянок, чтобы каждый день был занят работой и раз в неделю был полный обход.

Вечером я вышел на тот самый ручей, который мне советовал посмотреть мастер. Он выглядел то как каньон в зыбких мягких берегах торфяника, то как разлившаяся лужица на песчаном дне, в отдельных местах его можно было просто перешагнуть, в других приходилось разбегаться и перепрыгивать. Густо обступивший сосновый лес, такой же подлесок и высокая трава придавали ручью темный унылый вид. Но в нем постоянно что-то шевелилось. Я замер. Из-под коряги, давно упавшей и сгнившей в этом ручье, вышла стая рыб, их темные спины сливались с мраком, окружавшим ручей. Их можно было брать голыми руками или черпать кастрюлей, выбросить на берег лопатой или просто смотреть и удивляться. Стая была чуткая, как единый организм, легкий шорох пугал ее и она единым порывом, как команда пловчих, молнией исчезала с глаз, но теснота пространства сковывала их движение. Можно было плыть только вверх или вниз по течению ручья. Как только рыбная стая в испуге исчезала за поворотом водоема, появлялась новая стая. Это была прогулочная аллея из озера в озеро для рыб. Я такого еще не наблюдал. С грустью представил себе, как по этому месту пройдет трелевочный трактор, нагруженный лесом, и вмиг сравняет этот хрупкий каньон с землей, с песком, с торфом. Все высохнет и исчезнет (уже в следующем году рыбы в ручье не было). Лес приписан к вырубке, поскольку ведется подсочка. А пока иду вдоль этого

сказочно богатого ручья, стаи рыб молнией несутся впереди меня, спасая свою жизнь от поднятого мной шума.

* * *

Второй месяц как я - аттестованный вздымщик. Как и в любой работе, здесь есть свои наработанные стереотипы, но у меня не получаются прямыми подновки. Лучи моего среза идут сначала прямо, а затем, вильнув, уходят вверх - и сейчас, когда я нанес на каждое дерево по шесть, а то и по семь таких усов, сосны у меня стали выглядеть, как гусары с закрученными усами. Я улыбаюсь им. А если посмотреть внимательней, ниже этих усов прикреплен смолосборник, который по форме представляет воронку, не трудно вообразить, что это борода клинышком, еще немного фантазии... хак поставим рядом. Во! Это уже Дон Кихот собственной персоной. Я хохочу над собой. И говорю с собой вслух: «Это, брат, у тебя от одиночества».

Лето заканчивалось в трудах и заботах. Кудрявая березка подле моего крыльца, после очередной холодной ночи, как модница после парикмахерской, выбросила желтую прядь листвы на зеленом фоне. Смолосборники были полны живицей. Я таскал тяжелые ведра смолы, затаривая ее в большие стальные бочки. Одежда моя вся обрясилась и покрылась липкими пятнами. На одном из сучков, попавшемся мне на пути, я разорвал снизу доверху одну из штанин, так и работал целый день, хлопая разорванной тканью, как флагом. Уставал физически, но больше страдал от одиночества. Тоска, казалось, пронизала все тело, окутала незаметно, как воздух, появилась раздражительность. Я ругался сам с собой и с деревьями. Как когда-то мне хотелось отдохнуть от людей, так сейчас я рвался в их общество.

Я приходил с работы, падал на кровать и засыпал...

* * *

Я шел поздним осенним вечером по промокшим улицам большого города. Призывно светились окна магазинов. Я зашел в один из них. Поднялся на эскалаторе на второй этаж. Девушки -продавщицы стояли на своих местах. Покупателей

почти не было. Два-три человека рассматривали какую-то диковинку. Полированная тумба, на такой же подставке, стояла слева. Справа больших размеров телевизор. Я присел, чтобы прочитать надпись на телевизоре. И тут обнаружил: одна из штанин моих красивых из тонкого креплена брюк была не на ноге, а рядом, справа. Она висела вдоль ноги, а когда я присел, то увидел эту штанину и свое колено на экране телевизора. Я выпрямился. Брючина встала рядом. Я смутился, но вел себя независимо, как будто все было в порядке. Я отошел от телевизора. Подивился: «В какую же комнату можно поставить эту штуку».

Навстречу мне шла девушка. Лицо ее мне было знакомо. Мы обменялись взглядами, и я занялся воспоминаниями: «Где же я ее видел?». Но мой смешной вид не позволял мне подойти к ней. Я вспомнил первую встречу. Она была одета в сиреневое, облегающее фигуру платье, особенно подчеркивающее красоту ее бюста. Сегодня на улице было прохладно. Она была одета в теплую верблюжью кофту. Торчащие ворсинки шерсти размывали ее фигуру, уже не просматривалась грудь, и поэтому она казалась маленькой. И только красивое загорелое лицо напоминало ту девушку, что была при первой встрече.

Мы обменялись взглядами.

Я прошел дальше в зал, пытаясь отвлечь от себя внимание. Когда возвращался, то все продавщицы были заняты пересудами по поводу выставки хрустальных ваз, что расположились на невысоком подиуме в углу справа. Я хотел пройти незамеченным, но эта девушка, увидев меня, подошла к одной из ваз, взяла ее в руки. Ваза была какой-то необыкновенной формы. Вытянутая ввысь. Граненая. Светлая. Девушка что-то говорила о ней. Вышла на середину зала и подняла ее. Многих смущала, по-видимому, форма вазы и, она доказывала ее достоинства. Она посмотрела в мою сторону. И решительно подбросила вазу вверх, придалав ей вращательное движение. На свету цвет вазы переходил из матового в темно- коричневый, а при наибольшем вращении - в невыразимо приятные светло-коричневые тона. При этом девушка все говорила о красоте вазы.

Все смотрели на девушку, на вазу широко открытыми от испуга и любопытства глазами.

Скорость движения потухла. Ваза стала опускаться вниз, в руки девушки. При этом она вытянула навстречу только одну руку - правую. Ваза коснулась руки. Ударилась о кольцо на безымянном пальце... И выскользнула. Она еще срикошетила, и не разбилась на паркетном полу, но устремилась к лестнице. Ударилась о лестничное мраморное, какое-то чистое, чистое звено... И взорвалась!!!

Хрусталь, шурша, водой стекал по ступенькам лестницы.

Все стояли пораженные.

В моих глазах еще играли краски той вазы. И девушка еще была охвачена красотой вещи. Она была в радужном состоянии и еще не поняла случившегося. Я вспомнил цену вазы - 800 р.

Женщины загалдели пересудами. Но принесли новый товар, все сгрудились возле него, как бы забыв обо всем случившемся.

Девушка стала понимать произошедшее. На ее глазах навернулись слезы.

Я подошел к ней в своих смешных брюках с гордым видом, чтобы сказать, как был прекрасен тот миг, когда ваза была вверху... И проснулся.

Было раннее утро. Я лежал в постели под марлевым пыльным навесом. Все в том же тепляке. Встал пораженный еще больше того, что видел во сне, - реальностью. На дворе лежал первый снег. Раздражительности как не бывало.

От дальнего выстрела громадная стая диких уток сорвалась с моего озера и полетела над лесом.

1981-1998 гг.

ПОЕЗД ИДЕТ НА...

КАРТЫ

К девяти, я проснулся на боковой нижней полке в плацкартном вагоне. Скрутил матрац и поставил его торчком в угол. Поднял полку-стол. Сел, всматриваясь через грязно-мутное стекло на мелькающий пейзаж и догоняющее нас солнце.

- Какая следующая станция? - спросил меня подсевший молодой человек.

Я поднял на него сонные глаза.

- А ты скажи, где мы едем?

- Омск проехали.

- Да?! - Значит, Новосибирск.

- Давай сыграем в карты. В дурачка. С полчаса, время убьем.

- Нет, - решительно отказался я.

- Да что там!

- Нет, я не играю.

Новый знакомый, Николай, отсел к соседям.

Напротив, в глубине купе, на нижней полке, ехали мужчина и женщина. Они согласились. Первого и второго дурачка они сыграли быстро, оставив Николая в проигрыше. Проигравший захныкал: « Это нечестно - вас двое, да и скучно играть в дурачка. Давайте я вам новую игру покажу», - встрепенулся Николай ловко играя картами.

Я со стороны посмотрел на Николая, на этого видного молодого человека, одетого прилично в теплый индийский с шалкой свитер. Он был болтлив и общителен. Играющих мужчину и женщину я понял раньше, поскольку ехал с ними уже вторые сутки. Мужчина лет за сорок разыгрывал из себя то ли ученого, то ли бывалого человека. Он, как петух, клохтал подле женщины, стараясь показать себя и оттеснить от нее других мужчин с верхних полок. В общем, больше казался, чем был на самом деле.

Николай весело и непринужденно болтал, объясняя суть новой игры. В этот момент к ним подсел человек татарского глуповатого вида, и стал слушать рассеянно Николая, больше смотря по сторонам, чем вникая в суть игры, но при этом постоянно уточнял, сколько дает баллов та или другая карта. Заметим, что мужчина, который опекал женщину, просмотрел этот момент (будем его дальше называть, поскольку не знаем имени - Петушок).

Николай, сдающий, как порядочный и вежливый человек, отвечал на все вопросы татарина, уточнял, вставлял шутки, которые нравились играющим.

- Кто бьет? кого бьет? - жена мужа бьет, когда он пьянеет. Ты, слушай, не крути головой, - огрызнулся - Николай, - на татарина.

Подошли еще двое. Играющих стало шестеро. Все перезнакомились. Все на ты, а раздающий все шутит, сплачивает компанию, называя подошедших ласково, по свойски: Петька, Васька.

- Ну, не обижайся, - сказал он вновь подошедшему. - Чего ты торопишься играть, здесь все надо сначала понять. Кто в доме хозяин? - спросил Николай.

Все молчали.

- Жена! - воскликнула женщина.

- Правильно, - радостно и возбужденно отозвался ведущий, чем сразу втянул в игру еще глубже недогадливую женщину.

Так умело в шутливой форме были выяснены все правила новой игры.

Ведущий, Николай, даже уточнил: «Все поняли, если проиграете, не обижайтесь!»

- Да чего там, - воскликнул человек татарского вида, - выхватил из кармана комок денежных знаков и бросил на стол - 1400 р.

Через ход один из постоянных пассажиров - Петушок - выиграл эту сумму.

Третий подошедший, фиксатый - Васька, отвернувшись от играющих, пошарил в глубине своей одежды, достал деньги и бросил на стол - 8000 р.

- Где я возьму столько? - воскликнула женщина.

- Ну да что, разве, это деньги? - весело пропел Николай.

Женщина положила на стол аккуратно - 10000 р.

- Вот это по-мужски, нет, то есть по-женски, - радостно уточнил ведущий.

Петушок, почувствовав неладное, с шумом вышел из игры, взял полотенце и удалился.

- Раз этот удалился, все его очки переходят помощнице, - вел свое дело ведущий.

Поняв, что из игры вышел главный, на которого была сделана ставка, фиксатый опять отвернулся и выбросил на стол - 50000 р.

- Что ты делаешь? Ты что? - артистично разыграл удивление Николай. - Ведь следующий кто бросит хоть на рубль больше и ты сразу же вылетаешь из игры.

- Ладно, - отрезал фиксатый.

Татарин бросил меньше.

- Где я возьму больше, где? - уже тоже возбужденно, но с вожделением кричала женщина.

Это ей была уготована судьба проигравшей.

Но тут вернулся Петушок, человек небольшого роста, с лысой головой, за время пути он пришел к выводу, что приворожил к себе эту женщину.

- А ну, убирайтесь от сюда, - резко заявил он.

- Ах ты, козел, пошел отсюда. Видишь, игра, - взревел фиксатый, стоявший всю игру на ногах.

- Убирайтесь, - успел крикнуть Петушок.

Татарин, прихватив деньги со стола, матерно ревя, поддел в живот ершистого Петушка и тот вылетел в соседнее купе.

Ведущий, Николай, схватился за нож: «Да я тебя сейчас!».

На поднятый шум среагировал народ. Но ловить было некого. Вся слаженная команда игроков выскочила на перрон. Поезд остановился, да и вся игра была рассчитана на один большой перегон.

Петушок, виновник всей этой сцены, охая оправдывался: «Я давно все понял, я понял...»

Женщина, отвернувшись от него, смотрела в окно.

На этот раз все обошлось.

Поезд идет на восток, а может, на запад. Кто знает?..

1999 г.

В ПОЕЗДЕ

Вагон, в котором мне предстояло ехать, оказался самым последним в составе поезда. Я шел по черному от копоти и протоптанному тысячами ног перрону. Желтовато светили окна вокзальных буфетов. Неопытные пассажиры с билетами в руках суетились вдоль состава. Не доверяя своей памяти, они часто заглядывали в билет, смотрели на номера вагонов, сравнивали их, как сравнивают ботаники живое растение с определителем.

Я шел в приподнятом настроении и с мечтой встретить интересных людей, послушать их рассказы, как у Л. Толстого в «Крейцеровой сонате», или у Н. Лескова в «Очарованном страннике», или...

В проходе было людно и шумно. Провожающие заботились об отъезжающих, громко разговаривали, целовались, и махнув рукой, уходили в клубы морозного пара на перрон. Возле нужного мне купе стояли две женщины и мужчина.

- Ах, хоть бы не к нам, - воскликнула одна из них, одетая в пальто. Ее тонкие губы сжались, глаза сузились.

- Здравствуйте, - приветствовал я их.

На приветствие ответили только мужчина и женщина, которая уже приготовилась к дальней дороге. А та, что была в пальто, проворчала: «Так я и знала: придется ехать с мужиками».

Я посмотрел на нее. Женщина лет сорока, чуть румяная от мороза кожа лица, правильный нос. Высокая прическа, шаль, сдвинутая на затылок, подчеркивали черты приятного лица.

- За что вы нас так? - спросил я ее. Улыбнулся, чтобы как-то сгладить неприятный осадок от встречи.

- Да так, - ответила она и капризно подернула плечами.

- Вы, знаете, - начала говорить другая женщина, - в женском обществе как-то проще, знаете, и переодеться, и спать лечь, знаете, и поговорить даже.

- Я с вами согласен. Почему бы ей или мне не поменяться местами в вашем купе?

- Да вы знаете, - сказала она с улыбкой, - у нас тоже мужское общество и... все места заняты.

- И вы не жалуетесь?

- А чего жаловаться. Ведь мы в дороге - и снова улыбнулась.

Прошло, наверное, с час. Проводники вагона собрали билеты, принесли белье. Мы с соседом накрыли постели. Наша попутчица все еще стояла в пальто спиной к окну и смотрела на нас в пройму открытых дверей. На лице у нее осталось выражение недовольства. Глаза раздраженного человека смотрели в открытую дверь. Губы сложены в подозрительно-недоверчивой улыбке.

Устроив себе ложе, мы с соседом вышли в коридор. Поговорили о хоккее, об особенностях нынешней зимы, о погоде. Нам не хотелось возвращаться на свои места. Атмосфера подозрения и чувство, что мы в чем-то виноваты перед человеком, которого видим в первый раз - угнетала. Петр Михайлович, так звали моего попутчика, ушел в купе к своему знакомому.

Я смотрел в темноту, стараясь увидеть пейзаж через мутно-грязное стекло в пределах, выхваченных светом мчавшегося поезда. Картины заснеженный полей, леса, блики быстро проносящихся освещенных станций мелькали, рассеченные волнами провисших телеграфных проводов.

Наша попутчица сидела одна, опустошенный взгляд направлен в черный квадрат окна. Разговаривать с таким человеком не хотелось. Невидимый барьер отчуждения разделил людей. Я поднялся на вторую полку и занялся книгой.

Женщина все еще сидела в пальто в теплом помещении с обиженным видом. Наконец она сняла пальто и стала заправлять постель. Матрац ей предварительно снял сосед с верхней полки, я уступил место внизу. Когда она взялась за белье, лицо ее исказилось, как будто она съела зеленую вишню. Затем легла спать. В напряженной тишине купе мягко потрескивали лампы дневного света, скрипели перегородки, молчали люди, слушая перестук колес.

Утром Петр Михайлович сразу ушел к знакомым. Соседка по купе навестила нашу попутчицу. На первый же вопрос соседки «Как вы отдыхали?» попутчица начала жаловаться на

дорожную постель, качку и стук колес, на пищу, которую она взяла с собой, но мимика и интонация были выразительнее слов. Каждая фраза высказывалась с претензией к кому-то, на лице менялись выражения оскорбленного кем-то человека. Казалось, вот-вот она назовет имя того, кто ее обидел. Но этого имени она не назвала, она не могла назвать его, так как это ее собственное имя.

Гостья слушала ее с веселой улыбкой. Утешала - все это от дороги - пройдет.

Я вышел в коридор. За окном был пасмурный зимний день. В разговорах быстро познакомился с другими пассажирами. За игрой в «подкидного» незаметно прошло время. Вечером, когда я пришел в купе, чтобы взять свои вещи, женщина сидела одна, обиженный взгляд был направлен в черный квадрат окна.

1975 г.

РУКИ

Я ехал тогда на ленинградском поезде до Кирова, в командировку. Сидел в ресторане. Ужинал. Ко мне подсели два подвыпивших мужика. Один - мужик как мужик, полненький, с брюшком, алое здоровое лицо и чистые руки. А второй повыше. Худой. Лицо в морщинах, как кусок рогожи в клетку, нос большой длинный и тоже в клетку. Не бритый. Но меня поразили руки. На худой, тонкой руке уместился большущий кулак. Большие узлы фаланг на сгибах пальцев, бескровные черные ногти и как бы над кулаком- крышей - разместился большой палец с крупными узлами суставов. Кулак заканчивался тонким запястьем с большим запястьевым наростом. Все остальное пряталось в рукавах серой грязной рубашки и мятого пиджака. Но самое интересное - кулаки были черными, и не сразу разберешь, перчатки это или натуральная чернота.

- Отчего это у вас такие руки? - Спросил я у него.

- Эт-та-а, - начал он скороговоркой и растягивая последние слоги, - от работы. Видишь ли, мы валенки катам. А когда теребишь и каташь шерсть, там тако количество грязи, что и руки все почернеют. А ничего, за зиму отмоются, - заключил он.

Мы выпили. Разговорились. Обменялись адресами.

Прошла зима. Я в отпуске и специально еду посмотреть еще раз на этого человека, на его руки. Меня беспокоит мысль: «Как он меня встретит? Узнает ли?». Ведь мы, русские, со своим открытым характером, наприглашаем гостей, а потом не знаем, как и встретить, когда у нас экономика такая, что диву даешься: то деньги есть - товара нет, то товару завались - денег не дают. Я еду от некогда знаменитого города Макарьева то ли на север, то ли на юг - не знаю, карту не посмотрел. В автобусе народу много и тесно. Пьяненькие пацаны шутят со своим товарищем, который сдал экзамен на права шофера третьего класса. Парни шутками выбивают из него выпивку, а он всем в тон шутливо отвечает: «Поманеньку, поманеньку»

Вновь испеченный шофер рассказал мне уже всю свою биографию на три раза: работал, служил, вернулся и вот сдал, с третьего захода, на права.

Я не разговаривал с ним о своем знакомом, я знал, что они знают того, к кому я еду, как и других здесь знают на сотни километров. Скажи - и начнутся расспросы. А что я знаю о Копанцеве, о его семье? Ровным счетом ничего. А что за гость, если не знает ни чего о хозяине? Но когда мне сказали, что следующая деревня моя, я вынужден был спросить: «Который здесь дом Копанцева?». Все в автобусе зашептались, зашипели, как будто открыли бутылку шампанского. «Так вон он к кому», - удивлялись и разочаровывались одновременно все присутствующие, удовлетворив свое любопытство, мучившее их всю дорогу от Макарьева. От этой реакции людей в автобусе и я получил информацию: «Невысок авторитет у Копанцева в деревне».

- Геннадий, чо ли? - почти хором выдохнул народ.

- Да.

- Вот как въедешь, так первый дом направо - сразу.

- А ты кем ему будешь? - сразу получил я прямой встречный вопрос, как удар.

- Знакомый.

- И не родственник?

- А где познакомились?

- В дороге

- Во как! Гли-ко, - удивился народ, получив сверхнужную информацию, - не иначе, как по пьянке.

Автобус остановился около самого дома Копанцева.

- Принимай гостей, - кричали из автобуса, при этом каждый стремился первым словесно опубликовать новость стоящей у ворот женщине.

Хозяйка, невысокого роста, в платке и в сером переднике поверх телогрейки, в галошах, с загорелым курносым лицом, смотрела на меня внимательно и не недоуменно.

- Чей будешь-то?

- Из далека

- Так где с Геннадием-то познакомился? Небось по пьянке, иначе как? Дурной. Я вот стою, сына жду. Обещался приехать, да вот нет и нет. Так что стоишь, тащи котомку в сени.

Рюкзак стоял на низкой пахучей ромашке. Капал какой-то непонятный редкий дождь. Я смотрел на эту женщину смущенно, терзался мыслью: «Приехал. Нахал. Создал проблему, чертов собутыльник».

Автобус все еще стоял возле дома, а из него смотрели ухмыляющиеся лица.

- Геннадия-то нет дома, он пасет коров, придет вечером, - сказала женщина, когда мы вошли во двор.

Меня обрадовало такое сообщение, по крайней мере я встречусь с человеком один на один.

В доме было пусто: видно, что хозяин не нес в дом ничего не только лишнего, но и необходимого.

Я вышел из дома. Деревня стояла на большой излучине реки. По выгнутому серпом косогору чернели домами другие деревни, одна за другой, пока видел глаз. Где-то у самого горизонта маячила колокольня заброшенной церкви. За рекой зеленел лес. Капал дождь. Я спустился по косогору, шлепая подошвами по чуть прибитой влагой пыли. Я шел на стадо коров. Это был дополнительный адрес Копанцева. Мальчик, который пас коров колхозников, откликнулся серьезно:

- Это чо, Геннадий-то чо ли? Так вон он - на осушенном пастбище, вон ближе к реке, больше ему негде быть.

Я пошел напрямик, по стоптанным зеленым кочкам. Пахло зеленью и навозом.

Копанцев заметил меня издалека. При встрече он смотрел на меня удивленно, как его жена.

-Кто? - переспросил он меня, когда я ему представился. А-а! - протянул, то ли вспоминая, то ли делая вид, что узнает меня.

- Эт-та-а, - начал он скороговоркой и растягивая последние слоги, - показывая на коров, которые перестав жевать, уставились на нас с любопытным взором.

Я смотрел на Копанцева и тоже с трудом узнавал его. Он был все тот же, морщинистый, но не такой высокий на фоне широкого поля, поймы реки, окруживших нас буренок. Копанцев был бел и отмыт, на лице его не было ни грамма загара, старая солдатская гимнастерка, по-видимому, сыновья, была так же бела, выгорев на солнце, дождях и от кипячения в чугуне в русской печи. Я держал в своей руке его руку. Рукопожатие было слабое, на его суставах остались все те же нарос-

ты, но руки были белы, как у прачки или посудомойки, и кулак выглядел обычно, не было той привлекательности, той магической силы грязи. На руках не было ни одной мозоли. Руки Копанцева давно не держали топора или ручки лопаты, или косы. «Интеллигент», - подумал я.

Вечером приехал их сын. Началась пьянка. В углу у печки стенала женщина: жена и мать этих двух мужиков: Да разве будет Русь богатой при такой-то пьянке. Копанцев все пытался рассказать, как катают валенки, но дальше вступительного «Эт-т-а» он двинуться не мог. Руки были умней головы. Руки кормили его, но кормили только сезонно - зимой, когда надо катать валенки.

Утром я извинился перед хозяйкой и уехал на Волгу, на Рыбинское водохранилище.

1975-1999 гг.

ХАРАКТЕРЫ

Возвращался я тогда, в апреле месяце, из Дубаи. В Москве сел на самый неспешный и самый демократичный пассажирский поезд в России - это на мой взгляд, бывают и другие взгляды - идущий из Москвы в Соликамск. Идет этот поезд не торопясь, останавливается на всех станциях и полустанках. Подбирает от самой столицы и по пути: ярославцев, костромичей, вятичей и пермяков. Билеты на этот поезд всегда есть, но однажды, под Новый год, билетов и на этот тихоход не было, пришлось тогда на перекладных до дома добираться. Ездит на этом поезде народ разный, в основном спокойный.

Однажды, подъезжая к Котельничам, я услышал старую вятскую присказку. Готовился к выходу пожилой человек в валенках с галошами, в полушубке, шапке-ушанке из искусственного меха, сверкающего на свету. И проехал-то он всего три-четыре перегона, но, видно, соскучился по своему домашнему гнезду и так ласково, задушевно ни для кого бормотал: «Ах, мои Котельничи четыре мельничи: электрича, ветренича, водянича..., ах, ты грех, четвертую-то забыл», - сокрушался дед. «Боровича», - подсказал ему идущий следом модный парень. «Вот-вот, она - боровича, - забыл старый, чаще ездить надо, чаще рассказывать, так оно надежней будет».

Ушел дед в снежную пыль, ушел, а образ остался.

Проехали Вятку, в вагоне просторней стало, апрельский день светом заполнил пространство. На боковом месте сидит девушка, читает, ее молодой человек, с которым она делит обеденный стол, чаще валяется на второй полке и меньше всего говорит со своей попутчицей. Хотя едут они вместе уже вторые сутки.

Девушка чихает, чихает редко, раз - в час в полчаса, и все держит у носа платочек, трет нос или прикладывает к носу цветастую тряпочку. Делает это все так жеманно, картинно - на публику - невестится.

«Что за птица, - думаю я, - дай-ко задам вопрос». В очередной раз, когда девушка чихнула, я спросил:

- Где вы успели простудиться?

Ответ последовал незамедлительно, как будто она ждала этого обращения:

- Там, откуда я еду, - произнесла девушка, скосив на меня голубые глаза, с таким ударением на каждом слове, с такой брезгливостью к окружающей обстановке и с такой значимостью своего я, что можно было представить - это великая артистка возвращающаяся с каннского кинофестиваля, - было плюс тридцать пять. А здесь...

Дальше она не продолжила фразу, считая, что и так много сказала. Я улыбнулся своему открытию - какое ребячество.

Но удовлетворил свое любопытство.

Иногда быть в одном и том же месте несколько раз бывает интересно, появляются «знакомые» лица, смотришь на них с большим вниманием, и не говоря ни слова узнаешь их. Два случая приходят на память.

...В Москве всегда толчея, спешишь сделать все дела за один день, мотаешься на метро из одной стороны города в другую, и когда почувствуешь, что успеваешь, наступает расслабление. Смотришь на часы, думаешь, что еще предпринять и, махнув рукой на все свои проблемы, принимаешь решение - надо ехать на вокзал. Но до поезда еще час, полтора. Я в таких случаях иду на метро и, недоезжая пару остановок до площади трех вокзалов, сажусь где-нибудь на скамейку, отдыхаю. Вокзал не далеко, в метро поезда ходят, ситуация, что называется, под контролем. И как-то так получилось, что я дважды оказался на одной и той же станции метро в одно и то же время. Народ спешит пересесть с одного направления на другое, спешат на эскалатор, а ты сидишь отдыхаешь. Но обязательно найдутся люди, которые то же никуда не спешат. И я заметил двух мужчин, скромно сидящих на скамейке отодвинувшись друг от друга так, что колени их были соединены, а между ними на скамейке образовалось свободное пространство. На этом месте лежали деньги. Лица мужчин были покорно просящие, натуральные новогодние маски, головы были низко опущены, почти соприкасались, но руки работали ловко. Мужчины считали деньги с профессиональностью кассира центрального банка. Они складывали купюры по знаковому достоинству, тщательно разглаживали их и, набрав

определенное количество, перехватывали пачки черной резинкой. Каждый из них по очереди убирал в карман отсортированные деньги, при этом они поднимали глаза. В этот короткий момент, как через дверной глазок, просматривалось истинное лицо сидящих. Неподдельная жадность, презрение к куда-то мчащейся толпе, которая их рефлексивно кормит, не задумываясь над перевернутой шапкой где-то в переходе в метро или лежащей на земле у магазина. Поймать яркую, как молния, мысль: «ПОМОЧЬ» у сострадательных людей - вот их победа.

Мужчины еще считали мелочь, раскладывая ее столбиками и, закончив приятную работу, согбенные и покорные, слились, как ручей, с бегущей толпой, мелькнули еще раз, как пена на реке, и исчезли.

...Сверловский железнодорожный вокзал, пожалуй, один из самых многонаселенных пунктов на всех российских железных дорогах. Здесь можно встретить людей, спешащих с севера на юг и с юга на север, с запада на восток и с востока на запад. Семь нитей железных дорог ежедневно, ежечасно поставляют на этот вокзал разных людей.

Я ждал прибытия своего поезда, прогуливаясь по многочисленным залам ожидания, искал свободное место. Наконец я нашел одно кресло в глубине зала, у стенки. Сел и начал читать книгу. В ровном гуле людских голосов и шаркании ног по центральному проходу было что-то мирное, располагающее ко сну. Я задремал. В этой полудреме вдруг раздался громкий, хорошо поставленный голос: «Граждане, выручите, еду с отпуска, только расположились на вокзале, я отошел к киоску, баба рот разила и ... обворовали». Перед народом стоял крепкий здоровый мужчина в унтах, в теплой зимней куртке, большой лохматой из собачьей шкуры шапке. Северянин, свой человек. Позади его стояла женщина понурая и виноватая с грудным ребенком на руках, а рядом еще мальчик лет десяти. Мужчина не просил подачки и не протягивал шапку для сбора денег, он обрисовал ситуацию, в которой мог оказаться каждый. К нему потянулся такой же крепкий, по-зимнему одетый мужской народ. Подходили, подавали деньги, похлопывали по плечу, сочувствовали: мол, держись, бывает. Затем мужчина громко всех поблагодарил и удалился со всем семейством. Я

подумал: «Какой же у нас добрый и отзывчивый народ, в такое трудное время отрывают от своей семьи, но выручают другого попавшего в беду».

Прошло, может быть, с месяц, я вновь сидел на том же вокзале и вновь читал книгу в ожидании своего поезда. Со спины от меня раздался знакомый голос, те же интонации, то же существо выступления, та же «легенда». Но когда я повернул голову на знакомый голос, то увидел того же крепкого мужчину, но одетого в черное длинное пальто, без шапки, с ровно подстриженной шевелюрой и черными перчатками в руках, - прямо такой «новый русский». За ним стояло его семейство. Он не просил, он обрисовывал ситуацию. Весь его внешний вид должен был показать, что он солидный случайно попавший в сложную ситуацию человек.

Этот попрошайка не скрывал своего презрения к людскому доверию, как те в московском метро, а действовал открыто. Я подумал: «Какой же у нас добрый и доверчивый народ».

1998 г.

КОЛЯ

В Котласе возле перекидного железнодорожного моста, слева у входа на перрон, собралась толпа. У любого человека, если он не торопится, возникает вопрос: «А что там?»

Я никуда не торопился. И чтобы лучше рассмотреть происходящее, поднялся на несколько ступенек по лестнице перекидного моста.

Толпа, человек пять-шесть, окружила маленького, крепко сутулого, скорей горбатого мужчину. Под грязной кепкой его лица сверху не было видно. Капитан ВВС в голубой форме, случайные прохожие, пьяные пыльные мужики сгрудились возле комочка, прикрытого кепкой.

- Что там? - спросил я у соседа по лестнице.

- Да вот, играют в шашки, на деньги. Проиграл - гони два гривенника.

- И что, все проигрывают?

- Да. Он сначала проигрывает, даже подставляет одну-две шашки под бой, заманивает, а потом берет три. И выигрывает.

- Интересно. Наблюдаю давно, но он все выигрывает.

Меня тоже заинтересовала игра. Я подошел к играющим. К тому времени очередная жертва бесславно освободила место. Молодой, белобрысый, с выцветшими бровями работник вокзала шумел на игроков:

- Коля, ты опять тут. Вот сейчас разбросаю все твои шашки. Будешь знать.

Коля молчал и попыхивал папиросой. Дым ее путался в косматой черно-грязной бороде и усах, цеплялся за большие широкие ноздри и, не находя переносицы, расстилался на пыльно шоколадном, рассеченном глубокими морщинами, лбу, упирался в козырек старенькой пыльной кепки, огибал его и курился над колиной головой, как над костром в безветренную погоду.

Коля молчал. Был спокоен и знал, что его защитят друзья, которые были здесь.

- Ну что ты, Васька, опять пристаешь. Играет человек и пусть играет. Он тебе не мешает?

В голосе Васьки чувствовалось, что он совсем не хочет гнать Колю, а говорит для острастки, чтобы помнили - кто тут хозяин.

У Коли все было готово для игры. Шашки стояли на местах, на старой картонной потертой по углам доске. Кусок белой клеенки для очередного соперника лежал на каменном выступе невысокой лестницы.

Я поздоровался и сел сыграть партию, а заодно рассмотреть Колю повнимательней. Ноги у Коли были сложены одна на другую. Они у него не развиты с детства. Костыли прислонены на металлическую привокзальную ограду. Когда Коля повернул голову в мою сторону, и дым папиросы рассеялся до очередной затяжки, я увидел темные квелые глаза.

- Ходи, - сказал Коля, - шевельнув волосами верхней и нижней губ.

- Да, но у тебя белые.

- Какая разница.

Коля сходил правой шашкой в угол. Я ответил в противоположный, но сопротивлялся не долго и проиграл. Компания получила свой честно заработанный двугривенный. Пока я поднимался с места игры, колины дружки подзадоривали:

- Давай контровую. Давай!

На белую клеенку сел другой человек, но Коля отказался играть.

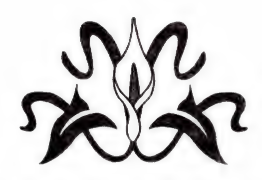
- Не буду с тобой играть, ты не заплатил в прошлый раз.

Сколько ни уговаривали дружки Колю сыграть с этим мужчиной, он был непреклонен.

Коля проявил характер.

1979 г.

О, ЖЕНЩИНЫ

Где-то посередине могучей Сибири, в ноябре, где снег почему-то забыл выпасть из небесного короба, в вагон вкатилась волна мата, грязных фраз и потных тел. При каждом теле, как два мощных домкрата, две руки, вдавливали в вагон по две разбухшие, шире прохода, полосатые сумки. Эти сумки вдавливали пассажиров к стенке - тех, кто проявлял интерес к шуму или зазевался в проходе.

- Нам надо четыре места, слышишь, Регина - четыре, - кричала на весь вагон одна из женщин.

Откантовав до последнего купе плацкартного вагона втиснутые баулы, вся компания совершила еще по три-четыре шоп тура до вокзальной площади. И потом, уработанные, в расстегнутых куртках, все четверо, разбрасывая кислый противный пот с матом, почему-то еще прошли по всему вагону взад и вперед. И тогда их можно было рассмотреть. То, что это новая порода русских людей, ясно - коммерсантки, добирающиеся до своих рынков. Все крепкие, одетые в теплые на синтепоне куртки, шерстяные светлые гамаши, а может и не одни, теплые высокие сапоги, у каждой в руке, болталась, как половая тряпка, дорогая светло-серая из норки шапка. Волосы были растрепаны, как у клоунов, когда они выходят на манеж. Если говорить языком короткого анекдота, то у всех охват интересных мест был: 110*110 и еще на 110 сантиметров. Где талию будем делать?

Сели. Передохнули. Разбросали сумки.

-А ты, Регина, помнишь, - обратилась одна из квартета к крашеной блондинке с круглым лицом компакт-диска и объемов в полторы головы голландского сыра.

- О, твошу мать, - голос был высокий, как у мышки зажатой в мышеловке, - о, твошу мать, она меня назвала - кобылой (кто-то в вагоне хихикнул от такого точного сравнения).

- Вот, ..., кобыла, - возмущался голос мышки.

Регина встала и с шапкой из серой норки в руках, разбрасывая по всем купе затухающий запах пота, прошлась взад и вперед хозяйкой по всему вагону, как бы ища ту, которая назвала ее товарку кобылой. Вернувшись, Регина слушала

дальше повторяющийся рассказ подруги о кобыле, как святой отец слушает покаяние своей прихожанки.

Бабам нужен был скандал.

Подвернулась официантка из вагона-ресторана, которая, только что преодолев со своей тележкой переход между вагонами и тесный проем между дверьми у туалета и дверью в салон, ласково закудахтала:

- Пиво, шампанское, шоколад...

Регина обложила ее круглыми обкатанными, как морской камушек, русскими словами и в конце вежливо попросила:

- Кати отсюда, пока цела...

Официантка, которая проехала всю эту самую Россию, от Москвы до Владивостока, сотни раз, так что этого километража хватило бы ей затолкать тележку до самой до Луны, да при этом умудрилась кое-как закончить девятилетку, ответила достойно воспитания среднестатистического русского человека. Всем пассажирам был представлен бесплатный аттракцион, по крайне мере километров на сто. Все, разинув рты, внимательно слушали краткие выступления работников оптового рынка промышленных товаров и представителя продовольственного прилавка. По русскому мату сейчас выпущены книги, страниц на 500, а русский орфографический словарь вмещает около 200000 слов. Но здесь для краткости изложения мыслей и ограниченности пространства использовалось слов тридцать из первого и двадцать из второго.

Силы были явно не равны. Четверо против одного. Официантка почувствовала это и заявила:

- В конце концов у меня есть честь и совесть!

- Кати, - подвела итог Регина, - у тебя ничего нет. Плоская, как доска.

Официантка вспыхнула лицом, как арбуз, и, покидая сцену с коляской, еще в конце вагона кричала:

- Это у тебя ничего нет, один жир! И казалось эту мысль официантка пронесла еще по нескольким последующим вагонам.

В вагоне сразу стало как-то тихо, только стучали колеса, да мигал тусклый свет под потолком, народ обдумывал случившееся, определял свою позицию. Два слегка протрезвевших солдата-отпускника, которые до появления упомянутого квартета, паслись в том же отсеке, потянулись на шум из

расчета выпить и закусить на халяву. Их изгнали с большим шумом.

Квартет дам ужинал, громко пыхтя и чавкая, как подобает начинающим купцам, и оттуда, как из остывающей, но только что кипевшей кастрюли, вырывался пар в виде одной и той же фразы: «Вот, ..., назвали меня кобылой».

В последнем купе плацкартного вагона затихло.

Ну и нам спать пора.

1999 г.

МИЛЛИОНЕР

В тесном купе пассажирского поезда нас было четверо. Трое родственников и я. Трое родственников: муж с женой и еще муж сестры присутствующей женщины - значит им свояк.

Они хорошо поели и выпили. Со второй полки выпить чаю спустился и я. Этого свояка тянуло на разговоры с незнакомым человеком, хотелось высказаться, похвастаться перед случайным попутчиком, облегчить душу. Это часто бывает в дороге, иногда человек расскажет то, что знакомым под пыткой не выложит.

- Гляжу на тебя, - начал разговор свояк, - ты не из рабочих. А я шофер. Работаю на птицефабрике. Яйцо вожу. И ты знаешь, имею с этого доход. Он утирал на *ты* уверенно, как на забор, и в этом *ты* утверждал себя перед человеком, от которого он не был зависим ни в чем, он гордился своим положением и достатком. - Вожу яйцо от птицефабрики до магазина. Ты знаешь, тут все схвачено. Птичнице надо подработать - она всегда найдет бой - спишет. Продавцу в магазине нужен товар. Она берет левый товар сверх накладной, рассчитывается со мной наличными. Хорошо? Хорошо! Миллион в месяц имею. Машина, бензин - совхозные, яйцо - совхозное, а миллион мой. На хрена мне быть фермером. Сейчас еду в Китай, куплю барахла - и опять навар.

Он смотрел на меня открыто и нахально. За окном мелькали забайкальские лысые сопки.

Я спросил его с некоторой издевкой в голосе:

- А зарплату вам за это платят?

Он не заметил насмешки и ответил с достоинством:

- А как же, сто тысяч в месяц!

1995 г.

НАЛИМ

Мы сидели на железнодорожном вокзале в ожидании электрички. Был конец ноября, трубы отопления слабо прогревали помещение. Мой сосед по скамье согревался спиртным из маленькой пластмассовой фляжки. Сделав последний глоток, он потряс опустевшей посудиной, утверждаясь в горькой мысли.

- Пуста фляжка, - проговорил он, упираясь в меня помутневшим взглядом. Затем полез во внутренний карман, достал паспорт, в котором, как в портмоне, хранились деньги. Он считал и так и сяк, но больше двух тысяч рублей никак не набиралось.

- Ну что я на них возьму? Коммерсанты-торгаши и ста грамм не дадут. Займи две тысячи - с пенсии отдам.

Мне не хотелось одалживать этому человеку, Он легко давал обещания, но отдавать не торопился. Отвлекая моего соседа от мысли о выпивке, я завел разговор о рыбалке, зная о его страсти.

- Как нынче рыбалка? - спросил его.

- Что рыбалка? Из-за нее здесь и сижу. Мы с Гусем, ну ты знаешь его, наловили налимов. На радостях выпили. Пришли ко мне. Жена спит средь бела дня. Видишь ли, устала. После первой рюмки, выпитой в тепле, нас развезло. Ну, тут Гусю и захотелось чего-нибудь остренького. Он подложил мерзлого налима под одеяло, под теплый зад жене. Ты знаешь, налим какой живучий? Он и по росе может пройти, хоть бы ему что. А тут ему тепло. Он и поплыл.

- О-о-о, - пьяно растягивал гласную и последующие слова мой сосед, - ты бы видел, как подскочила, в одной сорочке, распаренная сном и постелью жена. Как она заорала! Ну, досталось нам. Я-то маленький, мне ничего. Увернулся. А Гусю этим налимом и по спине, и по голове. И куда попало... Словом, вылетели мы на улицу, не допив начатого. А ты спрашиваешь, как рыбалка? Добавь на родимую.

Он взял у меня деньги и исчез в поисках.

1995 г.

ВЫБОРЫ

повесть

О, мои грустные «опыты»...
И зачем я захотел все знать?
В. Розанов «Уединенное»

«Чтобы жить хорошо, надо думать хорошо», - прочитал Петров фразу из книги. Глубокая мысль. Задумался. В этот момент всхлипнул телефон.

- Привет старик! Чем занят? - гремел в трубке знакомый голос, абонент не дождался ответа и сразу перешел к делу:

- Хочешь поработать?

Петров перебил его вопросом:

- Кто же не хочет работать, если работа интересная?

- Тогда давай приходи, - знакомый назвал адрес и положил трубку.

«Чтобы жить хорошо, надо думать хорошо», - прочитал еще раз знакомую фразу Петров под аккомпанемент коротких гудков телефонной музыки. Но мысли, которые пришли в голову при первом прочтении, забылись. «Вот заинтриговал, - думал Петров, - сейчас сиди думай, что за работа? Когда? Где?

* * *

Петров пришел в точно назначенное время к дому, расположенному в центре города. В коридоре офиса толпились молодые люди. Крепкие, поджарые, все как один одетые в куртки- дубленки турецкого происхождения, на головах - у кого черные суконные фуражки с клапанами, у кого черные шерстяные шапочки. Руки у всех заложены в карманы, плечи опущены. Какая - то выработанная стойка борца, всегда готового к защите и нападению. Вся компания обратила внимание на Петрова. «Не свой», - почувствовал на своей

спине взгляд-оценку Петров, хотя смотрели по - разному одни с любопытством, другие с подозрением.

Петров прошел мимо этой группы людей, осматривая помещение, искал глазами нужного человека, привыкал к незнакомому месту. Филологова, которого он должен был встретить, не было. Петров встал ближе к стенке, облицованной светлым пластиком, слушал потрескивание ламп дневного света, ждал.

Прошел час: Филологова не было. Петров, который всегда страдал от своей пунктуальности, разозлился на незнакомого ему человека и покинул офис.

Поздно вечером, часов в двенадцать, когда уже домашние легли отдыхать, телефон всхлипнул протяжно - одиноко.

- Старик, мне сказали тебя не было, - бубнил в трубку знакомый.

Петров обиженно огрызнулся:

- Ты что, меня за мальчика принимаешь?

- Да ладно, старик, не обижайся, такая уж здесь контора, да и шефа, на которого надо работать, пока нет в городе, он в командировке. Приходи послезавтра в это же время, Ну пока. Телефон отключился.

«Вот тебе и контора, шарага, - думал Петров, - хотя все чисто понашински, необязательность».

Петров еще раза два заходил в указанный офис. Но результат был отрицательный, и осмотревшись в незнакомом месте, он уже смело входил в разные комнаты, не зная, принадлежат ли они данному офису или нет; и везде, даже в приемной, когда он спрашивал: «Будет ли сегодня Филологов?», - ему отвечали однозначно: «Не знаю». Хотя в глазах всех, к кому он обращался, видел вопрос: «Собственно, а ты кто, чтоб давать тебе информацию? Рэкетир? Конкурент? Налоговый полицейский?»

Петров не обижался на людей, он понимал ситуацию, в которой жили они и он сам. Россия выходила на второй круг рыночных отношений, делала вторую попытку развивать капитализм и создала свою - никому не понятную все дозволяющую - демократию. Он искал Филологова, которого ни разу не видел, но о котором наслышан от знакомого, и к которому уже был настроен с недоверием. Даже сама фамилия его стала раздражать. «Филологов, - думал Петров, - это что -

осколок целой науки или отдельно взятого факультета? Или просто взял и заменил свою отцовскую невыразительную фамилию типа - Сикин или Череззаборвысоконогузадерищинский? На такую научную. Теперь что? Были бы деньги».

Петров улыбнулся своим каламбурам. Выползшая на его лицо улыбка оказалась как раз кстати.

- Не вы будете Петров? - спросил его мужчина.

- Да я, Петров! - ответил посетитель, расширяя выползшую улыбку и пожимая протянутую руку.

Они изучали друг друга взглядами.

Петров увидел перед собой человека, одетого в добротные зимние ботинки, черные шелковые брюки, серый пиджак, черную рубашку. «Модно», - отметил про себя Петров. Нос мясистый - большой, глаза выпуклые неспокойные, лоб средний, волосы неопределенные - то ли светло- рыжие, то ли светло- серые. Губы полные, когда говорит - на нижней губе образуется пятно пены, которое поднимается паутиной вместе с верхней губой, в углах рта от этого образуется темная запеканка. «Как у молодого воробья, - подумал Петров, - но у воробья с возрастом это проходит, а у этого по-видимому, надолго. Что, платка у него нет? Вытереть не может. Интересно, что он о мне подумал? У меня старый доперестроечный костюм, нос картошкой, но у меня пены на губах нет. Это уже хорошо. Но чего-то у него нет на лице?»

- Пройдемте в офис, что стоять в коридоре, - предложил Филологов.

В комнате, в которую они вошли, было сплошь все заставлено оргтехникой. Пять-шесть компьютеров, за которыми сидели мальчики: кто набирал текст или строил график, а кто молча раскладывал электронный пасьянс, на полу стоял ризограф, на столе ксерокс. Старая пишущая машинка стояла в углу.

- Знакомьтесь, - представил Филологов.

Петров протянул руку каждому, назвал себя - Николай Николаевич. Олег, Андрей, Марк, Клавдия Михайловна - назвали себя присутствующие.

Филологов предложил еще подождать минут пять. «Вдруг кто-нибудь еще подойдет», - заключил он. Все молча прождали еще с полчаса, но никто так и не появился. «Слабо тут с кадрами», - подумал Петров.

- Начнем, - обратился ко всем Филологов, - меня зовут Федор Иванович, идеолог группы поддержки по выборам в Законодательное собрание области Выносина Бориса Павловича. Это молодой человек, двадцать восемь лет, ну чего говорить, сами его узнайте.

- Нам бы его программу, - протянул кто-то.

- Будет, все будет, - успокоил Филологов. Давайте распределим между собой районы нашего округа. Так, в город Бирючевск кто едет? Петров вскинул руку. - Пишем - Петров. Волшемак - Бездомных. Ацилатский район - Найбуразов. Амшитский и Мылогутский? - Все молчали.

- Ладно, - пробурчал Федор Иванович, - завтра видно будет. Завтра в восемь утра встречаемся здесь и выезжаем по районам.

Утром собирались долго и неорганизованно. Объявился сам кандидат. Петров сразу и не заметил его появления. Крутится какой-то молодой человек, все к нему обращаются по имени - Боря, Борис.

- Кто это? - обратился Петров к ближайшему парню.

- Шеф, на которого будем работать.

Петров присмотрелся к нему повнимательней. Молодой парень, чуть рыжеватый, под такими же бровями - голубые глаза, под ними две подушки вздернутых розовых щек, а между ними прямой нос. Тяжелый подбородок и развал щек постоянно двигались под воздействием неисчезающей улыбки. Рост ниже среднего. Коренаст.

«Хорош гусь, - думал Петров, - уже определился в кандидаты. Это уже результат демократии. Интересно, попал бы он кандидатом в депутаты областного совета при советской власти? Ведь там все было по трафарету, чтоб была соблюдена структура: столько-то женщин, столько-то мужчин, да определенного возраста, да определенного образования - из рабочих, крестьян, из прослойки интеллигентов. Но главное еще не это. Главное - надо было чем-то понравиться мастеру, начальнику цеха, конторы, организации, инструктору райкома, а еще раньше - какому-нибудь члену парткома. А где та граница? Кто ее мог определить? Достаточно было мнения одного начальника - он мне не нравится - и все: человек выпадал из обоймы номенклатуры. Но даже если произвел впечатление -

через четыре года на следующие выборы, наверное не подойдешь по возрасту - уже стар. Акмэ обеспечено».

- Ты чего задумался? - толкнул в бок Петрова сосед, - бери, вон на столе, календари карманные и настенные, листовки, газеты.

Выносин уточнял задачу: каждый по приезду в свой район определяет место жительства, знакомится с обстановкой и людьми, формирует сеть агитаторов.

В девятку «жигулей» ввалилось сразу пять человек. Машина осела, приняв на себя вес под четыре центнера. Сели молча. Долго выбирались из центра города. За последние годы количество машин в областном центре резко возросло. Пока выбрались на двухстороннее шоссе, стало совсем светло. Где-то далеко, в Нагано, шли зимние олимпийские игры. Телевизор ежедневно приносил информацию о радостях побед, горестях поражений, о заботах хозяев о снеге, а здесь, за стеклом машины, снег не успевали убирать.

В салоне машины молчали.

- Как там на олимпиаде, в Нагано? - задал вопрос Петров, - ему представлялось, что о погоде и спорте могут говорить все. Но по салону прокатилось только какое-то снисходительное хмыканье. Откликнулся только Андрей, водитель «жигулей»:

- А я вообще не увлекаюсь спортом.

Разговор затих не начавшись. Петров заерзал на сидении: где-то в дверцах машины было отверстие, и через него, как через сопло, дул холодный поток воздуха. Правое колено Петрова замерзло, он натягивал полушубок, стараясь согреть озябшее место, отвлекаясь от этого непонятного молчания. Андрей вел машину уверенно-спокойно, стрелка на спидометре постоянно стояла на 100-120 километрах, прошелестели над крышей машины мосты дорожных развязок, промелькнул сосновый лесок - дорога вышла в заснеженное поле. Все здесь было знакомо Петрову до мелочей. Восемнадцать лет, пока он работал в техническом институте, каждый сентябрь - хоть в теплые дни бабьего лета, хоть в ненастные дождливые - обязательно их, преподавателей всех кафедр, везли сюда убирать картошку или морковь, или свеклу. Редко привозили на автобусе, в основном ехали на электричках за свой счет и работали бесплатно. «Но деньги за выполненную работу кто-то получал,

- думал Петров, - куда и кому они шли?» Любые вопросы или возмущения пресекались из ректората и парткома. Собственно, открыто никто и не возмущался. Внешне все были милыми сознательными людьми, но работали спустя рукава, на полях все больше из года в год оставалось неприбранной картошки. Общественный нарыв все развивался и зрел. Все чувствовали его боль, обратиться за помощью было не к кому. Все думали: «Само по себе заживет».

Но...

Но в России сто километров - не расстояние.

- Приехали, - закричал Андрей, - город Бирючевск. - Все зашевелились, встряхивая дрему. Петров пожал всем руку. Машина ушла дальше. Он остался в Бирючевске.

Бирючевск. Петров стоял на крыльце гостиницы и думал о городе в стиле словаря Брокгауза и Ефрона, его интересовало, сколько же здесь заводов и фабрик, школ и больниц, церквей и музеев, сколько здесь живет людей мужского и женского пола, пенсионеров и ветеранов. Конечно, в общих чертах он представлял себе этот город, но ему нужны были люди, с которыми нужно работать.

Петров отправился гулять по городу. Февральская поземка струилась по улицам города, строго спланированного с севера на юг и с востока на запад. Ветер гнал снежную пыль в открывающиеся двери магазинов, за ворот редких прохожих, засыпал тротуары. Петров шел по улицам, прочитывая по пути все вывески магазинов, учреждений и наклеенные местные объявления. Вышел на центральную и единственную площадь города. Она не была элипсообразной, как в Петербурге у Зимнего Дворца, или квадратной, как в Екатеринбурге, - дома на этой площади образовали неправильный треугольник. В центре площади стояли два снежных истукана: Дед Мороз и обезглавленная Снегурочка, за ними торчал пенек спиленной новогодней елки, а еще дальше примостился на малом пьедестале и малый ростом, но с высоко поднятой рукой, с отвалившейся известкой и занесенный снегом на фуражке и плечах раскритикованный и забытый вождь.

Скромная колоннада дорического стиля, подчеркивала скромность этого города и была представлена на всех трех сторонах площади. Для общего знакомства с городом этого обзора было бы достаточно, но это не была обычная экскурси-

онная прогулка - это была работа. Петрову пришлось идти вдоль всех домов треугольной площади, чтобы знать, какие организации теснятся на столь обширном пространстве. Общежитие техникума, - читал Петров, - районная библиотека, ага, а вот и сам техникум, здание с колоннами, далее ДК завода огнеупоров, администрация города с потускневшими красками флага страны на крыше, художественная школа, колоннада музыкальной школы, редакция газеты и музей. Обход площади закончился в исходной точке. Но на этом не закончилась, а только начиналась работа. Пять уличных лучей-коридоров вытекало с центральной площади. Петров выбрал южное направление, пошутив про себя: «Может, там теплей».

«Но в выборах участвуют не дома и организации - а люди, - размышлял Петров, - иди к людям, там и согреешься».

«Детская библиотека» - гласила вывеска на одном из трехэтажных покрытых розовым колером домов. Молодые женщины скучали в утреннем одиночестве. Вся их работа начиналась поздней, когда после школы юные читатели прогонят их скуку своим неугомонным шумом и радостью жизни. Библиотекарши скучали, но от дополнительной работы отказались, после того как Петров вручил им карманные календарики будущего кандидата. Его напоминания об их мизерной оплате труда не возымели действия.

- Поговорите с заведующей, - был их ответ. Моложавая заведующая, выслушав внимательно Петрова, обещала подумать, но в ответе ее звучала озабоченность и тревога. «Значит, здесь есть давление сверху» - отметил про себя Петров.

В местном управлении сельского хозяйства, куда Петров зашел подгоняемый северным ветром в спину, ему даже не выслушав, дали понять, что аграрники и коммунисты выдвигают своего кандидата. Петров знал об этом политическом шаге своих оппонентов, но на всякий случай уточнил.

- Высогуров, председатель колхоза?

- Какое это имеет значение, - ответил уклончиво заместитель начальника управления, - вот пройдет регистрация - тогда и будет все ясно. А сейчас что говорить. Но за вашего молодого человека точно голосовать не будем.

- Спасибо за откровенность, это тоже интересная информация.

Мужчины пожали друг другу руки. Петров вышел из жарко натопленного помещения и вновь оказался на улице. Был конец рабочего дня, количество людей на улицах города резко возросло, все спешили домой к своим семьям. Петров обдумывал ситуацию: «Если сегодня еще что-то и можно сделать, так только в общежитии».

Вечером Петров отправился в одно из заводских общежитий, и когда он на кухне этого общественного жилья обратился к оказавшимся здесь людям с предложением поработать агитаторами в предвыборной компании, ответом было молчание или уклончивое неясное мычание.

- Я этим не занимаюсь, - сказал один мужчина, одетый в домашнее растянутое трико и спешно покинул кухню. За ним боязливо шмыгнули другие обитательницы дома. Только одна молодая женщина задержалась.

- Конечно, деньги нужны, - стеснительно призналась она, - но я ничего не умею. Боюсь, получится ли?

- Не волнуйтесь, - заверил ее Петров, - я вас научу, дам все необходимые материалы. Все будет нормально.

«Итак, - подводил итог дня вечером Петров. - Первое. Нашего кандидата никто не знает. Это так и должно быть. Он не какое-нибудь эстрадное диво, известный хоккеист или экстрасенс. На то ты и здесь, чтобы раскручивать его имидж. Второе. На местах уже вовсю работают общественные движения: «Заводское объединение» - в организациях есть их газеты - и особенно «Наш дом - наша гордость», у которого лежат во всех библиотеках, музеях, ДК и общественных организациях красочно выполненные буклеты с изложением программы действий - и это все задолго до официального объявления выборной компании. Третье. Не паниковать. Работать.»

После ознакомительной поездки по районам все вновь собрались в областном центре в офисе Выносина. Кандидат выслушал отчет каждого о проделанной работе. Петров доложил о своих впечатлениях, о роли движения «Наш дом - наша гордость».

- Ничего страшного, - отметил Выносин, - они нам не конкуренты, они пойдут по спискам движения.

- Кто из конкурентов ожидается?

- Местные коммунисты и аграрники собираются выдвинуть своего.

- Это Высогурова, что ли? - уточнил он.

- Да.

- Так. Бог с ним, пусть выдвигается.

- А еще, я слышал, будет по нашему округу баллотироваться председатель Законодательного собрания области, - уточнил Андрей.

- Ну и что, - рассмеялся Выносин, - я с ним готов хоть сейчас сразиться. Этот провалится, вот увидите.

Стали докладывать другие работники. Выносин резко отчитал опоздавшего и представил всем - Новошумов Петр. И тут же обратился к Петрову:

- Николай Николаевич, он будет работать с вами. Вы отвечайте за весь район, но вы работайте в городе, а он на селе. Ты, понял, Петя?

- Понял, - понуро ответил Новошумов.

Петров отметил, что кандидат не робеет перед уже сложившимися авторитетами, знает ситуацию и владеет информацией, может поставить на место нерадивого. Держится уверенно. «Ну что ж, неплохо, - думал про себя Петров, - с таким интересней работать. Но что он за человек? Что у него за душой? Зачем выдвигается в депутаты?»

Далее докладывал Филологов. Делал анализ предвыборной ситуации в округе, повторял практически то, что люди, ездившие по районам, уже знали. Главное, - продолжал Филологов, - для нас сейчас - сбор подписей в поддержку кандидата и он пересказал инструкцию областной выборной комиссии. И от себя добавил: когда будете проводить работу со своими подписчиками, скажите им, чтобы карманные календари с фотографией нашего будущего кандидата давали после подписи, как поощрение, а не перед подписью, а то получается как бы плата за подпись, психологически неверно.

Филологов говорил уверенно, показывая прежде всего Выносину, какой он опытный имиджмейкер, что прежде всего он, а не бригада поддержки, сделает из куска глины, из никому не известного предпринимателя Выносина депутата областного Законодательного собрания. Филологов говорил, слюнявя губами и как-то подергивая плечами, от внутреннего самовозвышения, что ли, отчего речь его получилась неубедительной. Календари нужно раздавать на улице детям, лучше девочкам, с условием, что они покажут родителям. Скоро день Защитника

Отечества, - продолжал Филологов, - надо договориться с директорами ДК об аренде зала, найти артистов местной самодеятельности. Если будут подарки, то их раздачу следует организовать через ведущих концерты женщин. «Да, - отметил про себя Петров, - у этого идеолога вся работа строится с ориентацией на самую эмоциональную часть человечества».

Итог подвел Выносин. Он кратко определил цель на ближайшую неделю. Совещание закончилось. Все зашевелились, зашумели и пошли курить. В курилке выяснилось, что ответственный за Мылогутский район всю неделю служил Бахусу. Район остался без префекта, как в Римской империи.

Работа по сбору подписей в поддержку кандидатуры Выносина шла как-то вяло, в отделе занятости, куда Петров пришел привлечь к временной работе безработных, к его предложению отнеслись с недоверием. Несколько человек, было взявшихся за дело, отказались: надо ходить по домам, надо объяснять людям необходимость сбора подписей. При этом сами будущие избиратели не понимали значения этой акции. Им представлялось, что, поставив подпись в поддержку какого-то кандидата, они как бы брали на себя обязательство и голосовать за него в день выборов. Агитаторы разъясняли право каждого гражданина поставить столько подписей в поддержку кандидата, сколько их изъявит желание баллотироваться на выборах. Сбор подписей в поддержку кандидата - это еще не выборы. Если будет зарегистрирован один кандидат, значит, выборы не состоятся. Такое общение с людьми пугало безработных, неумение перестроиться останавливало людей. Петров зашел в контору госстраха, и там опытные женщины, всегда работающие с людьми, быстро поняли смысл требований и взялись за предложенную работу.

Петров отправился в отдел культуры района, ему хотелось выяснить причины настороженности работников библиотек. Крупная женщина, с накопленными за годы жизни формами, равнодушно встретила гостя.

- Знаем мы, знаем, чем вы занимаетесь, - начала она разговор, - раздаете календари еще не зарегистрированного кандидата.

- Раздаем. Это же законом не запрещено. На календаре нет никаких призывов, а как частное лицо Выносин имеет право,

как все, издать подобную вещицу. - Петров подал ей календарь. Женщина приняла его и спрятала в стол.

- Хотелось бы с вами заключить договор об аренде большого зала ДК и концерте вашей самодеятельности, - продолжил разговор Петров.

- Вечер, посвященный дню Защитника отечества, у нас будет один, общегородской. Хотите - подключайтесь, но что бы никакой пропаганды. Остальное согласовывайте с директором ДК, - ответила женщина голосом инструктора.

Петров вышел из офиса и направился в ДК. Он понимал, что в этом городе им поддержки не будет. Директор ДК предложила очень высокие ставки за аренду помещения, а за концерт местной самодеятельности выдвинутая сумма превосходила концерт заезжей московской эстрадной звезды. Выносин отказался от предложенных условий и упрекнул Петрова за неумение вести переговоры. Все объяснялось просто. Местные власти рассчитывали поправить свои финансовые дела, предлагая высокие ставки аренды помещения и затрудняя условия работы приезжему кандидату. Работники ДК сокрушались и с пониманием -охали. Они хотели на этих концертах хоть что-то заработать.

- Оно и понятно, - говорила с сожалением заведующая массовым отделом ДК, - вы тут поработали и уехали, а нам оставаться. Вон на прошлых выборах мы поддержали конкурента нынешнего мэра города, так он нас сейчас постоянно третирует.

Петрову стало ясно, почему работники культуры и учителя настороженно отнеслись к предложениям о сотрудничестве. В одной из школ, преподаватели которой бастовали против не выплаты заработной платы и критиковали главу администрации района, заработанные деньги выдавались с большей задержкой, чем остальным школьным коллективам.

Торжественное собрание и концерт по случаю дня Защитника отечества состоялись в ДК. С докладом выступал руководитель местных ветеранов войны и труда. Он без всякого стеснения, подражая лидеру российских коммунистов, критиковал руководство страны и области за развал армии. Молодежь в зале откровенно разговаривала и смеялась, а солдаты городского гарнизона, разбивая кирпичи голыми кулаками,

показали, что в России, конечно, плохо, но не до такой степени, чтобы истерически паниковать.

Петров ненавязчиво работал: раздавал карманные календари, формировал сеть агитаторов.

В гостинице Петрова ждал сюрприз - новый жилец. Новый, но уже знакомый - Новошумов.

- Привет, Петро, - приветствовал Петров своего напарника по работе, валявшегося в постели.

- Сколько времени, - спросил сонным голосом Новошумов.

- Одиннадцать вечера. Ты рано лег.

- Хотел часок вздремнуть. Да вот получилось...

- Ночью что будешь делать?

- Спать, - уверенно возразил Петр.

Он действительно уснул и спал всю ночь счастливым детским сном. Утром встал и, не заправив кровать, уехал в район.

К Петрову шли люди: уточняли условия работы, приносили подписные листы в поддержку кандидата. Незаправленная кровать зияла казенными простынями.

Вечером, когда появился Новошумов, сосед по комнате спросил его:

- Ты чего кровать не заправляешь?

- А что?

- Народ приходит, неудобно как-то.

- Подумаешь - народ, перебьется, - ответил Петр снисходительно.

- Ты понимаешь, что работаешь в бригаде поддержки, сейчас твои поступки расцениваются, как поступки кандидата, ты уже не принадлежишь себе.

- Какой он кандидат, - такой же парень, как я.

- Как у тебя дела по сбору подписей? - увел разговор в другую плоскость Петров.

- Да так, - ответил уклончиво Новошумов, - соберем.

С опозданием на неделю от намеченного срока подписи в поддержку кандидата были собраны. Все подписные листы были внимательно рассмотрены по очереди всеми работниками бригады поддержки. Анализ выявил много подделок и нарушений инструкции по сбору подписей. Всем агитаторам хотелось получить «живые деньги», но не все отнеслись к этой работе честно. В окружную избирательную комиссию были

представлены списки с некоторым запасом, то есть больше требуемого количества.

Выносин был зарегистрирован третьим по счету кандидатом. Это имело определенное значение: как в тяжелой атлетике при равенстве поднятых килограммов победу присуждают тому, кто легче весом, так и здесь в случае равенства набранных голосов победа будет присуждена тому, кто раньше зарегистрировался.

На следующий день в районной газете появилась заметка: «Третий будет первым». «Совсем не скромная заметка, - думал, читая газету, Петров, - но скромными воспитывали раньше, так было выгодно власти, но ни один скромный не покорил ни одной крепости. Пусть больше привлекает к себе внимания».

Появился начальник штаба. Женщина лет тридцати, в модных ботинках на платформе с тупыми носками, джинсах и свитере. Лицо невыразительное, серое, глаза постоянно закрывают прямые светлые волосы, сосульками спадающие с середины головы. Женщина часто дергала головой, чтобы убрать волосы с лица, заправляла их руками за уши, но волосы упрямо ее не слушались. Надежда Абодузова пыталась говорить тоном наставника, но в голосе ее не чувствовалось уверенности, она повторяла в основном слова Выносина. Для молодых, работающих в бригаде, она стала неавторитетным ровесником, а для старших - неопытным сотрудником.

С утверждением кандидата в депутаты в избирательной комиссии началась основная работа. Уже через день подготовленная Петровым бригада агитаторов вывесила в городе небольшие черно-белые листовки с программой и биографией Выносина. Ставка делалась на пенсионеров. Кандидат выступал против экономии государства на стариках, за своевременную выплату зарплаты, против пьянства. На фоне грязно-серого снега, резко выделялась голова кандидата с грустным взглядом, галстук как бы уводил взгляд прохожего к лозунгу: «Так жить нельзя».

Хотя к исходу следующего дня многие листовки были сорваны конкурентами, ветром, мальчишками, но город узнал о существовании одного из своих кандидатов в депутаты.

В гостинице Петрова встретили служащие с жалобой на Новошумова.

- Он что у вас - ненормальный? - жаловалась заведующая. Посмотрите, Николай Николаевич, он извел всех моих женщин.

В голове Петрова промелькнула мысль: «Приставал», но он уточнил:

- А в чем дело?

- Обвиняет дежурных, что у него сгущенное молоко в банке отпили.

- Как это? - удивился Петров.

- Вот и мы думаем, как это? В железной банке иди измерь. В прошлый раз устроил скандал: мыло у него, видите ли, использовали. Обзвонил по домам всех дежурных и с каждой спросил, кто его мылом пользовался. А ведь дома семья, что подумают? Оставил в умывальнике, а посетителей мало что ли? Прямо грех с ним.

- Не обращайте внимания, он еще ребенок, - хотел смягчить ситуацию Петров.

- Какой ребенок - двадцать пять лет, с высшим образованием. Ребенок, - возмущалась заведующая.

- Ладно, поговорю с ним. Просто человеку хочется показать себя.

- Пусть на работе себя показывает, а здесь нечего куражиться.

В номере гостиницы были двое: Новошумов и Клавдия Михайловна, которая с выступлениями в поддержку кандидата ездила по деревням района.

Петр полулежал на кровати, опершись головой о стену. Женщина сидела на стуле, сбросив свою искусственную шубу. Серая зимняя юбка делала ее сутулую фигуру совсем невзрачной. Ждали машину.

Петров поздоровался. Взял листовку с биографией кандидата. В тексте листовки ему не совсем были ясны отдельные моменты из жизни Выносина. Петров для уточнения спросил:

- Клавдия Михайловна, вы его лучше знаете, раньше с ним работали, что это?

Женщина уклонилась от прямого ответа.

- Новошумов начал рассказывать, живописуя кандидата в не совсем ясных образах. Петров перебил его.

- Кто же допустил эту информацию?

-Кто-кто - идеолог, Филологов, кто больше? - ответил Новошумов. Он вообще на двоих работает, на нашего и еще на одного из другого округа. Может быть, он специально сделал.

Разговор прервал шофер. Клавдия Михайловна и Новошумов уехали в район.

Вечером было совещание у Выносина в Бирючевске. Съезжались со всех районов округа. Собирались долго и шумно. Вещало радио, кричал телевизор, приезжающие громко приветствовали друг друга, обменивались новостями. Последним приехал Выносин, за ним шофер нес костюм, пару рубашек с галстуком на деревянной вешалке. Филологов с Новошумовым держались подле холодильника и при удобном случае тащили себе в рот все, что попадало под руку. Абодузова бросала на них сердитые взгляды, но они не обращали на нее никакого внимания.

Совещание началось поздно, часов в двенадцать ночи. Выносин в домашней клетчатой рубашке, в джинсах и тапочках, выглядел совсем мальчиком. Но голос и деловая хватка показывали, что этот человек в свои двадцать восемь лет уже вкусил силу власти и сладость денег. Петров невольно сравнивал его с Новошумовым. Почти ровесники, разница всего в три года, но Петька Новошумов - это Петька, он сидел в уголке скромно. Он боялся Выносина, да и характер его был слабый и заносчивый. Из Петра можно было сделать все, что угодно: порядочного человека, преступника. Он был готов и на мелкий, и на крупный, в хорошем смысле слова, поступок. Все зависело от того, кто будет возле него на жизненном пути. Новошумов за глаза, чувствуя равенство лет, посмеивался над Выносиным: «где тут портреты нашего героя», - кричал он, выхватывая пачки листовок с материалами агитки. Но на совещании, видя разницу в положении, сидел тихо и говорил робко. Такие люди нужны сильным личностям. Петров продолжал задавать себе вопрос: «На кого же мы работаем?»

Выносин объявил, что по округу зарегистрировано десять кандидатов в депутаты на одно место. Спросил мнение каждого: кто же, на их взгляд, основной конкурент. Собравшиеся начали громко говорить, но все пришли к единому мнению - Вееров, но каждый дополнительно выделил роль кандидатов от местных организаций. Андрей Беззлобных, мужчина лет

тридцати, мягкий, круглый, как женщина, спутал деловой настрой совещания, он задал всем только один вопрос:

- А, вот как, объясните, я не понимаю, почему именно Вееров?

Закричали со всех сторон: да он богач, смотри, какая агитка, его поддерживают уже сейчас депутаты областной думы.

Выносин объявил перерыв.

Хотя на всю выборную компанию в команде был объявлен сухой закон, Андрей Беззлобных выставил на стол бочонок пива «Балтика». Молодежная часть команды, а она состояла в основном из студентов и аспирантов, начала дружно обсуждать, как прикрепить ножки к бочонку, как вставить кран. Филологов крутился возле стола, подсовывая некоторым бумагу - прочти, а спустя некоторое время задавал вопрос: «Ну, как?».

Петров прочел:

- Это же антипропаганда. Ты писал?

Филологов хмыкнул, делая умный вид:

- Какое это имеет значение, кто писал. Пойдет?

В листовке был материал, в котором конкурент-кандидат якобы признавался, как используются средства от гидролизного завода.

Молодежь наконец настроила бочонок - и светлое пиво потекло по кружкам и стаканам. Все немного взбодрились, стали разговорчивей.

После перерыва все расселись полукругом подле ведущего собрание. Петров оказался почти за спиной Выносина, который призывал всех собирать любой материал о всех девяти конкурентах. Абодузова стояла рядом с ним плечом к плечу, что-то повторяла из слов начальника. Выносин коснулся рукой ее седалищных мышц и массажировал их, женщина не сделала ни одного движения, чтобы освободиться, ни один мускул на ее сером лице не дрогнул. Сосед толкнул локтем Петрова. Он улыбнулся: «Вот Блин Клин», но здесь не Америка, никто жаловаться не будет.

К столу подошел Филологов, его лицо раскраснелось от выпитого пива, неспокойные глаза бегали по лицам присутствующих, пена на губах при разговоре вытягивалась белой ниткой, он говорил о новых технологиях в выборной кампании, но не раскрывая конкретно намеченных мер. Все успокои-

лись в своих движениях, понимая, что дальше начинается работа на грани порядочности, некоторые смутились при таком повороте дела.

Реплика Андрея: «А, вот как, объясните...» вызвала улыбку, но не сбила с начатого обсуждения. Петров заявил, что он не видит корреляции между конечным результатом и этими новыми технологиями.

Совещание закончилось часа в три ночи, все расходились усталые. Кандидат попросил задержаться тех, кто поддержал новые технологии. Среди них оказался Петр Новошумов. Он явился в номер гостиницы ранним утром, шумел, натыкаясь на стулья, шуршал одеждой, разбудил Петрова.

- Ты чего шумишь? - сонно пробурчал Петров.

- А ты что, ни разу в выборах не участвовал? - высокомерно огрызнулся Петя.

- Ты это с кем разговариваешь? - поднял голову над подушкой и решительно прервал наглость Петров. Кто? я в выборах не участвовал! Твои папа с мамой еще детьми были, когда я это делал.

- А, Вы..., - начал Новошумов.

- Спать! - резко остановил его Петров и отвернулся лицом к стене. Но уснуть он не мог.

Петров провалился в прошлое, как в сон. Перед ним выстроилась целая цепь воспоминаний о тех выборах, которые он знал и в которых участвовал.

Первые выборы, которые он вспомнил, были связаны с сороковыми годами, он восстановил даже точную дату - февраль 1947 года. В тот день они всей семьей сошли с поезда на заснеженный перрон глухой уральской станции. Родители озабоченно суетились и оставили его с сестрой на незнакомом вокзале, успокоив ничего не понимающих детей: «Посидите тут, смирно, мы сейчас, только проголосуем и придем, тогда и домой пойдем». Когда родители вернулись, они всей семьей прошли мимо деревянного клуба, подходы к которому были широко расчищены от снега, а по бокам, на образовавшихся сугробах, были воткнуты молодые елочки и плакат: «Все на выборы». Дребезжала, прерываемая ветром, гармонь, визгливо вторили бабьи пьяные голоса. Много поздней Петров понял, почему родители в первую очередь пошли голосовать, а только

потом занялись устройством семьи на новом месте. Был строгий контроль, и если не проголосовал, да еще член партии, то его ожидало суровое осуждение на партийном бюро. Тогда боялись и уважали Советскую власть. Верили руководству, все были равны в бедности, восстанавливалась страна после военной разрухи.

Затем Петров вспомнил свои выборы. Он служил в армии, конец пятидесятых годов, он был доверенным лицом генерала Ангелова - конечно, он не был знаком с генералом, но ему поручили. Был Петров и членом счетной комиссии, в выборах участвовали все избиратели и тогда верили руководству страны, поскольку в магазинах было все. Коммунизм - это светлое будущее - в то время многие видели вытягивая шеи и приподнимаясь на цыпочках: казалось, вот он забор, подставь ящик - и ты перемахнешь через эту невидимую границу, через эту преграду, что отделяет тебя от небывалого всеобщего благоденствия. Так казалось, так воспитывала идеология.

В семидесятые годы надломилось доверие к руководству, рядовые коммунисты честно работали на своих рабочих местах, оправдывая исчезновение отдельных продуктов «временными трудностями», народ им верил, но ухмылялся. На избирательных участках сокращалась явка, агитаторы доставали своих избирателей до последней минуты. Еще в начале семидесятых можно было видеть, как первый секретарь райкома шел к отказнику и вникал в его проблемы...

Петров, как член избирательной комиссии в группе с другими подошел к домику отказника, и, когда секретарь открыл дверь, на него качнулась заиндевелая тряпка, и они только отодвинув ее, все вошли и заполнили туманом комнату с плесенью по углам, с отвисшими почерневшими обоями, тесную, как предбанник. Секретарь помолчал с минуту и сказал: «Иди голосуй, через месяц я постараюсь улучшить твое положение». Секретарь сдержал слово.

Тогда многие избиратели утратили страх перед партией. Они поняли: можно протестовать. Ко дню выборов у властей появлялось много житейских требований: починить крышу дома, благоустроить двор, проложить асфальтовые дорожки, улучшить жилищные условия - как будто без выборов это нельзя было сделать.

- И-и эх! - выдохнул из себя воздух Петров и повернулся на спину. За окном мутнел рассвет. Он закрыл глаза, силясь уснуть, но мысли его были взбудоражены.

...Пустели полки магазинов. Партийные лидеры, казалось, потеряли ориентиры в пределах своего государства. Все, кто у власти, стали жить все лучше и лучше, забыв о романтике и энтузиазме ушедшего поколения, а самое главное - о нуждах рядового избирателя. Ездили за границу, строили отдельные дома для себя и своих домочатцев - «дворянские гнезда» - прозвали их тогда в городе, отдельные санатории, столы заказов, обкомовские столовые с меню, превосходящим ассортимент любого ресторана: вход по пропускам, и рядовых членов партии туда не пускал милиционер. Для секретарей создали новую машину, внешне черную, как ворона, обтекаемые формы с тупо свистящими тормозами. Тогда секретарей больше волновало, как решить дефицитную проблему, где достать тормозные колодки, которые бы не скрипели, не раздражали бы их начальственный слух.

Совершенствовалась выборная система. Крайний срок выборного дня сместили с двенадцати часов до десяти вечера, день выборов перенесли на лето. Удобно. Легко объяснить. Не пришел избиратель, значит: на даче, в лесу, в отпуске. Каждый агитатор тогда запасался справкой, типовой, отпечатанной на машинке, с печатью и подписью секретаря райисполкома. Агитаторы, не говоря уже о секретарях райкома, перестали ходить по адресам и квартирам, а терпеливо ждали на избирательном участке до 21.55. За пять минут они заполняли готовый бланк и сдавали в избирательную комиссию. Это не считалось не явкой избирателя, это считалось - «уважительной причиной». Но одно оставалось неизменным: все кандидаты в депутаты, всех уровней, назначались партийными органами.

В середине восьмидесятых по стране прошел робкий ропот: «А в Венгрии не так, у них выбор есть». На что у нас тогда последовал ответ: «Мы - не Венгрия». Просто, ясно, но неубедительно.

К девяностому году почти все население большой страны в одночасье сделалось диссидентами. С этим справиться было невозможно. На первый съезд Советов приехали бескорыстные, но крикливые, никого не слышащие, как глухари на току, депутаты. Они эмоционально и глупо кричали, разыгрывая

трагические сцены с пустым концом. Весь народ страны припал к телевизорам, смеялся и плакал, ждал решения. Народ ждал, что депутаты опомнятся. Все ждали немой сцены: «К нам едет ревизор», - но ревизор не появился.

Петров открыл глаза. На дворе рассвело.

- Вот поросенок, не дал выспаться, - огрызнулся он на храпевшего соседа.

Оделся и пошел умываться.

Петров шел по центральным улицам города.

Был конец марта. День был светлый, солнечный, но прохладный, весна оказалась затяжной, но все равно чувствовалось, что зима отступила. Синицы пели свою весеннюю песню, а воробьи стаями налетали на черное, еще зимнее дерево, сидели нахохлившись и выжидали, у какого окна откроется первая форточка и оттуда выбросят хлебные крошки для них - бездельников. Снег почернел и осел. На улице работала снегоуборочная техника. Черный, пропитанный соляркой трактор ДТ урчал, вздымая снег выше своей крыши. Самосвалы терпеливо ждали своей очереди под погрузку, и только маленький, юркий, сине-белый трактор, сжатый, как спичечный коробок, у которого было все: и ковш для погрузки снега, и нож для его собирания, и мобильность, и энергия. Трактор «Мастер» суетился, делал несколько поворотов на одном квадратном метре, тарахтел, делал массу работы, выталкивая снег из труднодоступных мест, но росту «Мастеру» не хватало, не мог он закинуть снег на высокий КАМаз, ему подали тракторную тележку.

Народ стоял, дивился компактному, юркому трактору, но, замерзнув, уходил дальше. Петров тоже наблюдал за этим новым помощником человеку, но он не просто гулял по улицам города - он смотрел наглядную агитацию предвыборной кампании.

Улицы города пестрели красками плакатов и листовок, как в новогодней ночи блестит гирляндами украшенная елка. Преобладали красные и синие цвета.

На улицах города развернулась война плакатов.

«Немудрено, - думал Петров, - зарегистрировалось десять независимых кандидатов и еще несколько общественных движений. Сколько денег развесили по улицам».

Черно-белых листовок Выносина не было видно вообще, остатки их уже давно заклеили конкуренты, но конкуренты остались в проигрыше: этот этап работы мы закончили раньше и больше листовок на улицах города не вывешивали.

Петров шел по улицам, останавливался, читал, в одних случаях он просто смеялся, в других удивлялся или хмыкал себе под нос.

Плакаты и листовки были развешены в нарушение указа главы администрации города. Но в этом агитаторов нельзя было винить. Отведенные места были не готовы. Главная доска объявлений в центре города, на которой разрешено вывешивать агитационные материалы, была заполнена старой информацией еще советского времени.

Особенно выделялись агитматериалы Веерова, который в бригаде Выносина считался основным соперником. По-видимому, так же считали и другие кандидаты, поскольку плакаты Веерова были больше других использованы для антипропаганды.

На листовку, где была изображена фотография симпатичного, холеного, но уставшего Веерова, с текстом: «Человек, который нужен району, голосуем за!», наклеили фотографии других кандидатов, и получилось, что на плечах Веерова стремились въехать в депутаты другие люди. Но материалы Веерова трудно было заклеить, замазать, они были везде: на прилавках магазинов, киосков, в аптеках, липучки с его фамилией были на каждой буханке хлеба, продаваемой в городе. Но было и смешно: на листовки Веерова наклеивали телефоны и адреса сапожных мастерских и девиц легкого поведения. «Старо, - думал Петров, - но так Вееров проиграет, все на него навалились».

Петров шел по улице мимо колодца теплотрассы, парившего всю зиму, как вскипевший самовар, на этом месте образовалась сухая площадка асфальта. У продовольственного магазина толпился народ. Бабушки-пенсионерки продавали семечки, картофель, соленые грибы и огурцы в банках, а за их спинами висели объявления. Весь угол дома был покрыт высохшим клеем, обрывками старых выгоревших бумаг, на фоне этого выделялась новая листовка с заголовком: «Космический экипаж». Это депутаты Государственной думы поддерживали своего сторонника.

Петров подошел к трем мужчинам, курившим и, как видно было, ни куда не спешившим в это время. Поздоровался.

- За кого, мужики, голосовать собрались?

- А ты кто будешь, чтобы нам вопросы задавать? - перебил его мужчина помоложе.

- Из бригады поддержки Выносина.

- А?! Так это мы сами решим без тебя! - сказал тот же мужчина и ушел в магазин.

- Да, тяжелый вопрос задал ты, - вступил в разговор человек постарше и основательней предыдущего. - Власть-то она, видимо, сладкая, смотри, не бывало: десять человек на одно место. Который из них лучше, лешак разберет. Я бы конкурс объявил кандидатов в депутаты, а потом регистрировал.

- Десять человек - это и есть конкурс, - перебил его сосед.

- Какой это конкурс - это последний рубеж. Пришло время выборов - они и задумались, постучали по карманам. Ага, есть деньжата, давай попробую. Все авось. Знает ли он сам-то, чего хочет: власти, защиты от закона за неуплату налогов, или служить людям собрался. А что он за птица? что за человек? Вор, грабитель, рэкетир, шайка-лейка - откуда я знаю. А ты пройди районный, городской совет, а потом лезь в областной, а тем более в Госдуму. Отчитайся. Покажи себя, на что способен. Тогда и лезь.

- Так жизни не хватит, - возразил второй мужчина.

- Хватит, у кого ум да способности есть. Ты смотри: президента избирали. Кто только там не засветился. Ельцин, Зюганов - понятно, Гобачев - предатель, все развалил, туда же. Ну, а эти Шакур, Брынцалов. Они чего, чем себя проявили? Может, люди хорошие, откуда я знаю, что у них за душой? Какой опыт? Вот пусть пройдут губернаторскую стезю или министерскую. Вот тогда видно будет.

- Хватил и промахнулся, - возразил ему второй. - А Ельцин? Знал его? Знал! Проголосовал! Больной, я понимаю, но все равно руки-то хозяйской в государстве нет, не чувствуется...

- Все еще голосуете? - выскочил с бутылкой в руках мужик из магазина. - Я за того, кто больше даст. - Зло хихикнул и пошел прямо по улице.

- Вот видишь! - сказал основательный мужчина, - избиратель-то нынче опасен. Продаст свой голос, как ваучер, за бутылку, за тушенку, за полтинник. Что мы получили за при-

ватизацию? - шиш! Ведь никто никому не верит. А тут глядишь, день да хмельной, а дальше трава не расти.

- Да просто не придут на выборы, - поддержал его второй мужчина, - смотри: в Машиностроительном районе областного центра уже второй или третий раз выборы не состоялись из-за неявки избирателей.

- Да-да, точно, народ-то не обманешь, видно, там не все чисто с кандидатами. Вот эта неясность и пугает. Возьмет народ и проголосует назло ельциным и зюгановым, и изберут доверенное лицо какой-нибудь банды.

- Ни пенсии тебе, ни зарплаты, при такой-то инфляции, - вздохнул второй мужчина.

- Ну и задал же ты нам вопрос? - сказал основательный мужчина, - и дома над ним думаешь, и тут. Пожалуй за твоего молодого проголосую. Тоже «кот в мешке», вряд ли что сделает. Но посмотрим, до выборов время есть.

«Правы мужики, - размышлял Петров, передвигаясь по улицам города, - и проблема общая «кому доверить?», «Кого выбираем?».

Петров вышел к центральному парку города. Вспомнил, как шумно отпраздновали проводы зимы. Был концерт, были мотогонки. Треск и шум, фонтаны снега из-под колес привлекли многих горожан. Здесь бригада Выносина опередила всех конкурентов в своей работе. Раздавали календари и открытки для женщин, поздравляя их с весенним праздником. Для многих горожанок Бирючевска это было единственное поздравление.

На одной из улиц плакаты общественного движения «Наш дом - наша гордость» были полностью измазаны черной краской и на общем фоне выглядели, как погорельцы. Это было не первый раз. Петров вспомнил, как ему звонили с угрозами: «Мы тебя вычислим, морду начистим». Уже грозят не только кандидатам (двоих убили в этой предвыборной кампании), а их доверенным лицам. В такой схватке десяти девять всегда будут обиженными... Выигрыш в таких выборах равен выигрышу в лотерею. Надо уметь проигрывать с улыбкой, а не с кастетом за пазухой. Физическая сила в этом соревновании не аргумент. Петров вспомнил немое кино и лозунг: «В пианиста не стрелять».

Доверенное лицо кандидата - не бить, - рассмеялся себе под нос Петров.

Предвыборная кампания катилась к своему финалу. Во всех районах прошли встречи избирателей с кандидатом. У Петрова все графики трещали и менялись. Уже дважды он составлял расписание встреч Выносина с избирателями, согласовывал с Абодузовой. Но эти согласованные сроки с руководителями предприятий отменял Выносин, они не совпадали с графиком работы кандидата. Несогласованность действий начальника штаба и кандидата выбили из колеи график работы Петрова. Петров вновь ходил по организациям, встречался с руководством, составлял график встреч.

Первая встреча Выносина в городе Бирючевске состоялась в одном из цехов завода огнеупоров. В сопровождении представителя завода Выносин, Филологов и замыкавший шествие Петров долго шли по заснеженной территории завода, железнодорожным путям, уступая место встречному транспорту, и затратили времени на переход больше, чем занял его выступающий Выносин. Народу в цехе собралось много, интерес к Выносину поддерживался здесь постоянно - то листовками расклеенными у проходной и в столовой, то материалами, раздаваемыми в руки перед сменой или после нее. Кандидат коротко рассказал о себе и заученно улыбался, в десять минут он закончил свое выступление. Люди, выглядывающие из-за станков, находящиеся рядом с ним удивились краткости выступления. Выносин явно трусил перед такой массой народа и спешил свернуть встречу, оправдываясь необходимостью возобновить производственный процесс. Было задано несколько вопросов. Выносин говорил тихо, сбивался и вряд ли его слышали в последних рядах за станками.

Следующая встреча состоялась в конторе автосервиса. Собралось человек пятнадцать - и все мужчины. Заученная улыбка кандидата зависла в воздухе, не нашла понимания. Мужики в промасленных спецовках курили, смотрели на выступающего и не задали ни одного вопроса.

Раздраженный Выносин остановился на улице подле машины.

- Вы зачем сюда меня привезли, ведь ни один из этих мужиков не придет голосовать.

- А вы чего возмущаетесь? Уже крайнего ищете? До конца выборов еще есть время, - спокойно парировал Петров, - это тоже избиратели, хотя и не женщины, надо и с такой аудиторией общаться.

- При чем тут женщины?

- Спокойней, - остановил его Петров, - обернитесь, народ обращает на нас внимание.

- Вы на заводе провалили работу.

- На каком заводе? - уточнил Петров.

- Огнеупоров.

- Кто это вам сказал?

- Я проверял, вы ни разу туда не заказывали пропуска. И еще, вы чего интересуетесь подробностями моей биографии?

Петров рассмеялся. Понятно.

- На заводе я был много раз, проходил без пропуска, завод не военный, а в столовую охрана и так пропускает. «Откуда эта информация? - Петров вспомнил события последних дней. - На той неделе приезжали две аспирантки, присланные Филологовым и работали в цехах завода как социологи». А интересуюсь Вашей биографией потому, - продолжил Петров, - что работаю на Вас, и меня постоянно интересует вопрос - на кого я работаю? Следующая встреча в районной библиотеке.

Они молча сели в машину.

В районной библиотеке Выносин был в своей стихии. Улыбался. Молодые девушки скромно опускали глаза, взрослые были внимательны: открыто и серьезно смотрели на кандидата. Выносина слегка заносило в словах, он вспомнил Сталина и пообещал взять из его практики что-нибудь полезное, вспомнил КПСС и тоже пообещал взять из ее опыта положительное и использовать в своей будущей депутатской деятельности, никаких конкретных предложений по исправлению сегодняшней ситуации кандидат не выдвигал. Словом, он хотел привлечь к себе всех людей с их многообразием мыслей.

Все шло ровно, но в зале сидел один худенький читатель, по-видимому, он пришел сменить книги, но увидел объявление о встрече с кандидатом и остался в зале. Он задал конкретный вопрос: «Почему нет денег?». А затем несколько его конкретизировал: заводы работают, продукцию отправляют, а зарплату не дают. Может они, эти деньги, у вас, у кандидатов, в карма-

нах осели - посмотри, вас десять человек в очередь выстроилось, весь город разукрасили, все при деньгах.

Выносин хотел легко выйти из положения.

- За границу переправляют, в банки, - улыбнулся стандартно. Но мужчину не устраивал этот ответ и он настаивал:

- Нет. Ответь мне убедительно, и я буду голосовать за тебя.

Выносин растерялся, - сползшая с лица радостная улыбка выдала его смущение, малый опыт общения с людьми и недостаточность знаний, а, может, и нежелание отвечать на задевший интересы кандидата вопрос. Выносин повторял одно и то же «за границу переводят», как пластинка, спотыкающаяся на одном и том же месте.

Вечером, в конце уже длинного апрельского дня, Петров читал книгу в своем гостиничном номере. Соседа не было дома, он в последнее время возвращался поздно, как шутил Петров мысленно: «выполнял новые технологии». Петров читал книгу про двух японских бойцов нинзя, представителей светлого и мрачного начала; их соперничество, перевоплощения, погоня друг за другом и схватки насмерть увлекли Петрова, он наслаждался тишиной и книгой.

Дверь резко распахнулась, и, коротко поздоровавшись, Новошумов бросил на кровать куртку-дубленку и выскочил в коридор.

«Метеор», - подумал Петров и продолжал читать.

Минут через десять вновь влетел Новошумов, сел на кровать, вид его был явно не спокоен.

- Что случилось, Петр?

- Да там ребята знакомые размещаются, из штаба поддержки Веерова.

- Дак это приятно встретить знакомых в незнакомом городе.

- Да, - ответил Петр - и выскользнул из комнаты.

Через полчаса, как гончая собака по следу, появился Филологов.

- Где Петр? - осведомился он.

- Где-то в гостинице, знакомых встретил.

Чтение было сбито. Появление Филологова предвещало какие-то события. Филологов все мялся, ходил по комнате, потирал руки и загадочно улыбался. Петров смотрел на него и все хотел понять: «Чего же у него нет на лице. И понял: у

Филологова не было бровей, а ресницы были настолько светлые, что не заметны. «Лысое лицо», - определил про себя Петров.

В дверях появился Петр, Филологов ушел с ним.

Петров лег на кровать, закинул руки за голову, вспомнил ниндзя, стал размышлять, что нужно сделать по работе завтра. В коридоре зашумели. Вновь появились Новошумов с Филологовым.

- Выносин пришел, с милицией, - громко шептались они у дверей и, помолчав, вышли.

Через полчаса все затихло. Вернулись Новошумов и Филологов.

- Что случилось? - спросил Петров.

- Газету нашли, компромат на Выносина, составили протокол, сделали заявление в милицию, - ответил Филологов.

- Это твои знакомые, Петр?

- Да, - радостно улыбнулся Новошумов.

- Их же выгонит Вееров с работы.

- Это их проблемы, - ответил Филологов.

Через пару дней город был завален газетами с компрометирующим материалом на Выносина. Газеты лежали в магазинах, на лавках на улице, в общественных организациях.

А еще через несколько дней Петрову в гостинице дежурная подала повестку в милицию.

- Мне? - удивился Петров.

- Вам. Сказали, что связано с выборами.

И еще через день пришла повестка из прокуратуры.

Следователя прокуратуры интересовало, почему Выносин не приходит по повестке, которая ему была выслана.

- Этот вопрос не по адресу, обратитесь к самому кандидату.

- Что вы за доверенное лицо, если не знаете, где ваш кандидат.

- Доверенное лицо по работе с избирателями, а не информатор различных общественных организаций, - уточнил Петров.

- Хорошо, оставим это. Скажите, мог ли Вееров издать эту газету? - следователь выложил на стол кляузный листок.

- Как вам сказать? С одной стороны, зачем Веерову, такому солидному человеку, издавать эту газету? - Следователь насторожился. - А с другой - у него есть штаб поддержки, его люди могли, чтобы набрать лишние очки в конкурентной борьбе, издать этот пасквиль.

- Вас не разберешь, - сказал следователь. - Подпишите протокол.

Петров отказался подписывать бумагу, сославшись на то, что он не уполномочен это делать.

В милицию он не собирался идти, но в последний день, когда была разрешена агитация, одного человека из его агитколлектива забрали в милицию.

В милиции заносчиво и грубо ответили: «Забрали - значит надо». Петров пошел к начальнику районного УВД, но вышедший из кабинета капитан милиции остановил Петрова. Он задавал те же вопросы, что и в прокуратуре. Капитан выпустил агитатора. Махнул рукой и в сердцах выдохнул: «Задали вы нам работы: одни жалуются, другие жалуются. Когда эти выборы кончатся?»

Одновременно с организацией встреч кандидата с избирателями Петров готовил съезд пенсионеров района. Подобные встречи проводились и в других районах округа. Политика правительства: с одной стороны невыдача зарплаты, пенсий, а с другой - налоговый пресс на предприятия - привела к тому, что народ отчаялся во всем и ни во что не верил. Ставка на пенсионеров оправдывала себя, во-первых, потому что это самая обездоленная часть нашего населения, во-вторых, дисциплинированная часть, приученная опытом жизни быть в день выборов на избирательном участке. Но пенсионеры малоподвижны, осторожны: как бы не получилось хуже - и, главное, догматичны в своих суждениях.

Петров провел четыре кустовых собрания, на которых избрали делегатов на районный съезд. Люди осторожничали, предупреждали, что в случае болезни могут не прийти на собрание. Одна женщина прямо призналась в своем привитом с детства страхе: «А хуже не будет? Тут хоть немножко, с задержками, да дают, а начнем требовать - так и вообще откажут». Все горько при этом рассмеялись.

На съезд собралось человек сорок, со всего района. Люди, давно не общавшиеся, соскучившиеся по встречам, узнавали друг

друга, дружески пожимали руки, подбадривали: «Ты неплохо выглядишь», «Как твоя старуха, привет ей, а моя что-то сдавать стала». Некоторые снимали свои поношенные верхние одежды, другие проходили в зал как есть, только снимали шапки.

Собрание открыл Петров, отдав далее всю инициативу Выносину. Кандидат говорил о тяжелом положении пенсионеров, о том, что проведен сбор подписей протеста против задержек пенсии, что эти подписные листы будут отправлены в адрес Президента страны. Делегаты слушали, соглашались, кивали головами. В выступление Выносина постоянно вплеталась реплика сидевшей по середине зала старой женщины: «Коммунистов надо вернуть к власти, коммунистов». На нее никто не обращал внимания, а она с постоянным упрямством все выкрикивала свою реплику. Верили ли пенсионеры Выносину, сказать трудно, но точно прослеживалась недоверие к руководству страны.

Слово попросила седая женщина.

- Вот я одинокая сейчас, муж помер. Вы мне скажите, как можно прожить на 370 рублей, которые еще не дают, при таком росте цен. Как? Вот сидишь маракуешь, как тот бухгалтер, крутишь эти копейки. Купишь банку тушенки, а она ведь 12 рублей. Посмотришь на нее, так бы и съел, всю, зараз, как в молодости. А нельзя: съешь - а дальше как? вот и растягиваешь эту банку тушенки на неделю, где супик жиденький сваришь, где в кашку бросишь. Так месяц-два можно прожить, а оставшуюся жизнь как?.. Смотришь телевизор: сидит там наш этот начальник с гармошкой, сытый, пиджак кое-как застегивается, разве он поймет наши проблемы...

Женщину перебил крепкий мужчина.

- Это что за закон о пенсиях, кто его выдумал? Я тридцать лет проработал на Колыме и Якутии, стаж там был год за полтора - и враз потерял пятнадцать лет стажу и пенсию урезали. Чего они там думают, ведь закон обратной силы не имеет, нас-то надо доводить до конца по-старому, а молодежь пусть нарабатывает стаж по новым законам.

Пенсионеры зашумели, перебивая друг друга, высказывая каждый свое наболевшее. После окончания собрания кто спешно уходил, торопясь на свой автобус, кто продолжал неторопливо беседовать.

- За кого голосовать будешь, Маркелыч? - подошел к магаданцу стройный пенсионер.

- Не знаю, Дмитрий Иванович, думаю.

- Парень-то вроде ничего. Можно за него.

- Так оно, но первый раз вижу, в душу к нему не заглянешь, кто он? что он?

- Что, мужики, диктатура нужна, надоела мне эта мокрень! - подошел к компании полный, потертый жизнью старик.

- Ты опять за свое, - остановил его Маркелыч, - не нажился ты при диктатуре.

- Ну, хоть порядок был.

- Вон он порядок, последствия той диктатуры все расхлебываем. Ты чего, историю не читал? - так почитай, делать сейчас нечего. После Грозного - смута, после Петра Великого - лет тридцать не могли оправиться и после Сталина все еще кувыркаемся. Если тебе нужна диктатура, то я за диктатуру закона, чтобы он был одним и для тебя, и для Президента, и для меня. Вот только где тот человек, который ввел бы нашу страну в диктатуру закона.

Мужики заспорили, так и вышли на улицу, не досказав своих мнений до конца.

Вечером Выносин проводил последнее итоговое совещание. К Петрову подошел Филологов и как-то намекнул: «Мне трудно ходить с ярлыком шпиона». «Ты о чем?» - хотел спросить Петров, но собеседник отошел от него. «Это что же такое, - думал Петров, - Выносин в претензии, что я интересуюсь его биографией, Филологов напоминает о каком-то ярлыке. Постой. Это же разговор троих: я, Петя и Клавдия. Я поинтересовался некоторыми фактами из биографии кандидата, а дальше говорил Петр. Мы с Клавдией слушали, затем вошел шофер. И все перевернули. Ясно. Вот оно что. «Ищи женщину», - говорили древние. Так это Клаша перевернула разговор и настучала. И здесь политика, хоть маленькая, но своя. А зачем ей это надо?.. Понятно. Она готовит себе место помощника депутата Выносина».

Петров рассмеялся громко и открыто. На него обратили внимание.

Ранним апрельским утром в день выборов в городе было необычайно оживленно. Это люди, связанные с выборной кампанией, спешили на свои избирательные участки. Петров пришел в

приемную Выносина задолго до появления агитаторов и уполномоченных лиц. Нужно было отправить людей во все избирательные участки района. Уже пришли люди, подъехали машины, а девушки, у которой был ключ от приемной, все не было. На утреннем морозце люди замерзли. Петров сформировал группы людей по направлениям и избирательным участкам по памяти.

Начались медленные часы ожидания.

Первые телефонные звонки сообщили о прибытии на место наблюдателей. Затем стали поступать сообщения о нарушениях инструкции о выборах: в киоске «Роспечати» в городе продавали местную газету с призывом голосовать за представителя аграриев, на участке 137 спаивают избирателей водкой, в поселке Зигулино ночью на стенах клуба масляной краской крупными буквами написали лозунг, призывающий голосовать за Веерова. Каждый по- своему хотел придти к финишу первым. Петров с юристом ездили в каждом отдельном случае разбираться.

Уже во второй половине дня стало ясно - выборы состоялись, а к концу дня явка избирателей достигла сорока процентов.

В шесть часов утра следующего дня объявили - выборы выиграл Выносин. У всех, кто был занят в этой предвыборной гонке, наступило тихое удовлетворение.

Вечером Петров сидел у себя дома. Мысль: «Кого мы выбрали?» - не покидала его. В этой победе есть доля везения, у других кандидатов группы поддержки работали не хуже нас, но... в таком деле всегда есть проигравшие.

Как поведет себя в конкретной работе депутат Выносин? Сказать трудно. Главное, чтобы он не забыл о том доверии, которое ему оказали избиратели.

Дома вечером, Петров открыл книгу, которую он начал читать два месяца назад. Глаза скользили по знакомой фразе: «Чтобы жить хорошо, надо думать хорошо», читать дальше не хотелось, Петров все еще находился под впечатлением проведенной работы, откинувшись на стуле, заложив руки на затылок он думал: «Сколько еще выборов впереди, кого предпочтут избиратели, от этого зависит жизнь...».

- Надо думать!..

1998-1999 гг.

ПО РЕКЕ ЛУЗЕ

(романтическая повесть)

Мой дом везде, где есть небесный свод... М. Лермонтов

«С чего начинается Родина?» Этот вопрос задал поэт, по-видимому, каждому, кто хоть раз задумался над этой проблемой. Бернес своим голосом проник до глубины души. Но от этого вопрос не стал легче или ясней. С чего начинается? Откуда?

С отцовской буденовки, которую я затаскал в своем детстве, износил в сороковые годы под скрип сухого снега, пиная ее вместо мяча на морозном ветру рваными валенками. Каждая береза освежает в памяти вопрос: «С чего начинается Родина?». Нет и не может быть однозначного ответа. У каждого свое начало Родины. Она у меня началась с берегов реки ЛУЗЫ.

* * *

- Ты знаешь что-нибудь о реке Лузе? - спросил я у своего знакомого.

- Луза? - переспросил он. - Это та, что в Анголе?

- Да нет, наша, русская река, в Кировской области.

- Нет. Не знаю.

- Как найти истоки реки Лузы? - спросил я на станции Вазюк у первого же мужчины

- Луза? У нас такой нет! Казик есть, а Луза? Нет, нету.

Для меня этот ответ был важен. Поезд на станции стоял всего одну минуту. Что делать: или ехать дальше, или оставаться? Знакомые ребята смотрели на меня с улыбкой с высоты площадки пассажирского вагона. Они ехали до станции Печера и дальше шли на гору Народную. Для них река Луза была такой же тайной, как Ангола с ее неясными проблемами.

«Но по карте река должна начинаться где-то здесь», - думал я.

Поезд тронулся. Я еще раз повторил этот вопрос подошедшему мужчине.

- Луза?.. А Лузка-то, это километра четыре отсель.

Рюкзак вылетел из вагона ко мне на руки, как ручной мяч. Был конец июля, солнце накаляло одежду. Поезд медленно удалялся, унося с собой очертания последнего вагона. Дощатый перрон скрипел под ногами уходящих людей. Дети на перроне и дежурная по станции смотрели с любопытством на незнакомого человека с рюкзаком. Молодые парни в расстегнутых выгоревших рубашках, с загоревшими животами толпились здесь же.

- Ково ищешь-то? - спросила меня встречавшая поезд бабуля.

- Реку Лузу, она где-то у вас должна начинаться.

- А, так это в контору надо. Пойдем, я тебя провожу.

Мы пошли по скрипящему перрону мимо загорелых парней, которые чиркали через зубы слюной, вспоминали вчерашний вечер, косили на незнакомца, как на конкурента в будущих танцах.

- Так ты к кому, - расспрашивала меня бабуля.

- Я, ни к кому. Так. Хочу пройти по вашей реке Лузе, посмотреть...

- Че смотреть? Лес да пенечки. Так, может, ты геолог или еще кто?

- Просто турист.

- Турист? - удивленно произнесла женщина и подернула худым плечом. - Да вот она, контора. Заходи.

- Настя, - обратилась она к телефонистке, - вот парень спрашивает о какой-то Лузе. Ты не знаешь?

- Лузка-то? Так это надо идти вдоль путей километра четыре, там будет мост, вот и Лузка. А че?

- Да вот он собрался по реке пройтись.

- А че там интересного? - девушка посмотрела на меня, ловко выдернув шнур из гнезда с медным наконечником. - Я там жила на хуторе, километров девять отсюда, да что там осталось - только поле, все разъехались. Я там больше не бывала. Да вот спроси у мужиков.

В контору по-хозяйски ввалился грузный мужчина лет сорока пяти. На вопрос женщины о реке Лузе он ответил:

- Что, Лузка-то? Так она вытекает из Лузских болот. Это надо выйти на старую АЗС, через орсовское поле и там дорога. Все просто.

- Но где АЗС и где орсовское поле? - уточнил я.

- Ну, надо карту иметь, - обиделся он.

- И вообще, ты кто? Может, американский шпион.

Я рассмеялся. Информация исчерпывающая. Надо принимать решение.

Мы еще поговорили немного о реке, и я, подхватив на одно плечо рюкзак, под общие вздохи женщин вышел на душную улицу. Деревянный тротуар хлопал под ногами оторванными досками, скрипел, и кончился у предпоследнего дома так же неожиданно, как асфальт в городе. Тропинка, поросшая подорожником, светло-зеленой травкой и прикрытая сверху ветлами невытоптанной травы, побежала вдоль железной дороги. Высокая насыпь поросла кустами ивы, однобоко бурые ягоды шиповника, как завязанные мешочки, нависали с косогора. Зеленая стена молодого осинника, справа, шуршала на тихом теплом ветерку. Молодая женщина шла мелкими шагами по шпалам и временами окликала своих детишек, бродивших где-то в лесу с противоположной стороны дороги.

Я шел, обивая штанинами спелую траву, огибая мокрые места и вообще подчиняясь любому повороту тропинки. И она меня вывела на покос. Тропа оголилась и пожелтела. Трава была скошена до самых рельс. Кусты ивы и шиповника оставались неприкрытыми, как оголенные ноги у женщины. К запахам земли, цветов и железной дороги прибавился запах скошенной травы.

Двое немолодых людей ворошили граблями влажную траву.

- Здравствуйте! - приветствовал я их.

- Здравствуй! - Что-то не знакомый. Не наш. Садись покурим, - предложил мне мужчина. - Чей и откуда будешь?

- С Урала.

- А здесь как, свой или знакомые?

- Не осталось здесь никого, все на Урале. Родился в этих краях. Сейчас думаю пройти по реке Лузе.

- Лузка? Это вот, километр - и пожалуйста тебе.

- Как там на Урале со снабжением, все есть?

- Да как сказать. Всяко. Одно есть, другого нет.

- Знаю я ваши места. Во время войны нас всех, молодых парней, увезли к вам на Урал, определили в ремесленные училища, а потом на заводы. Дисциплина суровая, да и война, куда денешься, понимать надо. Так и прожил до пятидесятых годов на Урале. Многие там остались, а я домой вернулся.

Мы сидели под березкой в тенечке. Солнце уже светило с запада. Горка грибов, пол-литровая банка с ягодами, остатки провианта оказались на солнце. Хозяин тяжело поднялся, хрустнул суставами и не разгибаясь переложил все под куст, в тень.

- Вот так: встретил незнакомого человека, а воспоминаний на весь день хватит. Ну, прощай, работать надо.

Я подошел к небольшому ручью.

- Здравствуй, Лузка!

Тишина.

Моему появлению обрадовались только голодные комары и мухи. Постоянная песня насекомых звенела на одной ноте, как камертон. Воздух пах спелыми травами и влагой. По поверхности воды бегали водомерки, на камне суетилась любопытная вертихвостка. Солнце слепило глаза глянцем водяной поверхности. Вода в речке была коричневой, заросла осокой, и рассмотреть ее можно было только под мостом. Ручеек был вялым и не производил никакого впечатления.

От железной дороги я повернул вправо, в лес, к истокам реки. Молодые березки, осины, ивы вставали плотной стеной. Колючие хилые елочки усилили охрану реки. Высохшие деревья, сучки, заросшие мхом валуны, осока, кочки и болото сдерживали мое движение. Бурые шапки подосиновиков, мохнатые, выгоревшие волнушки покосились, сгнив на корню.

Я пробирался через эту тайгу и тратил сил не меньше, чем если бы шел по джунглям далекой Анголы.

Я обрадовался какому-то просвету, полянке, но напрасно. Пахучая медуница, или как у Солоухина - белая трава, пиканы выросли выше моего роста. Густая трава закрывала весенние вымоины ручья. Я постоянно оступался и поправлял рюкзак. На середине поляны я остановился и, как медведь, привстав на цыпочки, крутил головой над зарослями травы. Любовался нетронутой природой. Дышал медовым воздухом. Заряжался тишиной. Здесь даже птички как-то тихо и незаметно перепрыгивали с ветки на ветку, опасаясь седой шасты, свисавшей с больших елей. И только нахальные мухи гудят, гудят - руки постоянно в движении.

Я часа два боролся с тайгой, и она все старалась увести меня от реки. Но это была уже не река, а ручеек, который все раздваивался и множился, и сказать, и определить, который из них действительно Луза, было трудно. Но все они в целом - Луза, значит, я у цели. Здесь, в тишине, в зарослях леса и вязкой болотной земле, зародилась река и побежала тихо и медленно под коряги и завалы на запад, потом на север, на восток, на северо-запад, - казалось, она испытала все направления, кроме одного, но и здесь река не оплошала. Луза впадает в реку Юг. «Она здесь незаметна, - размышлял я, вернувшись обратно к мосту, - это не Кама или Енисей, когда пассажиры даже ночью встают, чтобы посмотреть на величие реки. Здесь поезда дальнего следования редки, а местные пассажиры не обращают никакого внимания на заросший травой ручей».

Бежит река тихо, но вдруг расступается лес - и справа от нее, сразу, отходит болотистый заросший осокой берег, и устремляется ввысь по косогору - луг, с качающими тысячами головок поповника, клевера, конского щавеля. Стоишь, пораженный красотой, солнцем, ароматом трав, и не сразу заметишь, что и река-то стала шире, образовала здесь глубокий бочаг. А дальше черный омут выделяется желтыми головками купавок, темно-зеленая тина медленно качается из стороны в сторону под давлением тихого течения. Худенький мост над рекой завершает общую картину тишины и покоя.

На лугах люди. Вдали, подле леса, ближе к реке разожгли костер. Дым тонкой пленкой завис над рекой. На незавершенном зароде шумит женщина.

- Людка, иди метай, че разбаловались-то, - тянет женщина по- вятски концы слов, и не слышно в ее голосе требовательно-

сти. Девчонки балуются со своим младшим братом. Бегают за ним по скошенной поляне, смеются. Они, как и везде девочки-подростки, покровительственно относятся к своим еще слабым братишкам, тискают и надсмехаются над ним и набираются опыта отношений с ровесниками.

Я подошел к зароду и предложил помощь. Женщина стала отказываться, чтобы не утруждать незнакомого человека.

- Да девки сейчас смечут.

Я взялся за вилы. Сено было мелкое, душистое и крошилось сквозь зубья вил. Я захватил побольше и стал поднимать.

- Куда ты столько зацепил, - закричала сверху женщина, - бери меньше, ведь вершить надо.

Я захватил поменьше. Сухие травинки посыпались мне на голову, плечи, на бока зарода. Пласт сена лег точно на зубья граблей под ноги женщине. Она переложила его ближе к стожару и придавила ногой, обутой в резиновый сапог. Я молча подал несколько пластов, пока прибежали дети. Они прибежали скорей не на голос матери, а посмотреть на нового человека. Девочка лет шестнадцати, в длинных брюках поверх сапог, коротком платье, шерстяной темной кофте и светлом платке на голове, уставилась карими глазами на незнакомого мужчину и рассматривала с женским любопытством со всех сторон и с детской непосредственностью. Мальчишка сел на землю и начал в ней ковыряться.

Я подавал пласт за пластом. И когда старшая закончила свои наблюдения, то попросила у меня вилы. Я не отдал их. Эта работа мне нравилась самому.

- А где ваш глава семейства? - спросил я у женщины.

- Нету его, - тихо ответила женщина.

- Что, на работе? - допрашивал зачем-то я.

- Умер.

Я смутился за свою бестактность.

- Умер, лег спать - и все, - продолжала женщина спокойно. У меня их пятеро, старшие-то уже работают. А тот пил. Все подряд пил. Все пропивал. Сейчас и не знаю - горевать ли, радоваться ли.

Она пожала плечами. Как-то неопределенно махнула вилами - и легкий пласт, мягко шурша, скользнул на землю.

Дети слушали наш разговор, но продолжали баловаться. Старшая Людка продолжала упрекать брата.

- Что ты за парень: двенадцать лет, должен со мной справляться, а ты?

Пацан хмыкнул и продолжал копать землю березовой веткой.

Зарод мы сметали до конца.

Косари остались ночевать на лугах. Я пошел на станцию Нагибино.

Поезд пришел на станцию Опарино в двенадцатом часу. Было темно. Тусклые фонари высвечивали молодежные группы. Все, кому до тридцати, были здесь. Приход пассажирского поезда - магический ориентир для встреч и свиданий. Обычный перрон, по которому в течение дня в небольшом рабочем поселке проходят несколько раз, вечером превращается в приятное место интимных свиданий. Это не опаринская особенность. Поезда, корабли, катера всегда притягивают к себе, всегда кажутся загадочными. И если не уезжаешь сегодня, то общение с поездом уже приближает к движению. Романтика, закрепленная приятной встречей.

Отсюда, с этого вокзала в январе сорок седьмого года мы вдвоем с бабушкой, в товарном полувагоне сопровождали домашний скарб, картошку и корову до самого Урала.

Утром я ходил по поселку и не узнавал его. Дома, где мы жили, сохранились. Их обили доской и покрасили в зеленый цвет. Пакгауз стоит на том же месте. В голодные сороковые мы с пацанами воровали отсюда жмыхи. У меня и сейчас во рту привкус гороха и желание сплюнуть мякину из наполненного слюной рта. Есть хотелось постоянно, и мы с ребятами постоянно катали во рту куски жмыха. Было вкусно.

Но меня интересует река Луза. Здесь, в Опарино, река не пользуется популярностью. Рыбачить местные жители ездят на реку Улу по узкоколейной железной дороге. Я пошел мимо памятного для меня пакгауза по железной дороге в тупик. Узкоколейка где-то левей, за складами, ящиками груза и просто разбитой землей, ее не видно. Я шел и шел до конца тупика, пока не увидел маленькие вагончики, типа больших пульманов, платформу для перегрузки леса и станцию Опарино узкоколейной железной дороги. Узкие, как ниточки, рельсы, взгорбленные и кривые, но параллельные, как у большой

железной дороги, уходили куда-то вдаль и терялись за поворотом.

Узкоколейка - это серьезное дело, но я никак не могу отделаться от несерьезного отношения к ней: детская игрушка - муляж. Но когда диспетчер объявил по радио, что поезд пойдет в три часа дня, я серьезно стал его ожидать.

На улице пекло солнце, и я спрятался в маленьком прохладном зале ожидания. Как и на любом вокзале, здесь толпился народ. Но люди нормального роста на маленьких скамеечках казались Гулливерами. Какой-то пьяный мужчина храпел с присвистом на весь вокзальчик и тем смешил девчат. Парни с рюкзаками собрались на рыбалку и обсуждали свои планы действий. Пьяный проснулся внезапно, закашлялся, раскрыл заспанные красные глаза, увидел людей и сразу заговорил, как будто давно участвовал в разговоре:

- Фу, тяжело пить в такую жару. Выпили-то только по бутылке портвейна.

- Так не пей, - подсказали ему девчата.

- А, че? Вечером можно.

- Куда собрались? - спросил он сразу всех, вставая с узкого деревянного диванчика.

- На тридцать пятый, - ответили ему ребята.

- Рыбачить, значит! Ясно. Я туда же. - Мужчина закурил и стал ходить по проходу, расталкивая табачный дым до самых потолочных щелей вокзальчика. Проснувшийся говорил много, но в словах его не чувствовалось твердых знаний местности. Скоро он окончательно надоел всем.

Пассажирский состав был подан раньше трех часов. Тепловозик пукнул и тем известил всех о своем прибытии. Косари, рыбаки, ягодники, грибники сгрудились на перрончике. Все знают друг друга, шутят, разговаривают и внимательно наблюдают за незнакомыми. Куда же они сядут?

По какой-то странной, но укоренившейся, традиции женщины здесь садятся в первый вагончик, мужчины - во второй. Больше вагонов нет. Я вспомнил, как во время войны в этих краях в целях экономии тепла все мужчины и женщины с детьми мылись одновременно в одной бане. По-видимому, отрицание той малоприятной традиции породило эту. Но так бывает. Во втором вагончике - папиросный дым, карты, креп-

кое мужское слово. В первом - ровный гул голосов, обменивающихся новостями женщин.

Тепловозик не торопился отправляться, уже прошло много минут после трех часов, парни успели сбегать в столовую за мороженым, а он все стоял. Но потом неожиданно громко крикнул и медленно тронулся, обогнул полукольцом лесоучасток Опарино и закачался по дороге до следующей станции - шестой километр. Все станции здесь имеют арифметические названия. Мне нужен восемнадцатый километр. На остановках выходили люди. Заходили новые с синими губами, с особенно привлекающими от съеденной черники впадинами рта.

На нужной станции, не дожидаясь остановки поезда, на старом переезде, я соскочил на землю и пошел по указанной мне дороге. Я торопился. Горизонт со всех сторон был обложен облаками. Тучи угрожающе грохотали и готовы были залить водой всю округу. Я спешил пройти по дороге как можно большее расстояние. Меня не страшил дождь, я опасался, что смоет свежий след машины, который указывал мне направление. Дорога шла по старой заброшенной делянке и много раз делилась, моя задача была придерживаться правых ее направлений, след машины был для меня, как ниточка выхода из древней пещеры. Я шел по часам - тридцать минут - три километра пути, поворот направо. Еще тридцать минут - и еще три километра. Все шло, как советовали. Ошиблись только в одном: на старолузской дороге стоял столб, указывающий, что до Верхолузья еще шесть километров вместо обещанных трех.

Верхолузье началось с домика аэропорта, с полосатой кишки метеорологов, прыгающей на ветру. Дождь все-таки настиг меня и ритмично падал редкими крупными каплями. У совхозной конторы меня встретили не дружелюбно. У совхоза есть комнаты для приезжих. Подошел человек в резиновых сапогах, в синей нейлоновой рубашке, заправленной в брюки, в белой летней в сеточку шляпе, особенно выделявшейся на фоне загорелого коричневого лица и темно-синего неба; мне подсказали - это директор совхоза. Я попросил разрешения переночевать.

- Ты кто такой? - неожиданно и раздраженно закричал директор.

- Турист.

- Турист?! Много вас тут болтается. Нечего делать.

- Послушайте, у вас же хозрасчетное предприятие, я внесу в кассу деньги.

- Ишь какой умный, хозрасчетное предприятие, не надо мне твоих денег, - кричал он еще громче.

- Деньги не вам, а государственному предприятию.

Он побелел и замолк.

Я взялся за лямку рюкзака, чтобы уйти подальше от этого человека.

- Не пристраивайся, не пристраивайся, - перешел на нервный визг директор и, громко хлопнув, закрыл дверь изнутри на крючок «своей» конторы.

Капает дождь.

Высокие на сваях деревянные тротуары уже вымокли. Прогибаются доски, скользят ноги. Я иду в старую часть села. Все решилось просто:

- У кого мне можно переночевать? - спросил я у продавца в киоске.

- Не знаю, что и посоветовать, - ответила растерянно женщина. - Вы обратитесь вон в тот домик. Там живет одинокий мужчина. Два месяца как к нам приехал. Купил дом за сорок рублей и живет. Может, пустит.

Я постучал в окно. Голос изнутри ответил:

- Заходи.

В комнате метров на двенадцать, в левом углу, стояла русская печь, за ней железная кровать, застланная красным стеганым одеялом, стол стоял у окна, табуретка справа, ближе к выходу. Мужчина - худой, небритый, с большой сединой - сидел на корточках посреди комнаты и чистил картошку.

- Здравствуй! - ответил он на мое приветствие.

- Переночевать? Это можно, только, как видишь, на полу.

- Откуда будешь? - уточнил хозяин.

- С Урала.

- Знаю Урал, знаю, двадцать три года прожил там, а сейчас вот один. Да чего вспоминать. Сейчас поджарю картошки и будем ужинать.

Он встал и, по-старчески сгорбившись, пошел на огород за луком. Капал дождь. У крыльца дома, ласкаясь, прыгали

деревенские собаки. Со спины я услышал вопрос, обращенный ко мне на языке коми, смысл которого я понял.

- Нет я русский, - ответил я

- Значит, Иван?

- Нет. Володя.

- Здравствуй, Володя, - подал мне руку немолодой уже человек и представился:

- Харитон.

Мы заговорили о дожде, об Урале, а когда отошел Сергей Андреевич, хозяин дома, Харитон предупредил: «остерегайся его, он чахоточный» И как бы поняв наш разговор, Сергей Андреевич, вернувшись посоветовал мне остановиться у соседа - Харитона.

После ужина легли спать. К комариным укусам прибавились домашние и так, почесываясь и ворочаясь, уснул крепким сном.

* * *

Утром вставать не хочется. Только шесть часов. Но мы договорились еще с вечера, что пойдем смотреть с Харитоном Ивановичем лодку, на которой я поплыву дальше по реке. Шесть часов, это в Москве шесть часов утра. Почему здесь живут по московскому времени? Я смотрю через утреннюю прорезь глаз на Харитона Ивановича, на росу, солнце ...потягиваюсь. Приятная истома усталости вчерашнего дня разлилась по всему телу. Но решительно встаю - и спала усталость, как роса на траве.

Пошли. Хлопнула калитка, отделяющая село от поля. Бухают голенища сапог. Собаки одинаково серой масти прыгают на грудь. Харитон Иванович беззлобно ругается:

- Ну еще что. Разбаловалась, сучка.

Собаки переметнулись ко мне, они еще вчера обнюхали меня и сегодня считают своим: прыгают, хватают за руки, путаются в ногах.

Харитон Иванович хвалит лодку:

- Конечно, она немного стара, есть дыры в носу, да туда вода не попадет, сделаем заплату. Да чего говорить, сейчас придем увидим.

Мы прыгаем через ворчливый ручеек, поднимаемся по глинистому косогору, размытому дождями, идем через скошенный луг. Август. Нет щебета птиц, и только солнце блестит на стерне трав. Дома поселка отражаются с высокого берега на глянце реки.

- Вот она, - Харитон Иванович показал с крутого берега на лодку.

Лодка мне не понравилась. Действительно большое отверстие в носовой части, подгнившие борта, трещины на обшивочных досках и заплатки, заплатки. Много заплаток. Впрочем лучшего я не ожидал.

Харитон Иванович убеждал:

- Ведь ты сегодня не поплывешь, пойдем посмотрим мои охотничьи угодья, а вечером прошпаклюем. - И чтобы я окончательно не разочаровался, он повел проверять сети.

Харитон Иванович встал в свою лодку, оттолкнулся веслом - и лодка легко выскочила на середину реки. Еще одно движение весла и мы на противоположном берегу. Ворчит рыбак на улов, рыбы мало и мы съели ее уже за завтраком.

Через час мы идем в лес. Хозяин в картузе, пиджаке, опоясанном патронташем, сшитым во многих местах суровой ниткой, застиранной белой рубашке, резиновых сапогах. Двустволка, стволами вверх, висит на левом плече. Я с мелкокалиберкой и рюкзаком, где поместились молоко и хлеб.

Мы идем не на охоту, а посмотреть места будущей осенней охоты штатного охотника Харитона Ивановича Можегова. Мы уходим тихо, задами, через огород, перелезаем через упругие жерди. Но от собак так просто не уйдешь. Пришлось их гнать палками и сухими комками глины, которые разваливались перед собачьими мордами, как гранаты, на множество кусочков.

Ведет охотник вначале по общим дорогам, разбитым тракторами. Душно, пахнет то сухой листвой, то елью, то влажным мхом.

- Видишь, какая тут дорога, без трактора не сунься, это все в делянки да на покосы. Раньше на телеге ездили, а сейчас лошадка и не протянет. Если только верхом.

Мы свернули на визиру. Идти стало легче, ветки, не тронутые топором, закрывали от солнца. Хотя под ногами хлюпала вода с грязью и приходилось шагать через завалы и оберегать-

ся от сухих сучков и веток, но тропа была ровной. Харитон Иванович вел тропами своей охотничьей делянки.

- Смотри, - говорил он, - сколько следов лося. Во! Вся визира исхожена. Вот здесь. Смотри: видишь, в лужице вода примята, это он от гнуса спасался. Пойдем - вон там есть болотце, - охотник махнул рукой в сторону чащи, заросшей мхом. Высокие ели упирались в небо, отжившие нижние сучки покрылись серебристой свисающей шастой, как столетние старики с нечесаной бородой. Мы вышли к болотцу, сплошь заваленному корягами, заросшему лабазником и черемухой.

- Наверняка где-то здесь отдыхают. Затаились, - говорит полушепотом и с азартом Харитон Иванович. - Собака нужна, чтоб потревожила, навела на след, а так что. У меня в прошлом году отравили. Хорошая была собака. Грешу тут на одного. Да как докажешь? Пошли мы с ним на охоту. Идем. Я впереди. Сучка веселая, идет с охотой. А потом раз, что-то пала. Закрутилась. Сблевала. И домой. Пока вернулись - она и лапы протянула. Сунул он ей что-то, когда я не смотрел.

Оленя надо собакой брать. Два года назад их в наших местах не было, а сейчас вон следов-то. Видишь: лес рубят кругом, они и уходят. Здесь лес не тронутый: здесь река - не разрешают рубить. Но ничего осенью мне дадут лицензию.

Мы проверили не заправленные сейчас капканы на куниц и пошли на другое болото за морошкой. Желтая ягода лежала на бледно-зеленом влажном мху. Листья морошки напоминали форму листа черной смородины. Ягода спелая мягкая лежит на мху, как купавка на воде, незрелая тянется к солнцу.

По лесной визире, с которой Харитон Иванович постоянно сбрасывал сучки, мелкие коряги, срубал вершины упавших деревьев, мы вышли к реке Лузе. Нетронутые покосы заполнили пространство густым ароматом. Травы выше человеческого роста, и только опытный охотник мог найти старую тропу по лугам и свороты с них в лес. Мы срезали многочисленные повороты лесной реки и вышли на поляну, закрытую от каких-либо ветров. Трава упиралась в лес, лес упирался в траву. Скрещение запахов сухого леса, цветущих трав, усиленное жарким солнцем, делало воздух невыразимо приятным. Кружилась голова. Тело прело. Казалось, еще немного - и можно задохнуться и умереть от этого аромата, как у Золя в «Аббате Муре».

Мы свернули в лес, пошли по высокому ивняку. Харитон Иванович драл здесь по весне кору ивы для сдачи в аптеку.

- Надо проверить, да поправить, - сказал он.

Мы шли напрямик, по засечкам. Когда я увидел за деревьями что-то покрытое берестом, то подумал, что это шалаш. Но это была как раз та кора ивы, к которой мы шли:

- Вот видишь, что только нас охотников не заставляют делать: заготовлять дрова, косить сено, а это весенняя работа. Думаешь, это так легко навязать вот такую кулемку ивы, - он показал на связанные пучки. Ходишь тут один, как медведь. Нарубишь в разных концах, а потом тянешь сюда по корягам.

Мы принялись за дело, уложили под бересто, на слань, часть неприбранных кулемок, положили сверху груз, заготовленные раньше жерди...

Харитон Иванович признанный охотник, у него есть Почетная грамота Российского союза потребительских обществ, медаль и два свидетельства Главного комитета Выставки достижений народного хозяйства СССР.

* * *

Ярким утром следующего дня Харитон Иванович торопился на сенокос в сельпо. Мы наскоро завершили шпатлевку лодки, начатую вчера. Лодка-долбленка неустойчива. Я сел - и вода заструилась фонтанчиками в днище лодки, но мне нечего бояться воды. Сосед принес хорошую подставку для рюкзака и черпак - выпрямленную молотком алюминиевую чашку. Харитон Иванович махнул рукой, крикнул уже с косогора: «Пиши!» Я толкнул неустойчивую посудину вниз по течению Я сидел на корме с веслом и подгребал то слева, то справа - больше слева. Лодка имела свой характер и все норовила идти влево. Я делал три гребка слева, один справа. Со стороны меня можно было сравнить с дедом Мазаем, только вместо зайцев на носу лодки разместился рюкзак. Часа через три пути мне встретились сенозаготовители. Я удивился. Оказывается, по прямой дороге до Верхолузья всего три километра. Интересно, а сколько же по реке?

Река равнинная, течет себе спокойно. Хотя она и не широкая, но глубокая, на отдельных участках, где она прямая, плывешь, как по каналу, где медленно меняются декорации: то заросли кустов ивы, то стога сена, то некошенные луга с ко-

ричневыми макушками конского щавеля. Поселения встречаются редко, их названия подчеркивают лесное происхождение, скорей политическое: здесь были места ссылки, сюда в вятскую и коми-зырянскую глухомань забрасывали большевики своих врагов - поселок «Двадцать восьмой квартал». Люди здесь в основном временные, и их не тревожит название, но как приятно звучит - Зеленый бор, который раньше тоже носил арифметическое прозвище.

В 28-м квартале мужики на мой вопрос: «Далеко ли магазин?» - ответили: «Водка есть - заходи». В поселке 28 квартал все улицы разбиты тракторами, летом - пыль, осенью - грязь, зелень только в палисадниках и огородах. 28 квартал - поселок для временного ночлега, хотя люди живут здесь давно.

- Сколько километров до следующего поселения? - спросил я

- У-у! - раздался возглас удивления из нескольких голосов.

- Километров пятьдесят, - ответил мужчина в плавках, только что вышедший из воды. - А так попадутся еще заброшенные поселения, да в одном месте рабочие. Вот и все.

- И все? - переспросил я.

- Ну еще люди на сенокосах.

- А как вы отсюда выбираетесь?

- Как? - На ЗИЛах или тракторах до Верхолузья, а там самолетом, - ответил все тот же в плавках.

- Давай бросай свою дырявую лодку, видишь вечер, и обратно, - посоветовали мне с берега.

- Нет. Я вперед.

От 28 квартала начинается сплав леса по реке Лузе. Эти парни работают все лето, осень и зиму, чтобы заготовить и вывести сюда на эстакады лес, а затем весной за несколько дней сбросить результаты своего труда в реку, довериться действиям весеннего напора.

Река от 28 квартала побежала чуть быстрей, появились перекаты и топляки, они торчат одним концом над поверхностью воды и ритмично ныряют, как пловцы, но с той лишь разницей, что пловцы проходят свою дистанцию и освобождают бассейн, эти же ныряют постоянно, как бы на одном месте, и становятся врагами реки.

Я был десять часов на воде в этот день. На ночлег остановился поздно вечером. Солнце уже зарылось в облака, но они

были неплотными, и оно пробивалось отдельными лучами из-за этих штор и освещало макушки высоких елей на противоположном берегу каким-то бледно-розовым светом. Солнце село в свое положенное время, и только облака светились раскаленными углями, но и они потухли.

Наступили блеклые сумерки.

Я поднялся на высокий берег. Большая скошенная поляна. Зароды сена. Высохшая ива. Это хорошо - будут дрова. В глубине поляны чернело какое-то болото, где кричал чибис. На противоположном берегу ворчала сорока, видимо, недовольная моим появлением. Я соорудил очаг и начал расстилать постель. Бросил на землю весло, нарубил веток ивняка, сверху бросил сухого сена и расстелил спальный мешок, который закрыл сверху ветками ивы. Это защита от росы. Под голову определил рюкзак, накрыл его полотенцем вместо наволочки. Ночлег был готов. Поправил костер. Сухой короткий треск сломанного дерева, многократно повторен лесом. От этого все нервничала и кричала сорока. Река черной массой проходила мимо, на ней белели только сгустки пены. Стало темней. Лес почернел и отдалился. Зарод сена стал серым и увеличился. Костер, потрескивая, догорал. Я забрался в спальный мешок и закрылся штормовкой, вспомнил Харитона Ивановича, когда встретишь еще такого... Загрустил... И проснулся в пять часов утра от сильного укуса комара в верхнюю губу. Губа вспухла и чесалась. Уже наступили блеклые утренние сумерки. Кругом роса. Вода в реке все так же медленно движется мимо.

- Здравствуй, новый день, - говорю я вслух.

И улыбаюсь.

* * *

Лодка тревожно качнулась, принимая на себя груз седока, и плавно отчалила от вязкого со скошенной травой берега. Река была еще сонной, тихой. Водяная гладь курилась редким туманом. Солнце было где-то за лесом. Утренняя прохлада слегка знобила. Стараясь согреться, я налег на весло. Деревянное, с трещиной через всю лопасть, оно бесшумно входило в воду, бурлило серую массу и оставляло на поверхности маленькие воронки, которые через одинаковые промежутки раскручивались - и на темной глянцевой поверхности остава-

лись только белые пузырьки. От этих резких движений лодка двигалась больше поперек реки, чем вдоль, наткнулась на песчаную гряду и встала. Здесь на мели обогнала меня моторная лодка.

- Как клюет? - крикнул дядя в телогрейке, приняв меня за рыбака. Он не ждал ответа, почувствовав песок под винтом, сбросил газ, резко повернул лодку на глубину и затрещал уже где-то в метрах тридцати. На месте, где он переключил скорость, висело маленькое голубое облачко. Резко запахло бензином.

Я стащил лодку с песчаной гряды и, уже не торопясь, мерно, перекидывая весло, поплыл дальше. Менялись пейзажи и запахи: то густо пахло свежим сеном, на скошенных лугах выделялись красивые зароды, как муравейники, то лес зажимал реку и пахло сырым мхом, синие стрекозы доверчиво садились то на лодку, то на рюкзак и вновь срывались в свой неторопливый вальяжный полет. В этом одиноком передвижении меня с берега облаяла собака. Она подпрыгивала, вставала на задние лапы, пряла ушами, чтобы рассмотреть незнакомого человека из высокой травы. Лаяла не зло, а так - чтобы обратили на нее внимание. Добившись своего, собака побежала от берега, раздвигая мордой траву и болтая хвостом над головками ромашки и желтых пастушьих сумок.

- Остановись покури, - окликнул меня мужик с высокого берега.

Двое парнишек в заношенных школьных формах сидели на откосе, болтали ногами, отбивая комья с лежалого песка. Девчонка лет четырнадцати одетая в черные отцовские брюки и цветное платье. Собака с навостренными ушами и веселым блеском глаз, радостная, что она первой заметила незнакомца. Мужчина в резиновых сапогах и сером хлопчатобумажном костюме, с папиросой во рту. Все смотрели на меня сверху вниз.

- Устал небось. Я б зацепил тебя давеча, да у меня груз был большой. Давай отдохни, - говорил он без остановки, пока я причаливал.

На скошенном пятачке стерни валялись рюкзаки, косы, черенки, теплое белье, топор, брезент - все, что необходимо для длительной жизни на лугах в покос.

- Как звать-то? - спросил он. И не дождавшись ответа представился - Георгий. Ты че рыбачишь, или как?

- Путешествую.

- А че один? У нас тут у-у, плывут и плывут. Нынче че-то не видно.

От него шел крепкий запах перегара.

- У тебя нет лишних крючков? - продолжал он задавать вопросы. Ему не нужны были ответы. Он хотел говорить сам. - Вчера мы, ух, крепко надрались. Впопыхах и забыли о крючках. До чего дело дошло: одеколон пил. И зачем, голова болит. Да че говорить, хорошо выпили, - хвастался Георгий. - А ты выпей. У меня есть. Это я запас. А че, с устатку. Он потянулся за поллитровкой «Зубровки», которая была наполовину пуста.

- Ну-ко, Надька, давай доставай сало! У меня все есть. Ты чего, Петро, сидишь? Иди ловить рыбу. Мишка, давай червей добывай, - командовал отец.

Ребята переглянулись и продолжали сидеть.

- У Петьки талант. Он у меня умеет рыбу ловить. В прошлом году вон у той коряги, - он показал рукой на черный пенек, торчащий корнями из реки, - поймал во какую щуку. Поймал и вытащить не может. Дурачок. Заревел и мать зовет. Так она и вытащила.

- А ты че все молчишь? Давай выпей.

Я отказался. Не хотелось портить ясное теплое утро. Настроение и так было радостное. Река здесь делала большую петлю и возвращалась к тому месту где мы сидели. На этом полуострове и был покос Георгия. Многие цветы уже пожухли, побурел щавель, подсохли желтые петушки, только поповник раскачивал белыми длинными лепестками, как девушки ресницами. Перезрелая трава качалась на ветру. Еще два-три дня - и этот луг обнажит все свои впадины, муравьиные бугры, пенечки, будут сереть зарод-два, как на бритой солдатской голове уши. Ох, как знакома мне эта сенокосная пора, когда в детстве с раннего утра мы уходили на лесной покос. Я долго не мог научиться косить, за мной постоянно оставалась нескошенная трава. Я поднимал ее тыльной стороной литовки и, пока она не упала, старался срубить ее. Не успевал. Делал это крадучись от отца и старшей сестры. Они всегда подтрунивали надо мной. Лесная трава была мягкая, она падала раньше, чем я успевал ее подсечь.

Георгий шумел на детей, не стесняясь применял крепкую матерщину.

- Ты пойдешь, Мишка, за червями? Иди вон на прошлогоднее стожарище, там есть.

- Надька, давай вари обед.

Надька постарше, уже огрызается:

- Ты лучше перестал бы пить. Давай литовки налаживай.

- А-а, успеется, - отвечает ей отец.

Дети знают своего родителя, они копируют отца, сидят, смотрят на старших и ничего не делают.

- Ты куда, Володя, торопишься? Оставайся. Да я тебя, знаешь, до Вильдорья довезу вмиг. Там у меня все знакомые. Опять же там появишься - и все. Пьянка. Все равно туда надо ехать, бензин в лодке кончается. Оставайся. Только ты Надьке не говори. Она у-у, как мать, сердитая.

Георгий пьянел и оставался болтливым. Дочь неоднократно требовала, чтобы отец направлял литовки, а Георгий шумел на сыновей, посылая их то удить рыбу, то добывать червей, но дело не двигалось. Скошенная утром трава мягко хрустела под ногами, источая нежный приятный запах.

Я взял черенок, насадил на него литовку. Закрепил ее обручами и клиньями, по росту, на уровне пояса, установил ивовую ручку, затянул ее, как хомут, пеньковым растрепанным шнуром. И не направляя косы бруском, с ходу, пошел косить поперек луга, от этого табора к березкам, выросшим у того берега реки. Металл шумел от соприкосновения с травой. Слева накашивался зеленый вал.

- Нет, ты, оставайся, - пьяно просил Георгий, когда я вернулся обратно. Сейчас отобьем литовки, направим.

- Надька! Где у нас наковаленка? Молоток?

- Ищи сам.

Надежда разжигала костер. Георгий тяжело встал. Пошарил в одном из мешков, достал мелкий трехгранный напильник.

- Ладно. Сейчас не найдешь. Вечером сделаем. Сейчас снимем заусенки. - Георгий упер литовку в землю, встал над ней, зажал коленями. Наклонился, заскрежетал металлом по металлу, сдирая стружку.

- Вот, - покачнулся он, распрямляясь, - сейчас бруском - и готово.

Я пошел косить. Георгий допивал бутылку. Командовал сыновьями, которые прибежали откуда-то с пустыми руками.

Время шло к обеду. Петька устроился на реке и уже вытащил несколько чебаков. В узком месте, между рукавами реки, появлялись один за другим зеленые валы. Покос расширялся. Георгий тяжело и коротко дышал. Отдувался от пота и под любым предлогом останавливался: то курил, то заставлял младшего сына разбрасывать валки, то шумел на Надежду, которая и без него знала, что нужно делать. Солнце крепко накаляло рубашку на плечах, рукава и спина которой были мокрыми от пота. Трава стала жесткой. Брусок все чаще стал звенеть по литовке. Георгий вымотался и встал.

- Надька, давай обедать, - он отправился к костру.

Я докосил всю траву в этом узком месте полуострова.

- Сейчас мы поедем заправляться, - сказал он дочери заискивающе. Он чувствовал свою вину и ничего не мог возразить на упреки дочери.

- Петька, поехали! - крикнул он старшему.

Младший заныл, но получил решительный отказ и остался с сестрой. Поездка была как отвлекающий маневр от основной работы. Замелькали прибрежные кусты, вода бурлила за бортом. Георгий забыл о покосе, лицо его стало улыбчивым, исчезло выражение вины. Он щурился от встречного ветра, от дыма дешевой сигареты, строил планы и бахвалил.

- Сейчас приедем. Здесь леспромхозовский участок. Да меня все знают. Заправимся. Ты, Володя, оставайся. Сейчас заправимся. Порядок. Я тебя чего до Вильдорья - до Ношуля довезу.

Ветер трепал рубашку. С затоптанного ногами носа моторной лодки летел в глаза песок. Через пробитые рваные дыры в бортах заливалась вода. Под ногами хлюпала грязь. Верхняя крышка с мотора потеряна, свеча открыта для всех брызг с реки. Георгий сидит вполуоборот к ветру и курит у открытого бачка с горючим.

Из-за очередного поворота реки вынырнула деревянная заплота, перекрывающая всю реку. Она нужна для отлова беспризорно плывущих бревен. Мы остановились. Шелест березовых листьев на ветру заменил грохот мотора. Георгий бросил коротко: «Я сейчас», - и ушел по перекрытиям на правый берег. Я устроился в тенечке на берегу. Петр решил

осваивать технику. Отталкивал веслом лодку вверх по течению от перегородки на несколько метров, брался за шнур стартера, успевал накинуть шнур на диск, дернуть. Мотор отвечал на его рывок слабым чихом - и лодка причаливала к заплоте. Парень снова брался за короткие весла, махал ими, но детские руки не давали ему возможности хорошо оттолкнуться. Это его не смущало. Он работал с улыбкой, последовательно и упрямо. Когда еще представится такой случай повозиться с техникой. Мальчик сумел завести мотор и даже проехать несколько метров, но мотор глох, лодку прибивало течение. Все начиналось сначала. Постоянный стук диска, запах бензина сделали берег неуютным. Я пошел искать хозяина.

Георгий самозабвенно играл в карты в бытовке с рабочими. Бытовка была квадратной и зеленой. Ее зелень перекрывала цвета природы. Я встал смущенно на пороге.

- А, сейчас, - воскликнул Георгий.

- Ходи, Иван, - сказал, не обращая на меня никакого внимания, небритый мужчина.

- Шо це робишь, шо це робишь? А ну дай гляну, - говорил крепкий хохол.

- А шо глядеть, усе вирно, - отвечал ему земляк, но соперник в этой партии.

- А шо це? Шестак, - наступал кореш, - а чем крыл?

В порыве азарта хохол загнул карты у своего земляка, выхватил одну из них и звучно шлепнул об стол. Они долго шумели. Спорили о правильности хода. Мухи на стекле в своем природном желании освободиться были более последовательны, чем эти ребята в игре в карты.

- А, сейчас! - вновь вскрикнул Георгий, хотя я уже давно сидел на лавке возле стола. Спор закончился вничью. Ни одна из сторон не хотела уступать. Свидетелей не было. Хохлы вышли из бытовки спокойные и уверенные, что каждый из них выиграл.

- Где Петька? - спросил Георгий.

- Там на руке.

- А... Надо искать бригадира, он поможет.

Солнце грело, в тени жужжали комáры, мелкие листья березы трепыхались на теплом ветру. Мы шли по только что разбитой тракторами поляне. Ровные прямоугольники чуть

пожелтевшего дерна шевелились под ногами. Рядом с дорогой поникла в жаркой истоме сочная трава. Шли молча.

Петька продолжал свое дело. Дергал веревку, стараясь вывести диск стартера в вечное движение.

- Ты че портишь мотор? - закричал отец.

- А че? Я не трогаю, - соврал лукаво-довольный Петька, - я так.

- Бери канистру. Пошли.

Петька послушно выскочил на берег, прихватив пластмассовую канистру. Они ушли на левый, густо поросший ивняком и поповником, берег.

Я валялся посередине реки на ограждениях. Облака шли своим чередом, то закрывая солнце, то давая его лучам прогревать землю. Вода шлепала по бревнам, гнала щепки и пену к правому берегу, там получился своеобразный отстойник речного хлама. Это была уже не робкая Лузка, а настоящая река. Она была здесь хозяйкой. Вся жизнь здесь строилась в зависимости от весенних капризов реки.

- Ну, поехали. Готово, - прервал мои мысли о Лузе Георгий.

Мотор под его рукой разорвал тишину. Георгий включил скорость, и мы пошли вверх по реке, запруда скрылась за поворотом, казалось, мы поднимемся так же скоро, как спустились. Но Григорий резко крутнул ручку регулировки газа, мотор взревел, перемешал упругую воду, речные травы и замолк. Отец и сын взялись дружно осматривать мотор. Очистили винт от травы, заменили шпонку. По перекату хозяину лодки захотелось пройти на скорости, мотор напрягся и заглох. Течение подхватило лодку, развернуло поперек реки и быстро снесло ниже переката. Петр коротким веслом пытался подвести лодку к берегу.

- Хватайся за кусты. Хватайся. Да брось ты это весло, - раздраженно кричал отец.

Кустов как назло близко не было. Зацепились за траву. Несколько раз Георгий пытался пройти перекат на скорости, но как только он увеличивал обороты, мотор глох. Тишина нарушалась то стуком мотора, то матерным монологом хозяина лодки. Георгию была нужна скорость, хотя никто никуда не торопился. Мы несколько раз причаливали то к правому, то левому берегу, хватались за кусты ивы, за траву, скребли дном

лодки по камням на перекате, но оставались на одном месте. Прошло много времени, пока Георгий понял, что можно плыть на малых оборотах. От этого настроение Георгия испортилось, он весь ушел в себя, молча курил, лицо его выражало досаду, морщины четко обозначились на лбу, под глазами, на щеках подле ушей.

- Где вас черт носит? - кричала Надежда с крутого берега. - Уже полпокоса можно было закончить, а вы все болтаетесь.

Георгий молча поднялся на крутой берег к вновь появившемуся столу.

- Есть давай! - огрызнулся, - на все еще ворчавшую дочь.

Мальчишки сидели за столом и стучали ложками. Мы уехали без обеда. Щи, сваренные из консервированной капусты, лука, томатов, куска домашнего сала. Чай. Хлеб. Вот и весь обед. Но здесь - под открытым небом, где на противоположном берегу, за скошенным покосом, начинался лес и ему не видно было конца. Под горячим солнцем, где на глади воды ежеминутно появлялись новые рисунки, порожденные течением реки. При тишине и запахе цветов, этот обед мне показался куда более вкусным чем в московском ресторане где-то у Малого Каменного моста.

После обеда Георгий снял пропотевшую серую рубашку и пиджак. Одел свежую, белую мятую сорочку. Сразу помолодел. Поднял литовку. Осмотрел ее со всех сторон. Подумал, что с ней сделать - и бросил. Пошел в густую тень, падавшую от березы, упал на свежее пахучее шелестящее сено и уснул. Он спал на животе, уткнув нос в предплечье, торчали только голые пятки. Ни один комар его не трогал. Солнце давно переместилось на горизонте в сторону запада, береза уже не прикрывала Георгия от теплых солнечных лучей, но он только похрапывал. Он проснулся, разморенный теплом, с крупными каплями пота на лице, разбуженный раскатами далекого грома.

- Это че, дождь идет? - спросил он, - смахивая пот с лица рукавом рубахи.

Белые густые тучи накатывались на солнце, как валы снега на полях, толкаемые бульдозером.

Георгий встал и босиком направился по скошенной траве к столу. Напился из ведра. Закурил. Потом долго шышлял возле разваленного скарба, что-то искал, что-то перекладывал, дела не делал и без дела не оставался.

Жара спала. Солнце закрыли грохочущие тучи. Я выбрал самую дальнюю березу как ориентир на противоположном конце поляны. Косил не торопясь, часто останавливаясь поправить литовку бруском, прихлопнуть комаров на шее и плечах, съесть перезрелую землянику. Прошел четыре раза туда и обратно всю поляну, а хозяин все искал и не мог найти наковаленку.

День практически кончился. Солнце еще пробивалось отдельными лучами на землю. Засинела от туч вода в реке. Дым от костра поднимался вверх и вытягивался хвостом вдоль реки. Надежда хлопотала у закоптелого ведра. Кидала в кипящее варево щепотками соль. Помешивала. Пробовала. Мальчишки сидели на земле поджав ноги. Петр выловил свою щуку. Рыба, еще не разделанная, лежала на траве. Георгий ставил палатку. Он возился с ней тяжело и долго. Постоянно призывая сыновей на помощь. Опорные колья Георгий вырубил не по размеру. Палатка висела на них, как на веревках сырое белье. Георгий пытался натянуть полотно палатки боковыми веревками. Палатка раздвинулась, приобрела форму дома, давно заброшенного, с провалившейся крышей.

После ужина Георгий вбил наковаленку в толстую плаху, глубоко присел над ней, широко расставив острые коленки, сложился, как перочинный ножик. Только правая рука была в движении, поднималась невысоко над наковаленкой и острием литовки. Звук удара не разлетался над рекой, а уходил через плаху в землю: «Бук, бук, бук». Но и этот невеселый звук скоро затих. Георгий разжал пальцы, молоток стукнулся об литовку и встал ручкой кверху. Литовка задралась острым носком в небо. Звук металла затих. Иногда потрескивал костер. Георгий ушел спать в палатку. Мальчики сидели притихшие. Надежда, накинув шерстяную кофточку на плечи, задумчиво смотрела на реку.

Незаметно уходило время.

Я лежал на спине в спальном мешке и наблюдал за передвижением ночных облаков. Воображение составляло из этих облаков самые фантастические картины - то античного богатыря, то стройного оленя, то медведя.

Я проснулся раньше всех. Утро было пасмурное, но росистое. На поднятые мной шорохи вышел из палатки Георгий. Он пытался разжечь костер, но дров было мало. Мальчики

вчера так и не принесли валежника. Костер дымил. Дрова отсырели от росы. Георгий дул, но как-то лениво.

Я достал банку тушенки, хлеб. Георгий засуетился:

- Дак че ж свою-то тушенку ешь, што ли у меня своей нет.

Георгий понял: я уезжаю. Я мог быть добровольным помощником Георгию, но его работником никогда.

Я сел в лодку. Она наполовину заполнена водой. Черпака уже нет. Мальчишки еще вчера вечером утопили его в реке. Вычерпываю воду детским ведерком. Выгребаю на средину реки. Мальчишки проснулись и смотрят то на меня, то на отца.

- До свидания, - кричали мальчики. Надежда смотрела молча. Скулила собака, подбегая то к одному, то к другому члену семьи.

Георгий лениво раздувал костер.

* * *

Я плыл дальше. Путь до заплоты был знаком. По перекату лодка прошла, как зимой на лыжах с горы, быстро, совсем незаметно добрался до перекрытия. Все спало. На заплоту набегала вода, чистая уходила под бревна, поверхностная задерживалась, толпилась и сталкивалась вправо, к берегу. Густая трава уже не могла закрыть того, что приносила река. Белая пена с желтыми макушками нарастала, как грибы на навозе, росла, росла и падала, сгнив ни для кого. Чем ниже по реке, тем больше топляков. Они, как местные айсберги, подкарауливают лодку с мотором, просто лодку с веслами, нарушают жизнь подводной растительности и рыб.

Снова тишина, только шуршат сине-зеленые стрекозы и метров на триста - прямой канал реки без видимых перепадов. Однообразие. И когда перед глазами появился крутой глиняный берег, я вспомнил реку Серьгу на Урале. Крутые повороты, перекаты, скалы, выветренные известняки делали путешествие незаметным.

Бросаю весло. Падаю на спину. Смотрю вверх. В памяти выплывают картины черного усеянного звездами неба, где-то в ущелье на северном Тянь-Шане, метели на Косьвинском Камне, всплески моря под Аккерманом. Но совсем местный, мирный стук молотка о наковальню поднимает меня. Лодку уже давно развернуло течением. Стук молотка оказался сзади. Я

развернул лодку. На высоком берегу сидел, склонившись над чурбаком, мужчина и мирно стучал. Этот звук разлетался на всю округу, как стук настенных часов. Крестьянин меня не заметил. Я проплыл мимо небольшой деревни без остановки. Пустынна и одинока река до Вильдория. Люди в этих местах появились в последние годы, селились по нужде и легко покидали эти места. За поворотом мелькнули темно-зеленые вершины тополей. Я обрадовался - люди. Лодка поплыла быстрей. По косогору строгим квадратом, примерно сто на сто метров, расположились ровные, как гвардейцы на смотру, тополя. Я причалил. Толстые, почти в обхват, деревья стояли вдоль реки. Они, как магнит, притягивают к себе. Тополя посажены людьми и для людей. Я подхожу к одному, другому, хлопаю ладонью по шершавой коре, как хлопают по плечу давно не виданного друга. Иду по этой алее вправо в сторону поселка. Деревья под прямым углом поворачивают вверх по косогору. Иду вдоль тополей, как генерал на параде. И в ответ слышу только шелест листвы.

Деревня пуста. Дома без мужской хозяйской руки и от времени ссохлись, сгорбились, осели в землю. Из разбитых окон и дверей, как из нечищенного рта, исходил запах погребов. Заросли кипрея прикрывают черноту покинутого жилья.

Я возвращаюсь к тополям, вхожу в этот зеленый квадрат, смотрю в небо, куда устремились вершины деревьев. Там тоже безмолвие. Спускаюсь по косогору к реке. Тишина в когда-то шумном месте. Снова хлопаю по шершавой коре, но меня преследует сострадание к этим посаженным человеком тополям, выросшим для него и покинутым им.

Я плыву, река делает поворот - и снова эти тополя. В памяти всплывает рассказ С. Никитина о том, как переживает Еремей о своей Северке. Не может того быть, чтобы человек забыл о своем труде, о своем дереве. Жизнь разбросала всех от этого места далеко и близко. Но все равно кто-нибудь вспомнит: «А вот у нас в деревне поляна для игр была обсажена тополями». И вздохнет.

А здесь, на этом месте, была просто высылка. Здесь жили сосланные «враги власти». Как только ослаб контроль, так сразу все покинули эти глухие места. Чего же добились власти, творя такую политику? Ничего. Обеднены, разбиты те края

откуда людей изгнали, и отсюда они ушли, оставив результаты своего немилого труда. Сломаны судьбы людские, восторжествовали злоба и недоверие. - Уничтожение духовности, корней русского общества. Деревня основа пополнения городского населения - поражена вирусом недоверия к власти. Это так просто не проходит.

Я приплыл в Вильдорие. Надо выходить к людям. Оставляю лодку на берегу навсегда. Кто-нибудь подберет. Но как выехать отсюда? Транспорта нет. Только есть слухи, что из тайги должен вернуться ЗИЛ, который пошел за погибшим в лесу человеком. Группа молодых людей тоже ждет машину, но, когда она пришла, ехать в ней они отказались. Все, что осталось от человека, это запах. Я становлюсь в кузове у самой кабины, когда транспорт движется, запах уходит, но на всех ямах и выбоинах, а их много, запах настигает. Был человек, и нет, все его проблемы остались с ним. Терплю до Ношуля.

* * *

«Ношульская пристань, - читаю я в словаре Брокгауза и Ефрона, - на правом берегу реки Лузы, в 236 верстах от уездного города, в 277 верстах от Устюга, в 180 верстах от Вятки. Одна из важнейших пристаней Вологодской губернии, еще в 50-х годах XIX века была первою по своему торговому значению. Открылась Ношульская пристань в начале XYIII века и служила местом отправления товаров из северных в более южные губернии».

Вот такая значительная была Ношульская пристань. На берегу реки еще сохранились старые лабазы. Среди новых построек, совхозных и леспромхозовских бараков, как высотные здания в городе, выделяются большие северные дома с шестью, восьмью окнами на улицу. Дома уже ветхие, покосившиеся, кой где с провалившимися крышами. Но они стоят вольно и широко, без всякой уличной планировки. Они напоминают о характере живших здесь людей - людей, любивших простор и умевших трудиться. Пятистенный двухэтажный дом надо уметь построить, надо уметь содержать его, надо уметь обеспечить его. Жили широко и строили на века для себя, для своей семьи. Жили здесь крепкие люди, но не кулаки.

Нынешние бараки убоги по сравнению с северными гигантами. Люди в них теснятся, зажимая простор своих мыслей и при первой же возможности срываются и уезжают - хоть куда, лишь бы нашелся очередной барак - так и не познав красоты своего дома и радости общения с ним. Бараки - порождение советской власти, выскользнувшая из-за высоких заборов и колючей проволоки лагерная архитектура, это презрение к людям, закамуфлированное высокими идеями и «временными» на десятилетия трудностями.

Я шел в контору леспромхоза. Двухэтажное, обитое досками и покрашенное в желто-оранжевый цвет, здание стояло среди лесных насаждений. Слева от конторы торчали два высоких шеста, на которых закреплены теле- и радиоантенны. Дом в глубине насаждений всегда вызывал у меня какое-то грустно-приятное уважение, может быть потому, что я никогда не жил в таких домах. Они всегда выходили воротами на улицу. Дом в саду - это всегда тишина, полумрак, таинственность. Я постоял с минуту под впечатлением, которое произвел на меня этот казенный дом. Тротуар между штакетником вел к крыльцу. За штакетником качалась высокая трава, через которую просматривалась клумба с оранжевыми пятнами календулы. Шуршала листва березы, покачивались лапы ельника, в правом нижнем углу полисадника треугольником росло семейство высоких лип.

Было воскресение. Безлюдно. В прохладном темном коридоре конторы я крикнул: «Есть здесь кто-нибудь?». В глубине здания, справа, открылась дверь:

- Есть, заходи.

Я пошел на голос и очутился в узле связи. Два коммутатора со шнурами, белые телефоны, рации и мухи.

- Вам ково? - прозвучал фальцет горбатой, как я заметил, женщины.

- Можно ли у вас переночевать? - спросил я.

- Почему нет. Вон дом приезжих, - показала она рукой в окно. А зачем вы сюда вообще-то прибыли?

- Работать хочу устроиться.

- Так вон директор-то из бани сына тащит, - сказала женщина окая и растягивая слова.

- Неудобно, наверно, в воскресение решать такие вопросы?

- А че неудобно-то, сейчас он сам пойдет мыться в баню. Ты подойди к нему. Мешок-то брось пока здесь.

- Как зовут директора?

- Сергей Петрович.

Я вышел во двор. Директор скоро появился из своего дома. Это был мужчина лет сорока. Ростом ниже среднего. Плотного сложения. Русые волосы, откинутые назад, открывали большой высокий лоб. Бело-красная рубашка в клетку. Серые брюки, заправленные в короткие резиновые, зеленого цвета, сапоги. Все это ничем не выделяло его из среды других людей, которые появлялись на улице.

Я представился и объяснил цель своего приезда. Директор посмотрел на меня внимательно и сказал: «Ладно, завтра решим».

Утром следующего дня начальник поставил визу на моем заявлении: направить на лесозаготовку.

Через несколько часов я был в рабочем поселке Орысь.

Начальник лесопункта, молодой человек, в летней белой кепке на, чуть прикрывающей лоб, выгоревшей за лето куртке-штормовке, покатыми плечами, встретил меня приветливо, сидя за столом своего маленького кабинета. Он рассказал, что представляет собой его лесопункт. Население поселка - 360 человек вместе с детьми. План - 50 тысяч кубов леса в год. Люди разные, бывалые, но и тех не хватает. Еще много говорил о технике безопасности, но к нему приехало начальство из центральной конторы, и мы с ним расстались.

Толстушка с яркими женскими округлостями принесла мне кирзовые сапоги, рабочие рукавицы, спецодежду.

На крыльце у конторы сидели два парня. Один постарше, в оранжевой рубашке, в синем двубортном, простроченном по лацканам, со светлыми пуговицами пиджаке, в коричневых брюках, в тапочках на босу ногу. Волосы черные прямые, постриженные под горшок, но современно, глаза коричневые, от которых по углам веером на виски разбежались глубокие морщины, и под глазами у него было мякотно и морщинисто. Лицо смуглое. Черноту этого человека дополнял рот, когда он говорил, а говорил он постоянно, изо рта просматривались: черные остатки настоящих зубов и коронки нечищенного железа.

- Вася, - представился он.

Второй - молодой, в заломленной курортной кепке с жестким белым козырьком, в синей расстегнутой рубашке, завязанной узлом на животе. Постоянно двигал руками, телом, щелкал пальцами и за отсутствием опыта общения с людьми, знаний элементарных повседневных русских слов - сыпал матом. «Как мы вчера дали, с-сука, до трех часов гуляли. Спать хочу». Эту фразу он повторял постоянно с различными дополнениями из богатого русского устного языка. Человек, что знал, то и говорил. Он тоже подал руку, но я его тут же и забыл.

Василий пытался узнать, кто я и зачем сюда приехал, это естественно, так же, как и я хотел узнать, кто же они. В предстоящие недели нам предстояло вместе жить и работать. Но мне не хотелось раскрываться сразу, люди толкуют факты поразному. «Приехал работать, поживу немного, там видно будет», - был мой ответ. Болтливость первого и безразличие ко всему второго привели к тому, что говорил только один Василий.

Через час я уже знал одиссею парня в синем пиджаке.

Из сорока двух лет жизни Василий десять прожил в заключении. Он рассказал это в грязной комнате общежития, когда мы остались вдвоем. Я полулежал на кровати, на рваном без простыни матрасе. Василий ходил по комнате, шаркая тапочками и дымил «памиром». «У меня была и до сих пор осталась мечта, - говорил Василий, - построить свой мост. Учился я в московском строительном институте. Был женат. Родители в Москве. Есть сын. Но нелепый случай. Сдавал сессию на четвертом курсе. Вечером вышел отдохнуть на улицу. Все книги, книги, голова кругом. Во дворе компания. Знакомые и незнакомые. Попросили закурить. Слово за слово - поссорились. Я ударил одного штакетницей по голове. Тот оказался слабым - умер. Вот и все. Жизнь пошла кубарем. Жена со мной развелась. В Москве прописки нет. Пять лет ссылки после лагерей еще не прошли».

Он ходил по комнате, курил, вспоминал профессоров, говорил о своих способностях. Мечтал вслух: вот он закончит заочно какой-нибудь лесотехнический, чтобы быть каким-нибудь начальником лесоучастка.

«Что это, легенда?» - думал я. По выражению лица трудно сказать о его внутренних переживаниях, да и интонации голоса неглубоки, чувствовалось, что не впервой он говорит о

своей судьбе, все переживания стерлись. Мне хотелось извиниться перед ним, я стал непроизвольным толчком его воспоминаний, но я промолчал. Мало признаний, нужны поступки, но это впереди.

Трактора, который должен был выйти на вахту еще в одиннадцать часов утра, все еще не было. Я волновался - наивность городского человека - вдруг мы его упустим.

- Куда он денется, - говорил Василий, - без нас он не уйдет, вот погоди еще придут, будут искать нас.

Только к трем часам дня трактор притарахтел к пекарне. Загружали хлеб для вахтовиков. Почти весь народ поселка собрался здесь, кто-то помогал грузить горячий пышный, прямо из большой русской печи, белый хлеб, кто-то провожал, кто-то просто пришел поговорить, передать привет работающим в лесу. Трелевочный трактор Т-55 был приспособлен для перевозки людей. Тяговая лебедка, трелевочный щит были сняты, на их место был приспособлен кузов с пологом, куда сгрузили продукты, туда же поднимались те, кому следовало ехать. Еще с час потеряли времени на различные разговоры. Тридцать пять километров от поселка Орысь до вахты трактор преодолел за шесть с половиной часов. Трактор, как морской катер, то поднимался, то опускался в рытвины дороги. Но если морской катер на волнах проваливается в бездну воды плавно, как на качелях, то здесь на каждом подъеме и спуске в густую жидкую массу тракторист переключал скорость - и машина резко дергала, крепко поддавая под зад. Тракторист вел свой корабль то по самой середине густо-желтых с синими пятнами нефтепродуктов луж, то прижимался к березово-осиновому молодняку, мял его под гусеницы. Мотор трактора глох то на громадных пнях, на которые тракторист спьяну натыкался в молодняке, то в глубоких ямах этой густо-желтой жидкости. Тракторист выбивал ногой железную дверь своей кабины, вылезал на гусеницу в пропитанной соляркой и техническим маслом робе, боком пробирался к мотору, открывал крышку, при этом ругался на чем свет стоит, ковырялся - в моторе что-то делал, спрыгивал с высоты гусеницы в жидкую массу, брал кувалду и брел пьяный, злой, чумазый вдоль трактора, и подбивал кувалдой вылезшие наполовину пальцы гусениц. Затем возвращался в кабину, и движение продолжалось до следующей поломки.

Бывалые люди в кузове вздыхали на таких остановках и просили кого-то, чтобы он смилостивился, не ломал трактор, а то просидим целую ночь, или придется идти пешком. Этот кто-то услышал мольбы трясущихся в кузове людей. Трактор выдержал: не сломался мотор, не рассыпались гусеницы. Темным, поздним вечером мы прибыли на вахту.

Здесь мирно стучал движок, горели на низких столбах электролампы, выхватывая у темноты кусочек дня. Все, кто жил здесь, собрались у трактора. Когда заглох мотор этого вездехода, всех прибывших придавила забытая во время дороги тишина. И в этой тишине из кузова трактора простонал женский голос:

-Уюк, где ты, вот я и приехала! Ешь твою малину в корень. При этом женщина ударяла на букву «Х», произнося ее перед этой странной фамилией. Все потонуло: усталость преодоленной работы, проблемы жизни и сама жизнь - в дружном, здоровом мужском хохоте. Хохотали все, казалось, елки и те затряслись от этого искреннего радостного звука. Женщина переломилась через борт кузова, свесив руки на плечи своего мужа. Уюк стоял прямой и спокойный, ни один мускул не дрогнул на его серьезном лице, как будто это его не касалось, он не шелохнул пальцем, чтобы помочь жене. Какие-то мужчины, продолжая смеяться, помогли женщине, поставили ее на ноги, а она все также продолжала подтрунивать над фамилией мужа.

Под смех и шутки быстро разгрузили трактор. Народ еще потолкался на свету, обмениваясь новостями, и вскоре разошелся по своим балкам.

Мне тоже выделили место в третьем балке справа с начала улицы, в помещении на четырех человек. Вторая полка, я был четвертым. В помещении было так прокурено, что здесь уже не водились ни комары, ни мухи. Я расположился на левой верхней полке от входа. Познакомились. Сергей - тракторист, спит подо мной. Петр - чекеровщик, на правой верхней полке. На нижней полке Виктор - сучкоруб, как и я. Сергей снизу долго курил, а затем еще и с утра с пяти часов. Я думал, что к утру из меня получится копченая колбаса, но ничего - выдержал. Утром отправились на работу.

До делянки, в которой велась вырубка леса, нужно было пройти километров пять, где тракторной дорогой, где по

старым вырубкам, где по болотистой тайге вдоль лесного ручья. Туда и обратно каждый день.

Первыми начали работу вальщики. Бензопилы «Дружба» затрещали в нетронутом лесу, но уже через несколько минут первая ель, рассекая кроной воздух, шурша, стукнулась об землю, поднимая пыль с земли и отряхая с себя. Больше уже этому дереву не смотреть в небо, не тянуться к звездам, не принимать в своей гуще птиц и белок. За первой елью последовала вторая, третья... Сучкорубы, сидевшие до этого в стороне, прекратили поправлять бруском свои топоры и включились в работу. Взмах топором - удар. Хорошо, если ты сшибаешь сучок с одного удара, но не всегда это получается: то удар слабый, то сучок толстый. Так каждый сучкоруб машет топором, переходя от вершины сваленного дерева от одного сучка к другому, от одного ствола дерева к другому, перебрасываясь иногда случайными фразами. Последними в работу вступают тракторист на трелевочном тракторе и чекеровщик. Задача последних - зацепить стальным тросом несколько очищенных от сучков стволов и вытащить на нижний склад. Нагруженный трактор урчит, поднимается на дыбы, как конь, и не сразу вытянет поваленный лес, тогда тракторист ослабляет лебедку, отъезжает на несколько метров и тянет груз лебедкой по два-три хлыста. Набрав пачку стволов, тракторист подставляет трелевочный щит, втаскивает на него весь зацепленный лес и тащит к нижнему складу, оставляя после себя глубокие царапины, в виде желоба, на земле. При этом весь молодняк, кусты и кустарники, поперек лежащие деревья перемалываются трактором, вытаскиваемым им грузом - и только что нетронутая тайга превращается в исковерканную промышленную площадку. Грустно смотреть на новый пейзаж. Но что делать? Ведь вместо гусениц калош не наденешь. Смотришь на эту изломанную тайгу, искалеченную землю с двойным чувством: с одной стороны - нужен лес, с другой - никак душа не может смириться с тем, что сделано. Конечно, в повседневном труде человек забывает о природе, но от этого не легче ни человеку, ни природе.

В обеденный перерыв, усевшись на свежие бревна, бригада молча потребляет сухой паек: мясные, рыбные консервы, хлеб, воду или холодный чай. Василий, а с ним несколько молодых парней уходят к ручью. Разводят маленький костерок. Завари-

вают в пустой банке из-под консервов полпачки чаю - чифирят. Густой черный напиток горяч. Парни по очереди, обжигаясь, пьют по глотку, снова заваривают и снова пьют.

Жена Виктора Уюка затеяла маленький конфликт из-за рабочих рукавиц.

- Это мои верхонки, - крикнула женщина, выхватив рукавицы у мужа.

- Нет, - ответил спокойно Уюк, - вон твои лежат на комле. Видишь? Отстань! - Делалось это как-то вяло и не привлекло всеобщего внимания. Люди курили, отдыхали: кто развалился на поваленных деревьях, кто сидел на земле, широко разбросив ноги.

Вечером после работы в вахтовом поселке бригаду ждал горячий ужин, узкие кровати в балках и электрический свет до одиннадцати часов вечера. Дальше все затихало, погружалось в темноту, в сон.

Через две недели бригада закончила работу раньше срока. Все оживились и засобирались в Орысь. Хоть какое-то разнообразие. Те же люди в поселке, но давно не видели. Соскучились. Все уехали. Я остался один. Я ходил по старым вырубкам, ел перезрелую малину. Ягод было так много, что пришлось их собирать и сушить. Кисло-сладкий сок я пил кружками, отчего у меня появился зверский аппетит. Все запасы пищи закончились, а бригады все не было. Обещали вернуться через три дня, а вернулись через неделю. Слабый звук мотора я услышал задолго до появления транспорта, звук все нарастал и густел, и наконец трактор замолк, отравив округу перегарами солярки.

- Привет, Робинзон, - крикнул мне Сережка-тракторист. - Тебя чуть не арестовали.

- Меня? - удивился я. - Кто же мог меня арестовать? Медведь? Так его близко не было.

- Там в поселке убили одного, нас всех допрашивали и тебя тоже хотели допрашивать, а потом решили, что не надо.

- Кого убили?

- А этого, помнишь, в жесткой кепочке, который все юлил возле нас, когда мы в прошлый раз грузились?

- За что же его?

- За прошлое...

- Не задавай лишних вопросов, - перебил наш разговор Василий, - легче жить будет.

Август месяц заканчивался, бригада спешила сделать план. Если не выполнялся план, то это резко снижало все расценки и зарплату. Меньше стали засиживаться на обеде. Вальщик Уюк ворчал:

- Что это за лес - один чепыжник.

- Бугор, - обращался он к бригадиру, - давай свалим вон те здоровые елки, сразу будет кубатура.

- Это же в другой делянке. Видишь: квартальная. Оштрафуют.

- Подумаешь - залезем три-пять метров, - поддержали Уюка другие рабочие. - Оштрафуют. Это еще когда будет, а план сейчас нужен.

Деревья спилили.

В другой раз Уюк устроил экзамен бригадиру по нарядам:

- Бугор, ты наряды, конечно, не закрыл.

- Напишу. Приедем в Орысь - и все в конторе составлю. Закрою, как надо.

- Ты смотри, эти сороки из конторы прилетят, они тебе быстро кубатуру урежут. Страховаться начнут, снижать, - знаем мы их.

- Успокойся, Уюк, план уже есть, еще поработаем пару дней и домой - на отдых.

После возвращения с вахты все общежитское население ударилось в пьянку. Пока я сдавал спецовку коменданту, столы во всех комнатах были уставлены бутылками портвейна. Люди ходили друг к другу в гости, пинали двери комнат и кричали во все горло, как будто старались перекричать работающий трактор.

Я спешил, у меня заканчивался отпуск на основной работе. Выпили. Василий быстро пьянел и лежал на кровати. Сергей и Петр, соседи по балку, были в форме, для них отдых только начинался. Уюк молчал.

- Что же ты все время молчишь, Виктор Леонтьевич, - обратился я к нему.

- Чего говорить. Я привык: приходят и уходят люди, а я остаюсь в тайге, такая моя жизнь. Привет Уралу, сиживали мы там, рабатвали.

Я вышел. Сегодня опять воскресение, транспорта нет. Иду пешком в Ношуль. На берега реки Лузы. Дорога пыльная песчаная, по обеим сторонам молодой сосняк - чепыжник, - как сказал бы Уюк. Капает мелкий дождь. Сворачиваю с дороги. Сажусь под сосну отдохнуть. Удивительно, как меняется восприятие природы. Только что с высоты своего роста я видел разрозненные кусты ягеля. Я присел - и перед глазами вытянулись сплошной стеной золотистые стволы молодого сосняка; ягель, распрямившийся на дожде, образовал сплошной светло-зеленый ковер, поверх которого лежат сосновые шишки, как украшения на восточном ковре. Тихо. Нет машин, нет тракторов, никто не стучит топором по деревьям. Вдалеке виднелась река Луза, поросшие осокой берега до взгорья. Поселок, высокие бело-бурые антенны, спадающие огороды к реке, редкие белые наличники на крестьянских домах. Пробившееся солнце сквозь тучу крепко озеленило осоку. Мужчина на противоположном далеком берегу шел к лодке. Каркали вороны. Напуганная пара уток ушла вверх к закату солнца. Стога сена серели на фоне темно-зеленого далекого леса.

Рыбак в лодке тихо пел, но голос, усиленный тишиной и эхом реки, был хорошо слышен в сосновом бору. Оставленная рыбаком на берегу собака резко лаяла, бросалась в воду, скулила, взвизгивала и с тоской смотрела на рыбака в лодке, который на нее не обращал внимания. Мычали коровы, возвращавшиеся домой на вечернюю дойку. Черно-холодная августовская река поглощала отблески уходящего солнца. Пустынный золотой пляж разбросился на сотни метров. Ни души, лишь редкая растительность вздыбливала песок, сучки, ветки да косые следы человеческих ног разнообразили мелкие дюны лузского песка.

И вдруг в холодной глади реки появились белые ноги, голубая юбка, черная кофта, коромысло с двумя пустыми качающимися ведрами на сильных плечах. И крик: «Людка!», - пронесся по сосновому бору. Подружка с визгом и хохотом спускалась по косогору, схватила на ходу ведра с плеч женщины, зарябила кругами воду и убежала по тропе в ельник к белому дому с зеленой крышей, где трещала пила «Дружба». В этом радостном женском порыве молодого тела и заключается счастье бытия. И мне вдруг ясно представилось движение Земли на ветру Вселенной. И мы, люди - такие маленькие

песчинки - стремимся подольше задержаться на теле Земли на ветру движения Вселенной, и как мы люди на этой Земле, на ветру этого движения приспосабливаемся, так каждый из нас и понимает эту жизнь.

* * *

Реку Лузу я проплыл, прошел пешком и проехал на машинах. Я приезжал к ней поездом через Киров - Станция Луза, прилетал самолетом через Сыктывкар - автобусом Ношуль, добирался до нее, когда возвращался с плаванья по Оби через Лобытнанки - Воркуту - Котлас. Какие прекрасные названия поселений на реке Лузе: Объячево - Керос - Читаево - Векшор - Залузье - Спаспоруб - Лойма - Годово..., а какой здесь говор! Здесь не говорят отец - отеч, или «надо слеч успеть», то есть до слякоти; «как шай упала» - вдруг упала; а прозвища - шоршок - что такое шоршок, никто мне не объяснил, или головиченок - по матери писарь, но какая женщина могла быть писарем в старое время? Однако головиченок есть.

Тот читатель, который устал читать или не любит книг про убийство, секс, воровство и поножовщину, может почитать эту повесть дальше.

Так получилось, что от станции Сусоловка до станции Луза я добирался товарным поездом. Грузовой состав, перестукивая сцепами вагонов и наполняя воздух запахами сгоревшего мазута, остановился на станции. Тормозная площадка товарного вагона, на которой мне предстояло путешествие, была открытой. Впереди стоял хопер с подрезанным вниз боком, полая рама с множеством разных трубок и открытыми колесами, хорошее пространство для ветра. Площадка была завалена перезревшим кипреем. Какой-то «заяц», подобие меня, набросал для удобства цветущего иван-чая. На жаре и ветре он высох. Стручки потрескались, и в воздух из них вылетели сотни парашутиков. Они моментально облепили меня с ног до головы, лезли в нос и глаза. И хотя я столкнул основную массу травы с площадки на землю, растительного пуха от этого не убавилось. Поезд стоял. Машинисты тепловоза проверяли исправность своего мощного друга. Дали зеленый свет. Тепловоз толкнул горячие вагоны - и металлическая волна покатилась от головы состава, разрушая тишину. Ча -ча - ча. Ща - ща

- ша. Треск металла захлебнулся где-то в середине состава. Новый, более мощный, толчок тепловоза расшевелил весь состав. Впереди стоящий вагон ухнул всей своей многотонной массой по моему вагону, он содрогнулся и передал этот удар другим. Миллионы пылинок, вечные пассажиры поездов, радостно заискрились в лучах солнца. Тепловоз, расшевелив эту заснувшую массу, медленно набирал скорость. Вагоны, копируя друг друга, одинаково качнулись на стрелках и с возрастанием скорости стали выстукивать мотив. Тепловоз рывками давал ускорение. Не видно было полотна дороги, но по мотивам песни колес на стыках рельс можно было определить, идет ли поезд по прямой или делает поворот. Практически всегда, когда едешь в поезде, можно услышать, что колеса вагонов выстукивают или целую фразу, или отдельное слово. Вот и сейчас, поезд выскочил на прямой участок дороги, колеса спешат и радостно поют: «Шурышкары - шурышкары - шурышкары». На повороте включаются тормоза, вагоны наскакивают друг на друга, основная мелодия сбивается, слышны удары сцепов и, как в сонатах Бетховена, звучит тревога: «Кто ково, кто ково» - именно «ково». Поворот кончился, рывок тепловоза - и снова радостно звучит основная мелодия.

Шурышкары - это реальное название пристани на Большой Оби, оно врезалось в память, а стук колес вытащил его из глубины сознания.

По сторонам дороги мелькали зароды, и когда поезд не тормозил, приятно было вдыхать запах высохшей травы, наблюдать за полетами парашутиков кипрея. Семена совсем не вылетали за пределы тормозной площадки, а перемещались то вниз, то вверх, спускались ко мне на плечи, складки одежды, слушать музыку поезда, а то вновь срывались, устремляясь в новую пляску пылинок в пространстве между вагонами.

Поезд подходил к станции Луза, загорели тормозные колодки, затихла музыка вагонного оркестра. Я не стал дожидаться, когда поезд остановится совсем. Спрыгнул с рюкзаком на песчаное полотно железной дороги. Весь в пыли, с зарядом скорости товарного поезда пошел на автобусную остановку.

* * *

Автобус подошел точно по расписанию. На Лальск трое пассажиров: я да двое детей. Шофер внимательно осмотрел нас, как бы изыскивая в нас какой-нибудь изъян. По выражению лица было видно, что ехать ему не хочется, и явной причины отказа, чтобы не ехать, он найти не мог.

Лальск старый город, некогда славившийся своей торговлей, но с открытием Сибирского тракта замерла жизнь на Бабиновской дороге, а вместе с ней увяли некогда значимые города: Сольвычегодск, Великий Устюг, Лальск, Соликамск, Чердынь, Верхотурье и сам Тобольск.

Лальск - встретил своими посадами, крупными северными пятистенными домами, куполами соборов. Здесь в Лальске я родился, жил до трех лет. Конечно, из той жизни я ничего не помню, но желание знать свою малую родину привело меня сюда.

Двухэтажный дом приезжих мало заселен. Одна женщина вышла из номера на первом этаже, предупредила: «Администратора нет. Подождите, сейчас придет». Практически с жильем можно определиться было и сейчас. Все было открыто. В общей мужской комнате на десять коек шумно спал один мужчина. Я не стал ждать хозяйку, бросил рюкзак в коридоре на лавку у окна. Вышел на улицу и отправился в противоположную сторону от центра города. Деревянными тротуарами вдоль одноэтажных домов дошел до парка.

В сквере стояло несколько скамеек на сосновой алее. На футбольном поле я остановился. В проеме футбольных ворот стоял белый каменный, но уже выщербленный кладбищенский забор с воротами, увенчанными крохотным восьмериком и маковкой, на которой стоял, покосившись, христианский крест. Лошадка, запряженная в телегу, с низко опущенной дугой, уныло стояла в тени кладбищенских сосен и лениво отмахивалась хвостом от насекомых. Я сразу оказался в XYIII веке. Под скрип железных ворот, с непокрытой головой, я вошел в тишину. Мои предки по маминой линии жили и работали на бумажной фабрике, которая находится в трех километрах от Лальска. Здесь рождались на свет, здесь, в этом Лальске, и хоронили их (как и сейчас в XX веке) на этом самом кладбище. Я не знаю их могил, древние деревянные кресты давно уже сгнили, но останки моих родственников здесь - вечная память.

Здесь же над могилами возвышается Успенская церковь. Памятник XYIII века. Наземная могила русской православной веры. И отличие церкви от притулившихся к ней могил лишь в том, что ее крест стоит пока еще выше окружающих берез и сосен.

Я с уважением и трепетом ходил среди могил. Здесь одинаково оберегают надмогильные памятники только что умерших и погребенных до революции. Из черного мрамора - надгробия почетных граждан г. Лальска, купцов первой гильдии Сумкиных и Шестаковых. На памятнике основателя и первого директора бумажной фабрики высечены слова рабочего, который называет хозяина фабрики благодетелем, который обеспечил рабочих работой и заработком. Как справедливо, и не по Марксу, и удивительно, как до сих пор не добралась до этого памятника рука комиссара.

На лальском кладбище чисто. Такой порядок, пожалуй, я наблюдал только на Новодевичьем кладбище в Москве, но там высокие заборы и охрана, а здесь порядок от внутреннего уважения к людям когда-то жившим.

Дежурная по гостинице все еще не появилась. В коридоре маячила все та же женщина.

- А ее все нет. Видно, с коровой занялась. Да и семья у нее - закрутилась.

Я пошел ужинать. В чайной продавали пиво. Толпа мужиков окружала стойку. Сквозь разговор пробивался звон мелких монет. День шел к концу. Жажда выпить заглушалась пивом и стопкой красного вина. Но и мелочь находилась не у всех.

- Маша, ну налей. Завтра отдам, - канючил пьяный мужчина в рабочей спецовке, худой и с впалыми щеками.

- Отстань, сказала - не налью, - отмахивалась полная розовощекая продавщица.

Через минуту снова повторялась эта канитель.

- Маша, налей стаканчик, - ныл совсем потерявший гордость мужчина.

- Я тебе сказала - не налью! Допристаешь, лешак эдакий, смотри, нажрался-то как. Завтра скажу жене. Она тебе даст.

Эта беззлобная перебранка шла до закрытия чайной. И ни одна сторона не хотела уступать.

Дежурная по гостинице появилась где-то в девятом часу вечера.

- Ах, а у меня постоялец, - всплеснула она руками, - заждался небось?

И не дожидаясь ответа, оправдывалась:

- Покос сейчас, покос. Пошла пособить мужу. А тут, глянь, небо-то как-то затянуло. Боюсь, как бы дожжа не было. Скорей, скорей. Как бы не замочило. Сгребли в копны. Ишь, время-то и ушло. Он дометывать остался, а я вот прибежала. Так чо, на долго ли, как? Откуда родом-то?

- Ваш я, лальский.

- Да ну? - удивилась женщина. Как фамилия-то? Чо то не знаю таких. - У меня бабушка на фабрике жила.

- А-а. То-то я гляжу. Фабричный, значит. Так чо там не остановился?

- У меня там никого нет.

- Ладно. Паспорт-то есть? Где спать-то будешь? На верху аль здесь?

- А где лучше и дешевле, там и устраивайте.

- А у нас все не дорого.

Я протянул ей паспорт. Женщина открыла его и медленно читала.

- Смотри-ко, действительно лальский, и даже «город» указано. Город-то от нас отняли. Поселком сделали. Ну пошли, я тебе покажу, где спать будешь.

За широкой фанерной дверью открылась лестница на второй этаж. Ступени щелкали под тяжестью ног. На втором этаже было чисто и уютно. Комнату мне отвели двухместную на одного.

- Вот, пожалуйста, занимай любую. Ключ вот. Смотри не потеряй, он у нас один.

Через двадцать минут я был снова на ногах. Вечерело. Солнце садилось за лальскими посадами. Пыль медленно оседала на карнизы старинных деревянных домов, перила небольшого мостика, на серо-зеленые листья тополей. Аптечным переулком, совсем тихим в тихом городке, я подошел к главной реликвии этого 400-летнего поселения - Воскресенскому собору. Памятнику конца XYII начала XYIII веков. Этот собор был свидетелем торгового расцвета Лальска и является свидетелем сегодняшней жизни. Памятник потихоньку разру-

шается. Ценные иконы собора «Архангел Михаил» вывезены в музей А. Рублева в Москву. Прикасаешься к этим пыльно-белым стенам собора и испытываешь чувство гордости за русских людей, приобщаешься к их древнему труду, к их жизни. И жаль, что она разрушается эта жизнь и этот древний труд.

Вдоль невысокого берега реки Лалы выстроились древние купеческие дома и старые развесистые тополя. Здесь, по-видимому, было главное место прогулок лальчан, и по своему типу застройки Лальск напоминает г. Красноборск на Северной Двине или Киров на реке Вятке. Хотя здесь невысокий берег, но вид с него объемный, в широкой пойме реки далеко видны здания других поселений.

Река узкая и мелкая. Домашние утки своими носами- лопатами, как вибраторами, рыхлили речной ил. Двое мальчишек, задрав штанины, бродили по середине реки, поднимая камни со дна, и с таким же старанием, как утки, рыхлили дно реки. Все их попытки наколоть на вилку хоть какую-нибудь рыбку успеха не имели. На месте, где река поглубже, у моста, женщины, подогнув подолы, полоскали белье. Одинокий рыбак искал на берегу место, где бы можно было получше устроиться. Длинное удилище, перевязанное во многих местах синей изолентой, явно было рассчитано не для этой реки. Он закидывал удочку вдоль реки, затем делал два шага назад, чтобы пропустить поплавок. Поплавок-перо медленно проплывал мимо рыбака и уходил под мост. Рыбак ждал несколько минут с надеждой, что там-то под мостом обязательно клюнет. Но его снасть напрасно мокла. Тогда он снова забрасывал поплавок вверх по течению и все начиналось с начала.

В тени берега и высоких тополей уже наступил вечер, поплавок сливался с оттенками воды. Рыбак знал, что уже не клюнет, но все закидывал и закидывал из любви к своему занятию и веры в какое-то чудо. А вдруг повезет! Ему не везло.

- Как клюет? - спросил я его.

- Да плохо. Вот сорвался тут окунек. Не успел как следует подсечь.

Он начал рассказывать о судьбе окунька, о своей рыбацкой судьбе. Я давно за ним наблюдал и видел, что клева у него не было. Но он все рассказывал. Пустая сумка, на длинном ремне через плечо, болталась на ягодице. Сухая чешуя на сумке

отражала сумрак вечера. Рыбак достал папиросу, закурил, не торопясь смотал удочку, досказал рассказ об этом злосчастном окуньке, и поняв, что перед ним незнакомый человек, спросил:

- Чей будешь?

- Приезжий, - ответил я.

- А-а?! - пропел он многозначительно и замолчал.

Я пошел через мост в сторону бумажной фабрики. Тропка бежала вдоль реки, зарослей ивняка. Проходившие по тракту машины засыпали пылью листья деревьев, траву и тропу. Шум мотора, скрип крючков, сцепляющих борта кузова, нарушали тишину. С половины дороги между Бумфабрикой и Лальском я повернул обратно. Купола собора четко вырисовывались в спускающейся темноте. Мне представилось, как много лет назад склоняли головы, гладя на эти купола и кресты, возвращающиеся домой в ночи лальчане.

Солнце бьет в розовые гостиничные занавески. Комната от этого кажется легкой, как воздушный шарик. От этой легкости и воздушности невольно поется: «А все-таки море останется морем и нам без него не прожить никогда». Заправляю кровать, умываюсь в душном умывальнике.

На берегу реки Лузы стоит Покровская церковь. Одна-одинешенька. Кто ее построил? Для чего?

Погода сегодня менялась несколько раз. С утра было солнце, потом воздух остыл и накрапывал дождь. После обеда снова солнце. Иду на переправу, церковь стоит на противоположном берегу. Деревянный тротуар проложен до последнего дома на центральной улице. За городом начинается песчаная почва. Хорошо выбитая десятками ног тропа струится между сосен, сухого ягеля и обобранного черничника. Меж стволами деревьев блестит река. Но она, скорей всего, представляет из себя ствол дерева, растянувшийся на сотни километров: сплошным потоком движется сплавляемый лес.

Паром не пришлось ждать. Шофер тяжело груженого МАЗа нетерпеливо газовал, отравляя пространство отходами сгоревшей солярки. Еще несколько машин стояли в очереди. Когда путь к парому освободился, МАЗ взревел и медленно стал спускаться к реке. Паром сначала накренился под тяжестью передних колес, а затем осел почти до контрольной линии под грузом одной машины. Шофер выпрыгнул из каби-

ны и начал крепить машину. Паромщик, крепкий мужчина, с красным, как спелое яблоко лицом, кричал, обдавая всех винным запахом.

- Никого больше не пущу. Хватит. Успеется.

Он закрыл ограждение парома, нажал кнопку пускателя, но паром не двинулся. Надсадно гудел электромотор.

- Ну-ко, Васька, помогай, - кричал он шоферу, - хватит с девками щупаться. Бери багор. Расталкивай бревна. Смотри их сколько наплыло пока стояли.

Высокий белокурый парень спокойно расталкивал бревна перед паромом и продолжал шутить с девушками.

Паром медленно отошел от причала. Со скоростью перегруженного муравья, с остановками, стал приближаться к противоположному берегу.

Паромщик объяснял мне: «Как сойдешь - направо. Пройдешь верст пятнадцать по бережку - и будет церковь. Я работаю круглосуточно. Успеешь».

Тропа повела меня вдоль крутого берега реки, мимо пахучих зародов, по скошенным лугам. На противоположном берегу чернели крыши деревянных домов. Было тихо и тепло. На каждом повороте река оставляла пляж из чистого песка. Тропа обходила повороты реки, спрямляла путь, иногда вообще шла вдали от реки и, казалось, что она совсем оторвалась от этой извилистой ленты и бежит куда-то самостоятельно.

Заливные луга раздвигали свои просторы. Здесь в низовьях реки сенокосные пабереги оттеснили лес, и только кусты черемухи на лугах, как острова в половодье, растут широко и защищают жизнь. Заберешься на такой остров - и теряешь чувство времени. Здесь ягоды черемухи, малины, жимолости, шиповника. Выбираешь самую крупную и сочную ягоду черемухи. Наклоняешь ветку и снимаешь губами, как медведь, сладкую и вяжущую массу. Чтобы очистить язык от остатков черемухи, опускаешь руку вниз и срываешь ягоды жимолости. Серо-голубая овальная ягода в руках синеет. Кисленькая жимолость очищает оскомину во рту от черемухи. На десерт малина переспелая, сладкая-сладкая. Но время идет.

Тропа вновь через лес и заросли травы вышла к реке. Двое загорелых мужчин в плавках ловили миногу. Они доставали со дна реки длинными шестами, с двумя крючьями на конце,

речной ил, а вместе с ним светло-серую, извивающуюся, как уж, миногу и выбрасывали на берег мальчику.

Мальчишке, лет двенадцати, давно надоело подбирать эти неприятные существа. Он давно сбился со счета, сколько выловлено миног, и канючил:

- Хватит уже, хватит. Уж штук сто есть. Куда их девать-то потом.

Но старшие настаивали:

- А ты считай еще раз.

Мальчик в который уже раз вырывал ямку в песке, опрокидывал ведро с водой и миногами и начинал считать. Вода в ямке пенилась от большого количества живых существ, как во вскипевшем котелке. Мальчик брал за голову миногу, поднимал до уровня глаз, смотрел на пляску миноги и уныло и тягуче говорил:

- Ра-а-з, - и бросал миногу в ведро с водой. Опускал руку в ямку и снова противно тянул:

- Два-а.

Не успел он сосчитать до десяти, как вода в ямке вся ушла. Миноги, как черви, стали уходить вглубь песка. Мальчик все так же вяло раскапывал песок, хватал миног за хвост и произносил:

- Тридцать тр-р-и.

Он досчитал до девяноста семи и решительно заявил:

- Хватит.

Поставил ведро на песок и пошел бродить по берегу.

Мужчины еще некоторое время потаскали ил со дна, но миног стало меньше, да и видно, что это занятие им порядочно надоело. Побросали на берег свои шесты и плюхнулись в воду отмывать засохший на теле песок.

Я побрел дальше. Река петляла в своем песчаном русле, тропа все стремилась спрямить эти повороты. Луга сменялись лесом, но тропа всегда приводила к воде. На одном из поворотов реки, над лесом, вдруг вознесся восьмерик, увенчанный крестом. Покровская церковь. Светило солнце, над куполом собралась большая синяя туча. На фоне этого величия природы контрастно просматривалось белое и стройное величие человеческого труда.

Казалось, цель рядом, но река здесь делает круг километра на три. Я решил искупаться. На ходу снял рубашку, шел,

размахивая фотоаппаратом. Белый песок плотно облегал кеды, ноги проваливались глубоко, и от этого шаг был коротким. До воды было метров пятьдесят, и вдоль реки, насколько я мог видеть был сплошной песок. Казалось, я один на этом золотом пляже. Но нет. Мое появление не понравилось чайкам. Они кружили надо мной и кричали свое:

- И-и-ха-ха.

И пока я медленно шел к воде, чайки все смеялись надо мной.

- И-и-ха-ха. Но одна из чаек рассердилась не на шутку, и ее «И-и-ха-ха» стало походить на старушечье ворчание.

Я вошел в воду. Большая серая стая мальков бросилась врассыпную. Упругое песчаное дно ласкало разгоряченные ноги. Я медленно погружался в воду под ругань чайки. Течение подхватило мое тело, но я поплыл против течения, нырял, фыркал, стучал от блаженства ладошками по воде. Такая вольность человека совсем вывела чайку из равновесия. Она, как нервная баба, от ругани перешла к делу. Чайка стала делать круги над моей головой и пикировать, как бомбардировщик. Я ее встречал брызгами воды. Остальные птицы улетели, а эта все кружилась надо мной, сердито кричала, гнала прочь. Кричала до тех пор, пока я не вышел на песок. Здесь еще раз чайка набросилась и, заметив, что осталась одна, жалобно застонала: «Пи-и, пи-и», замахала крыльями и бросилась догонять своих.

Туча закрыла солнце. Надо спешить, иначе я не успею до дождя добраться до церкви. Дорога упрямо отходит от реки и опять через лес, через деревушку вывела меня в заросли красной и черной смородины. Красная смородина была такая спелая, что через пленку ягоды просвечивались косточки. Начал накрапывать дождь. Дорога в этом месте шла по леску. Молодой, густой сосняк обступил ее с обеих сторон.

Но вот она - Покровская церковь. Стоит совсем одна. Ближайшее поселение из десяти домов - в трех километрах. Стоит, как забытый часовой, с первой половины XYIII века. Такая стройность и величие украсили бы и Большой проспект в Питере, и любой уголок Москвы. Но судьба этой церкви стоять одиноко на берегу северной реки Лузы.

Дождь усилился. Я бегом перемахнул через жердевой забор и влетел через окно на первый ярус церкви.

Тишина. Некогда прекрасно расписанные стены первого яруса исцарапаны ножами, гвоздями, исписаны углем. Каменный пол разобран. Песок разрыт конскими копытами. В алтаре раздвинуты толстые половые плахи, в которых просматривается черный ход.

И в этой тишине вдруг: «Гу-у». И снова тихо. На улице идет косой, частый дождь. Нижние ряды иконостаса растащены. Верхние устремились к куполу, они целы и даже сохранились отдельные образы. А под самым куполом, на крепежных перехватах... снова... «Гу-у»... Это голуби.

Парадный вход на верхний ярус закрыт на большой замок, но есть пролом вверху. Я лезу в него. Чистые, как будто вымытые вчера, ступени ведут вверх. Верхний ярус разрушен меньше. Сцены из жизни святых в большом сводном зале торжественны. Я поражен, какая красота создана здесь в глуши и брошена сейчас на разграбление. Никогда русский народ не будет богатым, не ценит своих трудов, не сохраняет.

Узкий проход в стене ведет вниз, в темноту, и вверх на колокольню. Узкий спиралеобразный ход, кирпичные стоптанные ступени. Я поднимаюсь на колокольню. На верхнем марше деревянная опора лестницы сгнила. Лестница накренилась и держится только одной стороной у стены. Перила и ступени завалены голубиными отходами. «Лезть или не лезть? Выдержит или не выдержит?» - думаю я. Лезть, только вперед! Пол на колокольне давно сгнил, ходить можно только по балкам и нишам восьмерика. Колокола давно сброшены.

Вид с колокольни необыкновенный. Дождь все еще идет, но туча освободила солнце - и тройная радуга во все небо. И ты чуть не на ее вершине.

Я прошел по всем восьми нишам. Везде лес, луга и тишина. Ради такой красоты стоило сюда идти.

Дождь кончился. Солнце совсем приблизилось к западному горизонту. Я еще раз взглянул на это гордое в своем величии, взметнувшееся над лесом на пустынном берегу реки создание рук человеческих. Поклонился. И пошел обратно в Лальск.

Я шел по знакомым уже для меня лугам, перелескам, пляжам. Я торопился, но из этого ничего не получилось. Спелые ягоды удерживали меня. Я запаздывал. Быстро темнело. Я начал составлять план, где мне лучше переночевать. На па-

ромщика я не надеялся. Значит, надо добираться до переправы, а там есть домик. В нем можно переночевать, если он не закрыт.

Мне повезло. На противоположном берегу трое мужчин что-то делали в зарослях ивняка. Лодка была уже вытащена из воды далеко от берега. Я на всякий случай крикнул им:

- Эй, парни, - голос в темноте прогремел неожиданно, как из громкоговорителя.

- Чо? - последовал ответ.

- Перевезите, пожалуйста, а то я на паром опаздываю.

Парни обменялись мнениями. Я особенно не надеялся, люди устали в конце дня, до меня ли им. Но двое мужчин стащили лодку на воду. Один из них ловко орудуя веслом, раздвигая бревна, причалил к берегу.

- Садись. Где так долго задержался?

- Ходил смотреть церковь.

Эти трое были те самые люди, что ловили миног.

Я поблагодарил и извинился, что задержал их у реки.

- Ладно. Дорогу-то знаешь?

- Нет.

- Выходи через ивняк, там и дорога.

Я пошел по незнакомому для меня берегу реки. Начала подниматься луна. Было совсем безветренно. Один за другим обогнали меня на велосипедах те, кто перевез меня на этот берег. И обгоняя, каждый хотел меня подбодрить:

- Еще немного - и будет деревня, а еще через две деревни будет переправа.

Я улыбнулся этим заботливым незнакомым людям. Я не устал и не боялся темноты. Мне было приятно идти по этим местам.

Вскоре показалась деревенька. Черные стекла отражали стальной лунный свет. Собаки опомнились, когда я подходил уже к последнему из трех домов. Они не решились выскочить из под- воротен. И снова тишина. Луна холодными дорожками пересекает реку. Напеваю привязавшуюся мелодию: «И все-таки море, останется морем...» и шагаю, шагаю в ночи.

Но люди не спят ночью. Где-то застучал мотор автомашины. Я иду вперед, а машина все не может меня нагнать. И только у третьей деревеньки тускло блеснул огонек фары, его яркость не превышала мощности слабого карманного фонари-

ка. На машине везли сено. Когда кабина машины поравнялась со мной, шофер открыл дверцу и спросил:

- Куда?

- В Лальск.

- Садись в кабину. - Кабина старого разбитого ЗИСа была занята ребятишками.

- Ну-ко вы, сгрудьтесь, - скомандовал шофер. Ребятишки сжались в комочки.

Старая машина натужно шла под тяжестью большого груза, качалась на ямах, и шофер постоянно открывал дверь кабины, высовывался, смотрел на груз, молча гремел железной дверью. Мы медленно продвигались вперед.

В гостиницу я пришел в два часа ночи.

* * *

И вот снова я в г. Луза на берегу реки Лузы. Именно с этого места для меня начинается Родина. В далеком трагическом 1941 году, 22 июня, моя покойная мама беззаботно полоскала белье в реке Лузе. Был воскресный летний день. С верховий реки шел какой-то пароходик, на палубе которого было много народа. Все были возбуждены, кричали, слышался женский плач. Когда пароходик приблизился к нам, не сразу, но постепенно стало ясно что же произошло. Пассажиры на палубе были в курсе событий: радио, которое было на пароходе, приняло обращение правительства к советскому народу. Началась паника, люди на палубе все враз забыли об отдыхе и все враз захотели быть у себя дома со своими близкими. Пароход пыхтел, но не мог сразу причалить. Люди кричали. Моя мама поняла смысл произошедшего, закричала в голос вместе с пассажирами. Но ей было проще, она схватила узел с бельем и понеслась к дому. Я - пацан, которому шел лишь четвертый год, - был перепуган переменой настроения близкого человека, криками с палубы, непониманием происходящего, но уловил основу беспокойства - всенародной беды - заревел, как все, уцепился за мамину юбку и долетел вместе с ней до дома. Это потрясение и есть моя первая память, первая зацепка за сознательную жизнь.

Бежит река Луза, она в своих низовьях судоходна. Бежит навстречу со своим ближайшим другом - рекой Юг, а дальше

объединившись с Сухоной, Вычегдой, образует большую реку - Северная Двина. Все вместе они, радуя людей, несут свои воды к Ледовитому Океану.

1974,1976,1979.
ноябрь 1998 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Николаевич Голдин

ПО РЕКЕ ЛУЗЕ
Повести и рассказы.

Корректор Н.С.Сотникова
Компьютерная верстка Т.В.Двининой

Уральская академия государственной службы,
620148, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66

Лиц. на издательскую деятельность № 040802 от 07.03.97 г.

Подписано в печать 08.07.99г. Формат 60 х 84\16. Бумага офсетная Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Уч.-изд. 10. Усл.-печ. 12,55. Тираж 200. Заказ 997

Отпечатано в ОАО"Полиграфист"
620151, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 20.